

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Хемсакун Чанунпорн

**ПРЕФИКСАЛЬНЫЕ ПАРАДИГМЫ ДЕРИВАТОВ,
МОТИВИРОВАННЫХ ГЛАГОЛАМИ
ХАРАКТЕРИЗОВАННОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор **Г.Н. Плотникова**

Екатеринбург – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. Теоретические основы исследования префиксальных парадигм дериватов, мотивированных глаголами характеризованной речевой деятельности.....	15
1.1. Глаголы характеризованной речевой деятельности в системе лексико-семантического множества глаголов, обозначающих речевой процесс.....	15
1.1.1. Принципы выделения классов глаголов речевой деятельности.....	17
1.1.2. Семантико-грамматические особенности глаголов характеризованной речевой деятельности	19
1.2. Словообразовательная парадигма как объект исследования.....	23
1.2.1. Понятие словообразовательной парадигмы.....	23
1.2.2. Структурно-семантические особенности словообразовательной парадигмы.....	23
1.3. Характер семантических изменений глагола в процессе префиксальной деривации.....	33
1.3.1. Особенности глагольных приставок в русском языке.....	33
1.3.2. Соотношение глагольной префиксации с грамматической категорией вида.....	38
1.3.3. Модификация и мутация как разновидности семантических изменений в структуре глагола.....	49
Выводы по первой главе.....	60
ГЛАВА 2. Типы модификационного значения префиксальных глаголов, характеризованной речевой деятельности.....	62
2.1. Взаимосвязь модификации и способа глагольного действия.....	62

2.2. Префиксальные дериваты, образованные от глаголов характеризованной речевой деятельности, со значением начинательного способа действия.....	66
2.3. Префиксальные дериваты, образованные от глаголов характеризованной речевой деятельности, со значением ограничительного способа действия.....	79
2.4. Префиксальные дериваты, образованные от глаголов характеризованной речевой деятельности, со значением длительно-ограничительного способа протекания действия.....	88
2.5. Префиксальные дериваты, образованные от глаголов характеризованной речевой деятельности, со значением общерезультативного способа действия.....	93
Выводы по второй главе.....	101
ГЛАВА 3. Особенности мутационных изменений семантики глаголов, принадлежащих группе характеризованной речевой деятельности, в процессе префиксальной деривации.....	104
3.1. Типы мутационных изменений глаголов характеризованной речевой деятельности.....	104
3.1.1. Трансмутация в процессе глагольного словообразования.....	106
3.1.2. Отраженная мутация в процессе глагольного словообразования.....	112
3.2. Семантическое расстояние между производящим и производным глаголами при мутационных изменениях в процессе префиксальной деривации.....	122
3.2.1. Основание для измерения семантического расстояния между производящим и производным глаголами в результате мутационных изменений.....	122

3.2.2. Степени семантической удалённости префиксальных дериватов, мотивированных глаголами характеризованной речевой деятельности, в результате мутационных изменений.....	125
Выводы по третьей главе.....	140
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	143
БИБЛИОГРАФИЯ.....	152
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	176
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	177

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития лингвистической науки довольно значителен интерес к семантике языковых единиц разных уровней. На словообразовательном уровне в центре внимания в связи с этим оказывается семантика производного слова. Многие ученые (Ю. С. Азарах, Э. И. Амиантова, Л. А. Вараксин, Б. Н. Головин, Е. А. Земская, О. П. Ермакова, В. В. Лопатин, В. И. Максимов, А. Н. Тихонов, К. А. Тимофеев, И. С. Улуханов, М. А. Шелякин, и др.), исследуя семантику производного слова, выявляют мотивационные отношения в процессе деривации, определяют роль деривационных средств в формировании значения деривата, раскрывают специфические особенности семантики деривата по сравнению с производящей основой и т.д. При этом они отмечают, что особого внимания заслуживают исследования, в которых семантика производного слова рассматривается не изолированно, а в структуре комплексных словообразовательных единиц: словообразовательном гнезде, словообразовательной цепочке, словообразовательной парадигме и др. В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что во многих случаях решение различных проблем, связанных с однокоренными словами, возможно лишь на фоне словообразовательного гнезда, для семантической характеристики которого важны исследования, посвященные описанию конкретных гнезд. Между тем, семантическое описание словообразовательного гнезда невозможно без изучения таких элементов гнезда, как словообразовательная цепочка и словообразовательная парадигма. Но, как отмечает А. Н. Тихонов, именно эти элементы гнезда изучены совершенно недостаточно. Между тем описание конкретных словообразовательных парадигм позволит определить их роль как в структуре конкретного

словообразовательного гнезда, так и в системной организации словообразования в целом [Тихонов 2001: 12].

В связи с этим особую значимость приобретают исследования словообразовательной парадигмы, мотивационной базой для которых являются слова, принадлежащие к одной лексико-семантической группе. В последние десятилетия ученые обращают особое внимание на проблемы глагольных лексико-семантических групп. В этом плане следует отметить прежде всего работы Уральской семантической школы, сформированной под руководством видных российских ученых: Э. В. Кузнецовой и Л. Г. Бабенко. Эти работы затрагивают глобальные проблемы, связанные с системной организацией русской глагольной лексики, чему посвящен ряд серьезных как теоретических (монографии, диссертации), так и лексикографических работ – словари различного рода, среди которых наибольший резонанс в международном масштабе получил Толковый словарь русских глаголов под редакцией Л. Г. Бабенко, который послужил и для нас источником материала для исследования. В рамках данной семантической школы затрагиваются и вопросы, связанные с исследованием отдельных лексико-семантических групп глаголов. (Л. Г. Бабенко, Н. А. Боровикова, И. Т. Вепрева, И. М. Волчкова, О. П. Жданова, Н. В. Золотарева, Ю. В. Казарин, Э. В. Кузнецова, Л. Ф. Клеопатрова, А. М. Плотникова, Ю. И. Плотникова, Т. В. Попова, Т. Н. Сивкова и др.).

Интерес к глагольным лексико-семантическим группам обусловлен тем, что, как отмечают ученые (В. А. Белошапкова, В. М. Шелякин, Н. Ю. Шведова и др.), среди всех частей речи глагол является доминантой русской лексики и не просто образует «глубоко разветвленный и обширный класс слов, но и обнаруживает стремление к активному

проникновению в сферы других классов, во многом диктуя им пути пополнения и внутренних перегруппировок» [Шведова 1995:44].

Особую значимость представляют исследования деривационных процессов, связанных с определенной лексико-семантической группой. Как считают ученые, они являются перспективными, так как позволяют нам не только установить типы семантического соотношения между производящими и производными единицами, словообразовательный потенциал отдельных лексико-семантических групп, но и глубже проникнуть в сущность системных отношений в лексике.

При этом первостепенной задачей на сегодняшний день, по мнению ученых, являются исследования таких лексико-семантических групп, которые наиболее важны для формирования национальной языковой картины мира, потому что «исследование языковой семантики становится в рамках такой задачи первым шагом к восстановлению языковой картины мира или, по крайней мере, ее фрагментов» [Кронгауз 2001: 105].

Все это определяет **актуальность нашей работы**, так как она посвящена исследованию парадигмы префиксальных дериватов, мотивированных глаголами, принадлежащими одной лексико-семантической группе – глаголам характеризованной речевой деятельности. Эта группа глаголов связана с повседневной обыденной жизнью русского человека и поэтому в большей степени отражает национальные особенности его речевой деятельности, которая является важным фрагментом языковой картины мира.

Степень разработанности проблемы. В настоящее время проблема семантического изменения префиксальных дериватов, мотивированных глаголами, принадлежащими одной лексико-семантической группе – глагола характеризованной речевой деятельности ранее не подвергалась специальному исследованию ни в

семантико-деривационном плане, ни с точки зрения лексикографического представления. Именно такой комплексный подход, осуществляемый на функциональной основе и путем сопоставления семантики производящего глагола и его деривата, позволяет выявить характер изменения семантики членов префиксальной парадигмы глаголов характеризованной речевой деятельности. Степень разработанности проблемы определяется также отсутствием в современной науке единого понимания характера изменения глагольной семантики префиксально-производного глагола по сравнению с производящей основой.

Объект нашего исследования – префиксальные парадигмы дериватов, мотивированных глаголами характеризованной речевой деятельности.

Предмет нашего исследования – деривационно-семантическое пространство префиксальных дериватов, мотивированных глаголами характеризованной речевой деятельности.

Цель нашего исследования – исследование специфики словообразовательной семантики префиксальных дериватов, мотивированных глаголами характеризованной речевой деятельности, с учетом характера семантических изменений производящей основы.

Исходя из поставленной цели, необходимо решить следующие **задачи**:

- На основе анализа научной литературы уточнить терминологический инструментарий и определить теоретический фундамент исследования префиксальных дериватов, мотивированных глаголами, принадлежащими к одной лексико-семантической группе.

- Определить комплекс методов и принципов, дающих возможность на единой концептуальной основе описать характер

семантических изменений производящей глагольной основы в процессе образования префиксального деривата.

- Выяснить, используя толковые словари, структурные особенности дефиниций производных и непроизводных глаголов характеризованной речевой деятельности, характерные для описания глагольной семантики каждой группы префиксальных дериватов для выявления их специфических особенностей семантико-деривационного плана.

- Произвести анализ семантической связи префиксального глагола с производящим и установить тип словообразовательной семантики каждого лексическо-семантического варианта (ЛСВ) деривата (модификационный/ мутационный).

- Выявить основные типы модификационных изменений, характерных для глаголов характеризованной речевой деятельности.

- Учитывая мутационный тип словообразовательной семантики префиксально-производных глаголов, выявить характер мутации и степень семантической удалённости префиксального деривата от производящей основы.

Материалом для нашего исследования послужили глаголы принадлежащие одной лексико-семантической группе – группе глаголов характеризованной речевой деятельности. Эта группа глаголов выделена в Толковом словаре русских глаголов под редакцией Л. Г. Бабенко [ТСРГ 1999]. Далее для нашей работы мы взяли приставочные глаголы, мотивированные глаголами характеризованной речевой деятельности, входящие в словообразовательные гнёзда и представленные в Словообразовательном словаре русского языка А. Н. Тихонова [Тихонов 1985], а также дефиниции этих глаголов, представленные в Толковом словаре русского языка [Толковый словарь русского языка, 1981-1984] и в Словаре современного русского литературного языка

[Словарь современного русского литературного языка 1950-1965]. В результате анализу подверглись 745 лексем и свойственные им 1142 семемы. Причём в число семем (ЛСВ) мы включили и те значения, которые в толковых словарях обычно даны под особым знаком (||) и в лингвистической литературе трактуются как *о т т е н к и* значения. Это было сделано прежде всего на том основании, что эти семантические варианты значения слова тоже имеют собственные дефиниции, в которых, по словам Л. А. Новикова, отражается с разных сторон характеристика одной и той же сущности (Новиков 1982). При этом отмечается, что проявление *о т т е н к а* значения осуществляется только в особых контекстных или речевых условиях.

Методологической базой нашего исследования являются основные положения теории словообразования (Н. Д. Арутюнова, В. А. Богородицкий, Л. М. Васильев, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Е. А. Земская, Н. В. Крушевский, В. В. Лопатин, И. Г. Милославский, В. В. Немченко, Г. Н. Плотникова, А. И. Смирницкий, А. Н. Тихонов, И. С. Улуханов, Н. М. Шанский и др.); достижения лингвистики, связанные с исследованиями в области семантики лексических единиц (Н. Н. Амосова, П. Н. Денисов, Э. В. Кузнецова, Е. Курилович, Л. А. Новиков, Т. В. Попова, Р. П. Рогожникова, Д. Н. Шмелев и др.), в том числе когнитивный подход к анализу языковых единиц (Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, А. А. Залевская, С. Д. Кацнельсон, Е. С. Кубрякова, М. В. Никитин, З. Д. Попова, А. М. Плотникова, И. А. Стернин и др.); достижения в области грамматического учения глагольных категорий (А. В. Бондарко, В. В. Виноградов, С. А. Емельянова, Ю. С. Маслов, И. П. Мучник, Н. П. Некрасов, А. Н. Смирнов, А. Н. Тихонов, М. Ю. Черткова и др.); достижения в области изучения лексико-семантических групп глаголов (Л. Г. Бабенко, Н. А. Боровикова,

Л. М. Васильев, И. Т. Вепрева, О. П. Жданова, Н. В. Золотарёва, Г. А. Золотова, Л. Ф. Клеопатрова, Э. В. Кузнецова, Э. А. Лазарева, О. А. Михайлова, Т. В. Сивкова, Ф. П. Филин др.).

В зависимости от поставленных задач в диссертации при обработке материала использовался комплексный **метод**, включающий анализ словарных дефиниций с сопутствующими ему элементами компонентного анализа, контекстуальный анализ, морфемный и словообразовательный анализы. Использовались также общенаучные методы: метод классификации и квантитативный метод.

Научная новизна нашего исследования заключается в том, что впервые комплексному анализу подвергается парадигма префиксальных дериватов, мотивированных глаголами, которые принадлежат к одной лексико-семантической группе – глаголам характеризованной речевой деятельности. При этом выявляются закономерности взаимоотношений между семантикой исходных глаголов и семантикой их префиксальных дериватов, а также характер словообразовательной семантики каждого деривата (модификационный/мутационный).

Теоретическая значимость состоит в том, что проведенное исследование подтверждает пока ещё не очень распространённые взгляды ученых на характер словообразовательных значений глагольно-префиксальных дериватов, которые могут представлять как модификацию, так и мутацию. Теоретически значимым является и более детальное обоснование понятий модификации и мутации в сфере внутриглагольного словообразования, а также развитие методики анализа глагольно-префиксальных дериватов с этой точки зрения и уточнение и расширение понятийного аппарата, связанного с подобным анализом. Результаты исследования будут способствовать дальнейшей разработке проблем описания глагольной семантики.

Практическая значимость заключается в возможности использовать результаты исследования при работе с иностранными студентами, изучающими русский язык как иностранный, а также в преподавании специальных курсов по проблемам словообразования как в русскоязычной аудитории, так и в иностранной, и, возможно, при составлении учебно-методических пособий. Кроме этого, материалы исследования могут быть использованы в лексикографической практике.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Лексико-семантическая группа глаголов характеризованной речевой деятельности представляет собой сложный лексико-семантический конструкт, отличающийся от других глаголов речевой деятельности по характеру семантической структуры и прагматической направленности, а также состоящий из разнотипных элементов, которые отличаются друг от друга: 1) разной генно-информационной сущностью; 2) словообразовательной структурой и грамматической характеристикой; 3) способностью к формированию деривационно-семантического пространства данной лексико-семантической группы при помощи префиксальных дериватов.

2. Словообразовательная семантика префиксальных дериватов, мотивированных глаголами характеризованной речевой деятельности, характеризуется двумя типами соотношения с семантикой исходных глаголов: модификация и мутация.

3. Префиксальные глаголы с модификационным значением, мотивированные глаголами характеризованной речевой деятельности, соотносительны с четырьмя способами глагольного действия: начинательным, ограничительным, длительно-ограничительным общерезультативным способом действия. При этом каждый способ

глагольного действия имеет свои семантические разновидности и свои формальные показатели: набор приставок – модификаторов.

4. Мутационные изменения в лексико-семантической структуре исходного глагола связаны с двумя разновидностями: трансмутацией и отражённой мутацией.

5. В результате мутационных изменений глаголы характеризованной речевой деятельности пересекаются с разнообразными классификационными разрядами глаголов, демонстрируя различную степень семантической удалённости префиксальных дериватов от исходного глагола.

Степень достоверности полученных результатов исследования определяется достаточным объемом эмпирического материала и соответствующим уровнем современной науки обоснованием исходных теоретических положений, использованием научных методов, которые соответствуют предмету, объекту, целям, задачам и логике исследования, а также положительными результатами, полученными в процессе анализа исследуемого лексического материала, которые соотносительны с достижениями видных ученых в этой области.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры русского языка для иностранных учащихся Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Основные результаты работы освещались в докладах на конференциях, в числе которых: «Слово в традиционной и современной культуре» (Екатеринбург, УрФУ, 2011), международная конференция «Актуальные проблемы германистики, романистики, русистики» (Екатеринбург, УрГПУ, 2013, 2014), международная конференция «Дидактика межкультурной коммуникации в иноязычном образовании: теория и практика», посвященная 75-летию

доктора педагогических наук, профессора А.Н. Утехиной (Ижевск, УдГУ, 2013), I международная научно-практическая конференция «Language and business» (Екатеринбург, УрГУПС, 2014), международная научная конференция «Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: эволюция интерпретаций» (Екатеринбург, УрФУ, 2014), а также III международная научно-практическая конференция «Языки России и стран ближнего зарубежья как иностранные: преподавание и изучение» (Казань, КФУ, 2014).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы, списка условных сокращений и приложения.

Глава 1. Теоретические основы исследования префиксальных парадигм дериватов, мотивированных глаголами характеризованной речевой деятельности.

1.1. Глаголы характеризованной речевой деятельности в системе лексико-семантического множества глаголов, обозначающих речевой процесс

1.1.1. Принципы выделения классов глаголов речевой деятельности

Глаголы характеризованной речевой деятельности входят в лексико-семантическое множество глаголов речи, которое включает в себя очень обширный класс слов, представляющий интерес для лингвистов, работающих в самых разных аспектах: семасиологов, специалистов по лингвистической прагматике и речевому воздействию, аспектологов и специалистов в области словообразования. Глаголы речи неоднократно становились объектом разностороннего исследования. Это приводило к тому, что разный подход к глаголам речи обусловил и различные их классификации. Так, например, Л. М. Васильев классифицирует семантическое поле речевых действий с разных сторон: с внешней стороны (произнесение, письмо, чтение и др.), со стороны содержания (высказывание, болтовня, шутка, острословие, обман и др.), с коммуникативной стороны (сообщение, обещание, совет, объяснение и др.), со стороны речевого взаимодействия и контакта (разговор, договор, спор, обсуждение, вопрос, ответ, отрицание и др.), со стороны побуждения к речевой деятельности (приказание, поручение, просьба, приглашение, разрешение, запрещение и др.) и со стороны выражения эмоционального отношения и оценки, разделяя эти позиции на положительные и отрицательные.

В Комплексном учебном словаре В. В. Морковкина «Лексические основы русского языка» глаголы речи не выделены в особую группировку вообще, а распределены в основном по двум (из 29) лексико-семантическим объединениям (именованным классам): слова, характеризующее человека как разумное существо, и слова, характеризующее человека в обществе. Эти объединения подразделены на разряды и группы, в которых и можно обнаружить глаголы речи.

Довольно полный обзор классификаций глаголов речи находим в учебнике И. М. Кобозевой «Лингвистическая семантика» [Кобозева 2000: 127-130]. Так, например, там помимо упомянутых выше классификации, представлена классификация семантического поля речевых действий по тезаурусу Роже, которая строится с учетом лишь ядерных глаголов речи и на основании отношения к сфере человеческой деятельности. В результате выделяются три объемных семантических разряда глаголов речи, выражающих: отношение к сфере интеллекта, отношение к сфере воли (волеизъявление) и отношение к сфере чувств. Каждый семантический разряд делится, в свою очередь, на множество микрополей, которые имеют различные основания для выделения (передача мысли, формирование мысли, индивидуальное, межличностное, личное, нравственное и др.).

Мы специально довольно подробно остановились на некоторых классификациях глаголов, обозначающих речевые действия, чтобы показать, что ни в одной из упомянутых классификаций (как и во многих других) не представлена компактно, как единое целое, группа глаголов характеризованной речевой деятельности. Она выделена лишь в Толковом словаре русских глаголов [ТСРГ 1999: 349-355] в качестве самостоятельной лексико-семантической группы (ЛСГ) среди пяти лексико-семантических групп глаголов речевой деятельности: глаголы

характеризованной речевой деятельностью, глаголы речевого сообщения, глаголы речевого общения, глаголы обращения и глаголы речевого воздействия.

Выделение каждой лексико-семантической группы в данном словаре происходит на основании единого принципа: иерархии, который определяет структуру всей парадигмы глаголов речевой деятельности и структуру каждой ЛСГ, входящей в нее. В таком случае во главе каждой группы находится базовый глагол (глаголы) с более общим значением, а остальные члены этой группы «составляют привативные оппозиции по отношению к базовому глаголу» [Вепова 1984: 56]. Базовый глагол манифестирует категориально-лексическую сему, которая позволяет определить типовую семантику для каждой конкретной ЛСГ. Так, лексико-семантическая группа глаголов характеризованной речевой деятельности имеет базовые глаголы: говорить (сказать), произносить (произнести) и типовую семантику: «произносить (произнести) что-л. как-л., каким-л. образом, обнаруживая характерные артикуляционные особенности говорения или выражая при этом какие-л. внутренние эмоциональные состояния».

1.1.2. Семантико-грамматические особенности глаголов характеризованной речевой деятельности

Лексико-семантическая группа глаголов характеризованной речевой деятельности не случайно занимает в указанном словаре, на наш взгляд, одной из первых мест среди других ЛСГ речевой деятельности. Во-первых, она является одной из самых больших по объему. Как отмечают исследователи, наиболее многочисленные глагольные группы в русском языке – это ЛСГ речевого сообщения и ЛСГ характеризованной речевой деятельности, которая, по данным Словаря русских глаголов,

включает в себя 81 лексему. Если сравнить с английским языком, то эта группа занимает в нём далеко не лидирующее место [Золотарёва 1999: 20]. Во-вторых, глаголы данной группы имеют специфическую семантику, связанную одновременно и с констатацией речевой деятельности как процесса, и с характеристикой его протекания, что находит отражение как в типовой семантике данной лексико-семантической группы, так и в словарных толкованиях, в которых используемый глагол-идентификатор обычно присутствует с обстоятельствами образа действия, раскрывающими, как протекает речевое действие, то есть дают ему характеристику, ср.: **шептать** – «Произносить что-л. (как?) очень тихо, почти беззвучно, без участия голосовых связок»; **бормотать** – «Говорить (как?) тихо, невнятно, быстро и себе под нос»; **бурчать** – «Говорить (как?) невнятно, отрывисто, монотонно, обычно ворчливо, недовольно».

В связи с этим можно говорить о том, что специфика семантики глаголов характеризованной речевой деятельности проявляется и в том, что они не обладают функциональной эквивалентностью, что характерно для большинства глагольных лексико-семантических групп. Как отмечает Н. А. Боровикова, «члены той или иной ЛСГ потенциально являются функционально эквивалентными друг другу, поскольку они, будучи семантически соотносительными между собой, в определенных контекстных условиях могут выполнять общую функцию, быть эквивалентными между собой, хотя их значения не одинаковы, а лишь сходны» [Боровикова 1984: 102]. При этом подчеркивается, что функциональная эквивалентность обуславливается единством категориально-лексической семы, повторяющейся во всех глаголах, и набором типичных дифференциальных сем в каждом из них. По словам Э. В. Кузнецовой, это обусловлено тем, что «категориально-лексические семы предлагают не любые, а какие-то определенные аспекты своего

уточнения, в рамках которых и формируются определенные типы дифференциальных сем...Наборы дифференциальных сем оказываются специфическими для каждой группы» [Кузнецова 1980: 51].

Однако глаголы характеризованной речевой деятельности, обладая специализированной семантикой, не могут быть взаимозаменяемыми в определенном контексте прежде всего в силу отличающегося друг от друга набора дифференциальных сем, которые и составляют суть семантики глаголов данной ЛСГ, заключающейся в *характеристике* протекания конкретного речевого процесса. Именно такое с п е ц и а л и з и р о в а н н о е значение имеет каждый глагол данной ЛСГ. Такой тип семантики у глаголов характеризованной речевой деятельности не позволяет им быть функциональными эквивалентами и заменять в тексте друг друга, так как: «более содержательные глаголы со специализированными значениями трудно или невозможно заменить, а потому они оказываются чаще всего вне отношений функциональной эквивалентности» [Боровикова 1984: 196].

Таким образом, лексико-семантическая группа глаголов характеризованной речевой деятельности имеет свои особенности как лексико-семантического, так и грамматического плана, что, безусловно, отражается и на префиксальных дериватах, мотивированных глаголами данной лексико-семантической группы. Об этом будет идти речь во II и III главах нашей работы.

1.2. Словообразовательная парадигма как объект исследования

1.2.1. Понятие словообразовательной парадигмы

Понятие «словообразовательная парадигма» (СП) является довольно новым в теории словообразования. Термин «словообразовательная

парадигма» начал использоваться в описании русского словообразования в 70-ые годы. Этим объясняется неоднозначное понимание термина, обозначающего это понятие. Первоначально он трактовался довольно широко и соотносился чаще всего с понятием словообразовательного гнезда (Е. С. Кубрякова 1974, Р. С. Манучарян 1981, В. Н. Немченко 1985 и др.). Как отметил в то время А. Н. Тихонов, «нередко вместо термина словообразовательное гнездо применяют термин п а р а д и г м а и с е м ь я с л о в» [Тихонов 1971: 28]. Возможно, что на такое понимание СП повлиял вышедший в Москве в 1964 году Словарь американской лингвистической терминологии Э. Хемпа (в переводе В. В. Иванова), в котором СП определялась как «множество родственных слов, содержащих общую основу и все аффиксы, которые могут к ней присоединиться» [Хэмп 1964: 264]. Однако такое понимание СП не нашло широкого распространения среди ученых, у которых все чаще стал возникать вопрос о правомерности употребления термина «словообразовательная парадигма» по отношению к словообразовательному гнезду. Были выделены характерные признаки парадигмы, которые присутствуют, в частности, в морфологической парадигме, и доказано, что словообразовательному гнезду эти признаки не свойственны [Кубрякова, Соболева 1979 : 5-23].

Рассматривая СП в широком смысле, некоторые исследователи соотносят это понятие и со словообразовательной категорией, которая представляет собой «совокупность производных слов, выражающих одно и то же общее, обобщенное словообразовательное значение» [Немченко 1985: 14]. Подобную точку зрения находим и у других ученых, например, В. Н. Мигирин пишет: «Понятие словообразовательной парадигмы должно непосредственно соотноситься с понятием словообразовательного значения, взятого в высокой степени его обобщения – на уровне категории, когда

имеются в виду классы именуемых объектов, или «рубрики основных понятий», отражение которых в производных словах предусматривается (программируется) словообразовательной системой данного языка» [цит. по: Цыганенко 1978: 121]. Такое понимание СП также имеет свою почву: оно исходит из общего представления об языковых (лингвистических) парадигмах, которое тесным образом связано с понятием системы языка, идущее еще от Ф. де Соссюра. «Поскольку язык – системное образование, то все его единицы связаны определенными отношениями (синтагматическими, парадигматическими, эпидигматическими), которые лежат в основе самой системы». [цит. по: Маслова 2008: 8]. При этом некоторые ученые подчеркивают важность именно парадигматических отношений при изучении языковых закономерностей, отмечая их своеобразие, которое основывается на том, что «парадигму составляют те элементы (единицы) языка, которые занимают одну и ту же позицию на синтагматической оси» [Мурзин 1990: 6]. Иначе говоря, парадигма в широком смысле – это любая совокупность языковых единиц, объединенных отношениями взаимосвязи, противопоставления и обусловленности, т.е. совокупность языковых единиц, связанных парадигматическими отношениями, которые проявляются на любом языковом уровне и имеют важное значение в формировании его структуры. Например, Э. В. Кузнецова в книге «Русская лексика как система» отмечает, что «парадигматические связи слов играют в организации лексической системы языка большую роль, обуславливая иерархический характер ее внутренней структуры» [Кузнецова 1980: 31].

Однако в последние десятилетия ученые все чаще используют понятие СП в узком смысле, то есть как «часть словообразовательного гнезда, включающая отдельные пучки (веера) производных слов, которые

связаны одним производящим» [Плотникова: 2011:71]. Такое понимание СП представлено в работах А. Н. Тихонова: «СП – это совокупность всех производных одного производящего – является частью гнезда. Отсюда, гнездо – это совокупность словообразовательных парадигм» [Тихонов 1985: 47]. Существенным дополнением к этому является его положение о том, что «слова, образующие парадигму, составляют не простую, а упорядоченную совокупность, систему, так как каждое слово в парадигме занимает строго определенное место» [Тихонов 1971: 42]. Обоснование такого представления СП дано и в работах Е. А. Земской, которая словообразовательную парадигму определяет как «набор производных, имеющих одну и ту же производящую основу и находящихся на одной и той же ступени словопроизводства» [Земская 1978: 71]. Подобное определение СП находим и у В. А. Белошапковой [Белошапкина 2011: 392]. Такое понимание СП способствует тому, что словообразовательная парадигма характеризуется как особая единица в системе словообразования, которая играет структурирующую роль в словообразовательном гнезде и словообразовательной системе в целом, поскольку количество парадигм в гнезде определяется не только количеством производных слов первой и далее ступеней производности, выступающих в качестве производящих слов, но и исходным словом гнезда, которое, будучи непроизводным, занимает особое положение как в лексической системе, так и в словообразовательной, где оно, по словам Г. О. Винокура, является первой ступенью и исходным пунктом словопроизводственного процесса [Винокур 1959: 424]. Тем самым подчеркивается и тесная взаимосвязь словообразовательной и лексической систем, так как количество СП в гнезде и их содержательное наполнение зависит в конечном счете от лексических характеристик исходного слова гнезда, в том числе и от принадлежности его к определенной части речи и

лексико-семантической группировке слов, так как «наибольшее сходство наблюдается в парадигмах слов, относящихся к одной части речи и к одной лексико-семантической группе» [Белошапкина 2011: 513]. В связи с этим, как отмечает И. Т. Вепрева, «исследование парадигматической структуры лексической системы на данном этапе семантических исследований активно проводится на базе отдельных лексико-семантических групп. Именно в лексико-семантических группах находят наиболее полное и убедительное выражение системные отношения в лексике» [Вепрева 1984: 4]. Поэтому исследование СП слов разных частей речи и разных ЛСГ позволяет выявить «сходства и различия в словопорождающих способностях разных классов лексических единиц» [Земская 1982: 14]. Это положение непосредственно связано с нашей работой, так как мы рассматриваем парадигмы производных слов, производящие которых принадлежат к одной лексико-семантической группе – глаголам характеризованной речевой деятельности.

1.2.2. Структурно-семантические особенности словообразовательной парадигмы

СП относится к числу описательных (метаязыковых) единиц, чье функциональное назначение заключается в том, «чтобы служить основанием для классификации онтогенных единиц в целях их изучения и описания, а также для выявления взаимосвязи между единицами и их комплексами» [Плотникова 2011: 54].

Если главная функция словообразовательной системы, по словам Е. С. Кубряковой, – ономаσιологическая (создание новой единицы номинации, нового наименования) [Кубрякова 1978: 36-39], то функция описательных словообразовательных единиц заключается в том, чтобы

«раскрыть деривационный аспект словарного запаса языка, показывая взаимоотношения между лексическими единицами, которые связаны между собой общностью отдельных элементов словопроизводственного процесса» [Плотникова 2011: 54]. И в этом плане СП имеет особое значение для раскрытия парадигматических связей между производными лексемами. Эта связь характеризуется более сложными отношениями (по сравнению с синтагматическими), так как касается отношений и между членами самой парадигмы, и отношений членов парадигмы к объединяющему их элементу (производящему слову).

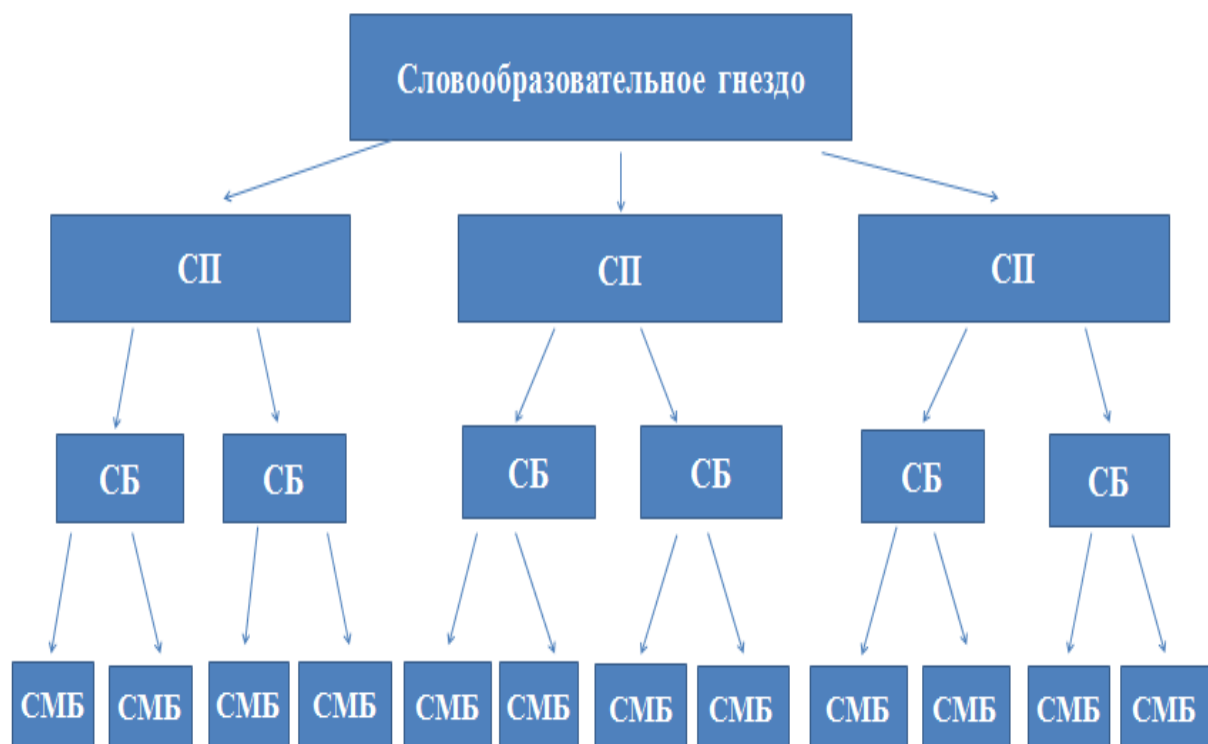
Являясь одной из важнейших единиц в системе словообразования, СП обладает рядом структурно-семантических особенностей, исследование которых необходимо для обоснования различных закономерностей словопроизводственного процесса, так как «лишь в результате всестороннего изучения всех особенностей СП можно будет окончательно определить место этой единицы языка среди аналогичных явлений» [Кубрякова, Соболева 1979: 5-23]. Отмечая структурные особенности СП, ученые говорят о том, что СП бывают очень многочисленными и разветвленными, особенно этим отличаются СП исходных слов гнезда. Словообразовательную парадигму образуют все слова гнезда, которые выступают в качестве производящих, т.е. в гнезде столько словообразовательных парадигм, сколько производящих [Тихонов 1985: 47]. В состав одной СП могут входить дериваты, которые относятся к разным частям речи, поэтому СП можно разделить на блоки (СБ), «включающие производные одной части речи: субстантивный блок, глагольный блок, адъективный блок, наречный блок» [Белошапкина 1981: 223]. Определение словообразовательного блока дает Н. А. Латов: «Словообразовательный блок – совокупность производных слов в словообразовательном гнезде (парадигме), принадлежащих к одной части

речи» [Латов 1985: 266]. На наш взгляд, в каждом блоке можно, в свою очередь, тоже выделить составные структурные элементы: совокупности производных слов, которые характеризуются не только принадлежностью к одной части речи, но и одним способом словообразования – назовём их *словообразовательными микроблоками* (СМБ). Поэтому в СБ можно обнаружить: префиксальный (СМБ), суффиксальный (СМБ), суффиксально-префиксальный (СМБ) и др.

Таким образом, на уровне словообразовательного гнезда структурные единицы парадигматического характера можно представить в виде следующей схемы:

Схема № 1

Словообразовательные парадигматические единицы в структуре словообразовательного гнезда

Безусловно, следует иметь в виду, что в каждом конкретном словообразовательном гнезде количество представленных единиц будет варьироваться в зависимости от наличия производящих в гнезде (для определения количества СП), наличия определенных частей речи среди производных одной СП (для определения количества СБ) и наличия способов образования внутри каждого СБ (для определения количества СМБ). Ученые отмечают, что «глагольные СП (совокупность производных, образованных от глагола – Х. Ч.) богаче и разнообразнее, чем СП имен существительных или прилагательных» [Тихонов 1985: 48]. При этом глагольный блок в СП производящего глагола обычно превосходит все другие блоки. Например, у глагола **говорить** в СГ именно глагольный блок является наиболее представленным: из 231 деривата, которые образованы на первой ступени словопроизводства, 92 являются глагольными образованиями. Это можно, вероятно, объяснить особенностью семантики данного глагола, который, являясь базовым для большинства лексико-семантических групп глаголов речевой деятельности, представляет общую семантическую идею процесса всего этого лексико-семантического множества. Такой характер СП базового глагола, на наш взгляд, влияет и на структуру СП глаголов, входящих в различные ЛСГ глаголов речевой деятельности, где глагольные блоки также являются многочисленными. Это, безусловно, касается и глаголов характеризованной речевой деятельности, у которых в СП глагольные дериваты, как правило, оказываются в большинстве. К тому же глагол **говорить** является многозначным и имеет высокую частотность употребления, что также может оказывать влияние как на его деривационный потенциал в целом (он является исходным словом СГ), так и на формирование собственной СП внутри словообразовательного гнезда. Так, в Частотном словаре О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова дан частотный

список глаголов: всего 1000 глаголов. В этом списке глагол **говорить** находится на 4 месте после глаголов *быть, мочь и сказать*. [О. Н. Ляшевская, А. Шаров: 2009]. В Частотном словаре русского языка под редакцией Л. Н. Засориной [Л. Н. Засорина: 1997] у глагола **говорить** также отмечена высокая частотность - 2573. Кроме этого, довольно большая частотность, по сравнению с другими производными глаголами, отмечена и у производных дериватов от глагола **говорить**: *поговорить* - 134, *заговорить* – 94, *проговорить* - 69 и т.д.

Мы в своей работе для удобства используем понятие СП для обозначения объекта своего исследования (префиксальные парадигмы глаголов характеризованной речевой деятельности). Однако это требует уточнения. Во-первых, следует иметь в виду, что мы берем для исследования не одну СП какого-л. глагола, а совокупность парадигм, то есть, все парадигмы, образованные от каждого глагола, входящего в ЛСГ характеризованной речевой деятельности. В научной литературе такую группировку производных слов, мотивированных словами одного семантического разряда, некоторые ученые соотносят с понятием микросистемы производных слов [Зверев 1981: 13]. Во-вторых, мы берём в каждой парадигме не всю совокупность слов, мотивированных словами характеризованной речевой деятельности, а только ее часть – глагольный блок (такую совокупность производных слов можно было бы назвать *гиперблоком*). Однако, учитывая при этом и наличие единого словообразовательного форманта (префиксальные дериваты), мы считаем возможным назвать исследуемую группу глаголов *префиксальным словообразовательным гиперблоком (ПСГБ)*, который представляет собой совокупность производных слов, находящихся в разных словообразовательных гнездах, но объединенных производящими одной части речи и одного семантического разряда, а также однотипным

словообразовательным формантом (в данном случае – префиксом). Иначе говоря, если словообразовательный блок является частью одной конкретной СП, то СГБ – это совокупность однотипных словообразовательных блоков, расположенных в разных словообразовательных гнездах, исходные слова которых принадлежат к одной ЛСГ. Каждый СГБ может состоять из группировок производных слов, объединенных единым способом словообразования. Таким образом, если учесть всё сказанное выше, то объектом нашего исследования является префиксальный словообразовательный гиперблок (ПСГБ), то есть, это совокупность глагольно-префиксальных дериватов, мотивированных глаголами, принадлежащими одной лексико-семантической группе – группе глаголов характеризованной речевой деятельности.

Исследование СГБ и его составных частей способствует, на наш взгляд, не только более глубокому раскрытию семантико-деривационных связей между производящим и производными, в частности, помогает в «установлении регулярности и степени продуктивности словообразовательных типов, словообразовательных моделей и отдельных морфем» [Черепанов 1981: 64], но и раскрытию внутренних семантических связей в структуре определенной ЛСГ, так как «парадигматическая структура ЛСГ определяется обычно как набор взаимосвязанных семантических парадигм, как система межсловных семантических корреляций. Характерно то, что внутреннее строение ЛСГ создаётся не столько отдельными типами межсловных семантических оппозиций, выделяемых в составе тех или иных классов слов, сколько целыми рядами слов, связанных общностью характерно-лексических и дифференциальных сем» [Вепова 1983: 4].

Но нельзя забывать о том, что исследование крупных парадигматических группировок слов строится на основе исследования конкретных СП и их структурных подразделений. В связи с этим, если говорить о семантических особенностях СП, то прежде всего следует иметь в виду, что все производные, входящие в СП, связаны с производящим и формально, и семантически. При этом «производное слово выступает в корреляции как зависимый член. Формальная зависимость второго члена корреляции от первого проявляется в том, что в производном представлено производящее материально. В формальном отношении производное представляет собой сочетание производящего и словообразовательного форманта» [Тихонов 1985: 41]. С другой стороны, следует отметить, что компоненты словообразовательной парадигмы связаны между собой по смыслу, они имеют семантическую общность: их лексические значения вытекают из лексической семантики единого производящего. «Однако, каждый из них по-своему преобразует семантику производящего, независимо от другого члена парадигмы» [Тихонов 1985: 48]. Производные от одного и того же производящего могут даже опираться на разные его лексико-семантические варианты (ЛСВ). Например, рассмотрим в этом плане глагольно-префиксальную парадигму (точнее – префиксальный микроблок) глагола **говорить**, который является, как мы уже говорили, базовым глаголом для исследуемой нами ЛСГ. Его префиксальный микроблок состоит из 43 префиксальных дериватов, в процессе образования которых участвовало 19 приставок из 29 возможных глагольных префиксов. В результате у производных глаголов было обнаружено 66 ЛСВ, которые мотивированы разными ЛСВ производящего глагола. У глагола **говорить** в МАС отмечено 5 ЛСВ. Соотношение конкретного ЛСВ глагола **говорить** с количеством префиксальных дериватов отражено в Схема № 2.

Соотношение конкретного ЛСВ глагола *говорить*

с количеством префиксальных дериватов

ЛСВ глагола говорить	Количество производных	Примеры
<p>1. Пользоваться, владеть родной устной речью. Владеть каким-либо иностранным языком.</p>	<p>6</p>	<p>взговорить, возговорить, выговорить 1, недоговорить заговорить 1 и др. Например, заговорить: «2. Овладеть речью или каким-л. языком». <i>Ходить он начал на третьем году и ещё позднее того заговорил.</i></p>
<p>2. Выражать в устной речи какие-л. мысли, мнения, сообщать факты и т.п.; произносить что-л. Говорить комплименты.</p>	<p>44</p>	<p>выговорить 2, договорить, наговорить 1, наговорить 2, обговорить 2, оговорить 1, отговорить 1, наговорить 2, и др. Например, проговорить: «Сказать какие-л. слова, фразы; произнести». <i>[Итальянец] проговорил несколько несвязных извинений.</i> Пушкин. Египетские ночи.</p>

ЛСВ глагола говорить	Количество производных	Примеры
3. Вести беседу, разговаривать.	11	обговорить 1, переговорить 1, переговорить 1, проговорить 2, и др. Например, разговорить: «Развлечь, рассеять беседой». <i>Разговорить собеседника можно тогда, когда он вам действительно интересен.</i>
4. Свидетельствовать о чём-либо, указывать на что-либо., быть доводом в пользу чего - л.	-	-
5. Сказываться, проявляться в чьих-л. действиях, поступках, словах и т.п.	5	уговорить 2, уговорить 1, подговорить, сговорить 3, заговорить: «3. Пробудиться, дать почувствовать себя». <i>Дерсу был доволен. Но не тщеславие заговорило в нем...Арсеньев, По Уссурийской тайге.</i>

В третьей части схемы цифры справа обозначают номер значения глагола в МАС. Если глагол дан без цифр справа, то это обозначает, что у него имеется только одно представленное значение.

Как видно из приведенной схемы, ЛСВ производящего глагола по-разному проявляют свою активность в словообразовательном процессе. Наибольшее количество производных возникло на базе второго значения.

Это можно объяснить тем, что глагол **говорить**, как показывают наблюдения, в речи чаще употребляется именно с этим значением. К тому же здесь можно наблюдать наибольшие расхождения в семантическом объеме производящего и производных ЛСВ. Это связано прежде всего с тем, что этот производящий ЛСВ глагола **говорить** имеет большой семантический объем, прежде всего – многокомпонентную категориально-лексическую сему и довольно разнообразный набор дифференциальных сем. Это приводит к тому, что в дериватах при полном сохранении лексико-грамматической семы используется лишь какая-то часть категориально-лексической семы (обычно только один ее компонент) и происходит сокращение дифференциальных сем, часто связанное с отсутствием лексических вариантов для их выражения, а также происходит и обратное явление: появление новых дифференциальных сем в составе ЛСВ производных слов.

Интересно отметить, что с четвертым значением не образуется ни один дериват. Вероятно, отсутствие деривационного потенциала у этого значения глагола **говорить** можно объяснить тем, что произошла слишком большая трансформация семантического объема ЛСВ: изменилась не только его категориально-лексическая сема, но и лексико-грамматическая, так как в данном случае глагол **говорить** совершенно не отражает процесса речевой деятельности человека, что было характерно для предыдущих ЛСВ. Вследствие этого с таким значением глагол уже входит в другую лексико-семантическую парадигму глаголов, а именно: лексико-семантическое поле «Отношение» (мы используем классификацию глагольных парадигм, представленную в ТСПГ). См. примеры употребления: *Обветренное и загорелое лицо его и заскорузлые руки **говорили** о том, каким тяжелым трудом он добывал себе средства к жизни. Арсеньев. Все **говорило** о весне, о хороших, теплых и ясных днях.*

М. Горький. *На вид ему можно было дать лет шестьдесят, хотя ни один седой волос не говорил об этом.* Мамин-Сибиряк.

Хотя компоненты словообразовательной парадигмы характеризуются семантической независимостью друг от друга, они все - таки связаны между собой по смыслу через семантику производящего. О характере семантической связи между производящим и производным в составе СП (точнее – в составе префиксальных словообразовательных гиперблоков, образованных от глаголов характеризованной речевой деятельности) речь будет идти во II и III главах нашей работы.

1.3. Характер семантических изменений глагола в процессе префиксальной деривации

1.3.1. Особенности глагольных приставок в русском языке

Префиксальная деривация в русском языке представлена в словообразовательной системе всех основных частей речи, однако особенно она характерна для глаголов. В русском языке приставка является главным средством деривации в сфере глагольного класса. Хотя число глагольных приставок является относительно не очень большим (современные русские грамматики отмечают двадцать восемь глагольных приставок), и активность их различна, что обусловлено разными причинами: происхождением, сферой распространения, семантическим наполнением и др., приставочные глаголы занимают в современном русском языке важное место как по количеству, так и по их значимости в деривационной системе. Так, по данным Большого академического словаря, количество префиксальных глаголов составляет более десяти тысяч (без соответствующих возвратных глаголов) [Цит. по: Вараксин

1996: 6]. По замечанию Е. А. Волохиной и З. Д. Поповой, префиксальные глаголы составляют приблизительно 90% всей глагольной лексики [Волохина, Попова 1993: 3]. Это связано, по мнению многих ученых (Б. Н. Головин, Л. А. Вараксин, Т. В. Попова, А. Н. Тихонов, И. С. Улуханов, М. В. Черепанов и др.), прежде всего с тем, что префиксальная глагольная деривация представляет собой по преимуществу семантический процесс. Об этом говорит, во-первых, довольно развитая полисемия большинства приставок, что находит отражение как в грамматических трудах, так и в лексикографических источниках. Например, в МАС у приставки **по-** отмечено 6 значений; у приставки **про-** отмечено 13 значений; у приставки **под-** отмечено 10 значений и т.д. Учитывая это, многие ученые (А. В. Бондарко, А. Н. Ермакова, А. А. Зализняк, Л. А. Лопатин, И. Л. Микаэлян, А. Н. Тихонов и др.), говорят о том, что если в слове есть лексико-семантический вариант, то точно также в приставке есть морфемно-семантический вариант, который реализует свое значение в определенной синтаксической позиции деривата. Как отмечает О. М. Соколов, «Каждый префикс... реализуется лишь в одном из присущих ему значений и в этом отношении проявляет свойства, сходные со свойствами многозначного слова» [Соколов 1972: 53]. О наличии более емкой и конкретной семантики у префиксов, по сравнению с другими аффиксами, говорит тот факт, что из всех аффиксов только префиксы в толковых словарях рассматриваются наряду с обычными словами, где они располагаются в общем корпусе словаря по алфавиту вместе со своими значениями.

Во-вторых, не менее важным является и то, что глагольные приставки, имея, как правило, довольно емкую семантику, позволяют по-разному трансформировать семантику производящего глагола и выражать семантическое своеобразие производного глагола, что делает

деривационный процесс, касающийся глагольного словообразования, более сложным и многомерным. В связи с этим проблема сочетаемости ее с исходным глаголом находится в центре внимания многих ученых (Л. А. Вараксин, Л. М. Васильев, В. В. Виноградов, Е. А. Земская, Т. В. Попова, А. Н. Тихонов, И. С. Улуханов, И. И. Щеболева и др.). Хотя исследованию семантики глагольных префиксов посвящено довольно большое количество работ, но этот вопрос, как отмечают учёные, требует дальнейшей разработки, так как многое еще остается неясным.

Внимание к семантическим аспектам деривационной системы в целом, довольно заметное в последние десятилетия, позволило ученым более пристально взглянуть в этом плане и на глагольную префиксацию, способную, по словам Т. В. Максимовой, формировать «особый тип семантики» [Максимова 1984: 69], и к тому же объем семантической информации префиксальных глаголов «является чрезвычайно богатым и разноаспектным» [Соколов 1988: 78]. Развивая эту мысль, Л. А. Вараксин конкретизирует ее, отмечая, что «в структуре приставочных глаголов находит выражение направленность действий в пространстве, последовательность их во времени, обстоятельства протекания действий, разнообразные оттенки результативности и др.» [Вараксин 1996: 5]. По его словам, «сегодняшняя сложная, разветвленная система значений большинства русских приставок – это результат эволюционного семантического развития» [Вараксин 1996: 13], что требует, на наш взгляд, более углубленного проникновения в суть глагольной префиксации.

По мнению ученых, разные значения префиксов развивались на основе их пространственных значений (Л. А. Вараксин, Э. М. Джемакулова, В. М. Никитевич, А. А. Потеня, П. С. Сигалов, О. М. Соколов, М. А. Шелякин и др.). Причем, это развитие шло по определенным направлениям, но, как говорит М. А. Шелякин, «каждая

приставка в соответствии с первоначальным пространственным значением вносит в исходный глагол свой признак предельно-количественного проявления действия» [Шелякин 1979: 61].

Некоторые ученые, говоря о значении приставки, отмечают, что «значение приставки в значительной степени обусловлено лексическим значением производящей основы, приставки, взятые вне слова, обладают определенной лексической самостоятельностью, хотя, конечно, не имеют реального значения в том смысле, в каком мы говорим это о корневых морфемах» [Баратова 1967: 50]. Эти слова вполне соотносятся с замечанием Г. О. Винокура о том, что «никакой аффикс сам по себе не имеет значения в том смысле, в каком мы говорим о значении основ» [Винокур 1959:425]. Несмотря на это, многие исследователи, отмечают лексическую самостоятельность приставок и, говоря о глагольной префиксации, предлагают оперировать понятием *лексическое значение приставки*. Подчеркивая самостоятельность приставки, П. И. Павленко связывает ее с той позицией, какую занимает приставка в морфемной структуре слова: «Префиксы, занимая в слове препозитивное положение по отношению к основе, носят автономный характер и являются относительно самостоятельными значимыми частями слова. Последнее позволяет приставкам присоединяться к целым словам» [Павленко 1988: 137- 138].

Присоединение приставки к исходным глаголам приводит к взаимодействию значения префикса и значений других словообразовательных элементов. В.В. Виноградов пишет, что сложность семантической структуры глагола в большой степени обусловлена «разнообразием живых значений приставок, сложным взаимодействием их со значениями слов, поэтому в глаголе префиксы играют большую роль, чем суффиксы» [Виноградов 1986: 339-340]. Таким образом, сочетание

глаголов с приставками определяется семантикой и структурой мотивирующего глагола, но при этом и сами приставки в процессе словообразования проявляют свою семантику, так как имеют морфо-семантические компоненты. Как говорит Е. А. Земская «Не только приставка оказывает воздействие на значение глаголов, но и значение приставки зависит от значения глагола, определяется взаимодействием ее общего значения и семантики глагола» [Земская 1952: 134]. Исходя из этого, Ю.С. Маслов считает, что приставки следует отнести к той группе морфем, которые являются носителями собственно семантических функций. Они представляют собой двусторонние единицы языка, обладающие определенным значением и материальной формой для выражения этого значения. Сказанное согласуется с мнением И. Г. Милославского, утверждающего, что морфема — это мельчайшая знаковая единица языка, для которой «всегда можно более или менее точно определить элементы, соотнесенные с ней в плане содержания» [Милославский 1969: 74], поэтому учет семантики производящей основы и морфо-семантического компонента приставки важен при изучении закономерностей префиксального глагольного образования. Взаимодействие обоих участников определяет семантику префиксального глагола или отдельного лексико-семантического варианта, если глагол является многозначным. Таким образом, значение префикса и значение исходного глагола являются равноправными участниками деривационной операции.

В зависимости от функциональной значимости все глагольные приставки можно разделить на две группы: формообразовательные, или чистовидовые, и приставки словообразовательные (деривационные). Однако, некоторые ученые считают, что во многих случаях присоединение приставки может одновременно изменять семантику глагола и его

видовую характеристику (С. А. Кузнецов, Э. Секанина, М. А. Шелякин и др.). «В большинстве значений префиксов сочетается значение совершенного вида со словообразовательными значениями, характеризующими с разных сторон действие, названное мотивирующим глаголом» [РГ-80: 23].

Мы в своей работе будем рассматривать префиксальные парадигмы глаголов с целью выявления характера изменения семантической структуры производящего глагола под влиянием присоединения к нему определенной приставки.

1.3.2. Соотношение глагольной префиксации с грамматической категорией вида

Среди грамматических категорий глагола особое значение имеет категория вида, представленная в русском языке соотносительными коррелятами совершенного (СВ) и несовершенного вида (НСВ), которые образуют видовую пару. По словам А. Н. Тихонова, «виды составляют сердце и душу русского глагола, царствуют на всей его грамматической территории» [Тихонов 1998: 15]. Особую значимость этой категории подчеркивал и В. В. Виноградов: «Категория вида лежит в основе большей части процессов внутриглагольного формообразования и словообразования. Морфологический механизм категории вида сложнее и разнообразнее, чем других категорий. Но его рисунок нем, невыразителен без освещения внутренних, семантических основ видовых различий. Теория вида русского глагола – один из наиболее трудных, спорных и неразработанных отделов русской грамматики» [Виноградов 1947: 477]. Неслучайно поэтому уже на протяжении многих десятилетий категория глагольного вида находится в центре внимания многих ученых

(Н. С. Авилова, А. В. Бондарко, В. В. Виноградов, Л. П. Демиденко, С. А. Емельянова, А. В. Исаченко, Ю. С. Маслов, А. Н. Тихонов, М. Ю. Черткова, Н. А. Янко-Триницкая и др.).

Как отмечает А. Н. Тихонов, «в системе современного русского языка исключительно важную роль играют парные по виду глаголы. Они составляют более 75% всей глагольной лексики» [Тихонов 1998: 17]. Одной из наиболее острых проблем, касающихся этой категории, является определение статуса видовой пары: относятся ли члены видовой пары к разным словам или к разным формам одного и того же глагола.

Взгляд на видовую пару как на разные слова, находящиеся в отношениях словообразовательной мотивации, в русской лингвистике поддерживали такие видные ученые, как Г. Павский, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня. Например, у Ф. И. Буслаева находим: «Важнейшие формы в образовании глаголов суть залого, в и д ы, (разрядка наша) причастия с деепричастиями и неорпделенное наклонение. Что эти принадлежности глагола относятся не к спряжению, а к словопроизводству, явствует из участия их в образовании слов» [Буслаев 1959: 102-103]. В дальнейшем сторонниками этой точки зрения стали многие ученые: Н. С. Авилова, В. А. Белошапкина, А. В. Бондарко, Л. А. Булаховский, С. А. Емельянова, П. С. Кузнецов, Ю. С. Маслов, Т. В. Попова, С. И. Снопкова и др. Считая, что видовое противопоставление проходит между лексемами, они выделяют и два словообразовательных процесса, характерных для каждого вида лексем: имперфективацию, то есть производство образований несовершенного вида от совершенного вида, и перфективацию – это создание образований совершенного вида от несовершенного вида [Бондарко 1967]. Эта его точка зрения представлена и в РГ-80: «Видовую пару формируют два разных глагола, которые находятся между собой в отношениях словообразовательной мотивации...

Каждый член видовой пары является самостоятельным глаголом» [РГ-80: 584].

Первоначально этой точки зрения придерживался и А. Н. Тихонов, что отразилось в его Словообразовательном словаре русского языка, где члены видовой пары подаются как самостоятельные слова, так как занимают разные позиции в структуре словообразовательного гнезда. Однако позднее он присоединяется к сторонникам иной точки зрения и в своей книге «Русский глагол» приводит ряд весомых аргументов в пользу представления членов видовой пары в качестве форм одного и того же глагола. Важнейшими из них следует считать отсутствие внутри видовой пары словообразовательной мотивации и словообразовательного значения у производного члена видовой пары, так как «в языке не существуют производные слова без словообразовательных значений» [Тихонов 1998: 14]. Он также отмечает «невозможность отрицать лексическую тождественность членов видовых пар, которая проявляется во всех типах корреляций и является системной чертой русского глагола, контролируется грамматикой и не характерна для деривационной системы. Именно этот факт не позволяет *перемещать* виды из грамматики (морфологии) в словообразование» [Там же: 15]. И можно отметить, что «традиционно теория видовых корреляций рассматривается в разделе морфологии и на практике последовательно реализуется в методической литературе при изучении вида глагола как формообразование» [Плотникова 2008: 183]. Такую точку зрения (вид – это словоизменяемая категория) находим и в работах В. В. Виноградова, А. Н. Гвоздева, Б. Н. Головина, М. А. Кронгауза, Т. П. Ломтева, И. П. Мучника и др. Сторонники этой точки зрения подчеркивают в видовых коррелятах прежде всего «грамматическое противопоставление, носящее строгий (парадигматический) характер,

охватывающее всю глагольную лексику или хотя бы достаточно широкую ее часть и проявляющееся... в рамках одного лексического значения» [Маслов 1962: 9]. В. В. Виноградов также подчеркивает, что «единство слова организуется прежде всего лексико-семантическим стержнем, который является общим у всех его форм» [Виноградов 1944: 32]. К тому же можно сказать, что лексическая тождественность может явно проявляться и тогда, когда формы обоих видов присутствуют в одном контексте. Ср.: *Насколько я знаю, он никогда не жаловался на жизнь, но стоило ему лишиться работы, как он тут же пожаловался своему дяде – владельцу банка.* Таким образом, следует признать, что основанием второй точки зрения является тождество лексических значений членов видовой пары, то есть семантическая база видových противопоставлений является общей для имперфективных и перфективных образований.

Существует и третья точка зрения, в соответствии с которой дифференцируются отдельные группы глаголов. Такие ученые, как Л. А. Вараксин, Ф. Копечный, И. Г. Милославский, В. Н. Сидоров, Н. А. Янко-Триницкая и др., относят глаголы, образованные путем перфективации (в основном при помощи префиксов), к словообразованию, а путем имперфективации (при помощи суффиксов) – к формообразованию. При этом среди префиксов некоторые ученые выделяют чистовидовые приставки. Например, А. Н. Тихонов в своей работе «Русский глагол» разграничивает глагольные префиксы на чистовидовые и словообразовательные на основе отношений между производящей основой и семантикой приставки. Он отмечает, что, с одной стороны, семантические связи между основой и словообразующим префиксом лишены той многоплановости, которая наблюдается между производными основами с чистовидовыми приставками и основами бесприставочными, с другой стороны, что «грамматикализация

префиксов – это не что иное, как утрата ими своих реальных значений, их десемантизация» [Тихонов 1998: 30-31]. Однако, при этом им не отрицается, что одна и та же приставка с разными производящими основами может выступать и как чистовидовая (*ставить-поставить*), и как словообразовательная (*дать-подать*). К тому же, как указывает Е. А. Земская, «не только приставка оказывает воздействие на значение глагола, но и значение приставки зависит от значения глагола, определяется взаимодействием ее общего значения и семантики глагола» [Земская 1952: 134].

В настоящее время ученые склоняются к мысли о том, что собственно видовое семантическое противопоставление следует понимать не очень категорично, так как оно «не представляет собой постоянной величины» [Белошапкина 1989: 473], потому что видовая семантика может изменяться под влиянием контекста. А в некоторых случаях глаголы разного вида могут быть взаимозаменяемыми (Ср.: *Где вы купили эту книгу?* и *Где вы покупали эту книгу?*). По этому поводу интересно отметить мнение В. А. Плунгяна, который пишет: «Объединение двух глаголов разного вида в пару не означает автоматического признания их формами одной лексемы, а свидетельствует скорее о существовании особенно тесных контекстных связей между ними, т.е. об их семантико-прагматической, а не грамматической близости» [Плунгян 2011: 409]. Об этом говорит и Е. В. Горбова в своей работе «Видообразование русского глагола: префиксация и/или суффиксация?», отмечая, что в последние годы «аспектологическая литература обогатилась работами, которые ввели в научный оборот как новые ракурсы рассмотрения уже известных явлений, так и впервые предложенный анализ давно замеченных, но ранее удовлетворительным образом не описанных и не объясненных феноменов» [Горбова 2015: 8].

Мы в своей работе будем рассматривать видовые корреляции с одним и тем же префиксом (если они есть) как формы слова (*уговорить-уговаривать*), а при соотношении префиксального деривата с производящим глаголом будем учитывать семантические связи между производящей основой и префиксом и прежде всего характер и степень изменения семантики производящего глагола, поскольку, с одной стороны, приставка, присоединяясь к глаголам несовершенного вида, обычно меняет его вид, но при этом наблюдаются и разные воздействия ее на семантику исходного глагола, которые «можно условно разделить на три класса: значение не меняется; значение меняется незначительно; значение меняется значительно» [Кронгауз 1997: 19]. С другой стороны, как известно, глаголы видовой пары могут обладать разными системами лексических значений, то есть каждый член видовой пары «может иметь значения, несоотносительные со значениями другого члена» [РГ-80: 584].

Особенно явно это можно увидеть при анализе видовых форм глаголов, принадлежащих одной лексико-семантической группе. Как показало исследование, лексическое соотношение видовых форм глаголов одной ЛСГ (глаголов характеризованной речевой деятельности) тоже не является однозначным. В итоге анализа лексического наполнения видовых форм одного и того же глагола в системе языка и в системе данной лексико-семантической группы выявилась довольно сложная картина.

Во-первых, как оказалось, в составе ЛСГ не все глаголы являются членами видовой пары, то есть, имеется довольно значительное количество непарных глаголов. Это обычно непроеизводные глаголы НСВ, такие как *басить, бубнить, бормотать, галдеть, шепелявить* и др. Причем, их видовая «непарность» зафиксирована как в ТСРГ (на уровне ЛСГ), так и в МАС. Ср., например, в ТСРГ: **басить** – «несов. Разг. Произносить слова самым низким по тембру голосом (обычно о лицах

мужского пола)»; и в МАС: **басить** – «несов. Разг. Говорить, петь басом»; в ТСРГ: **бормотать** – «несов. Говорить тихо, невнятно, быстро и себе под нос»; и в МАС: **бормотать** – «несов. Говорить тихо и невнятно»; в ТСРГ: **галдеть** – «несов. Прост. Громко, беспорядочно говорить всем вместе, шуметь, кричать»; и в МАС: **галдеть** – «несов. Прост. Громко, беспорядочно говорить всем вместе, шуметь, кричать». Внутри этой группы могут быть и такие глаголы, которые имеют несколько значений как в системе языка, так и в системе данной ЛСГ. Например, глагол **лопотать** представлен в МАС только в форме несовершенного вида с двумя значениями, соотносительными с типовой семантикой рассматриваемой ЛСГ, при этом первое значение имеет 2 оттенка. В системе ЛСГ глаголов характеризованной речевой деятельности отмечено 3 значения этого глагола, что отражено в ТСРГ, где оттенки даны как самостоятельные слова, но все они не образуют видовой пары.

Во-вторых, у тех глаголов, которые образуют видовую пару, лексическая тождественность проявляется по-разному и в разной степени. На этом фоне выделяется, например, сравнительно небольшая группа глаголов (12 из 76 глаголов), которые имеют полную лексическую тождественность членов видовой пары как в системе языка, так и в системе ЛСГ, что соответствует видовой коррелятивности глаголов, обеспечивающей грамматическую противопоставленность видовых форм. Однако это проявляется, как правило, у глаголов с одним значением, которое соотносится с типовой семантикой данной ЛСГ. Например, к этим глаголам относятся: *воскликать* – *воскликнуть*; *гаркать* – *гаркнуть*; *излагать* – *изложить* и др. Ср., например, в ТСРГ: **воскликать** – «несов. (сов. воскликнуть). Произносить (произнести) что-л. громко, торжественно, с волнением, выражая какие-л. очень сильные чувства (восхищение, любовь, ужас и т.п.)»; и в МАС: **воскликать** – «несов. к

воскликнуть». **Воскликнуть** – «Громко, с чувством, с волнением произнести что-л.»; в ТСРГ: **гаркать**, несов. – (сов. **гаркнуть**. Прост. Произносить (произнести) что-л. громко, резко и отрывисто»; и в МАС: **гаркать** – «несов. к гаркнуть». **Гаркнуть** – «Прост. Громко и отрывисто крикнуть»; в ТСРГ: **излагать** – «несов. (сов. изложить). Произносить (произнести) что-л. связно, логично, обстоятельно и последовательно»; и в МАС: **излагать** – (несов. к изложить). **Изложить** – «Сообщить, передать что-л. в связной или последовательной форме, устно или письменно».

Что касается полисемичных глаголов, то такая соотносительность в лексическом содержании видовых форм может отсутствовать. В эту группу входят глаголы, которые в системе языка в разных значениях могут быть парными или непарными, но в системе лексико-семантической группы являются непарными, обычно представлены в форме несовершенного вида и с одним значением. Так, глагол **ломать** в МАС имеет 7 значений, из которых 2 значения имеют видовую пару, а другие функционируют только в форме несовершенного вида. В системе ЛСГ этот глагол является непарным и представлен в форме несовершенного вида, что отражено в ТСРГ: **ломать** – «несов. Перен. Разг. Произносить что-л. неправильно, сознательно коверкая слова, речь и т.п., словно разрушая что-л., отделяя части чего-л., обычно подражая кому-, чему-л.» *При разговоре с иностранцами известная фотомодель специально ломала русскую речь.* Глагол **нести** в МАС имеет 12 значений, из которых имеют видовую пару всего пять значений. А остальные находятся только в форме несовершенного вида. В системе ЛСГ этот глагол является непарным и представлен в форме несовершенного вида, что отражено в ТСРГ: **нести** – «несов. Разг. Говорить быстро, не совсем разборчиво и долго что-л. вздорное, неразумное, несерьезное, обычно отрицательно оцениваемое собеседниками». *Ныне Хаген – удивительный пример человека, не*

меняющегося с возрастом: она по-прежнему эпатирует интервьюеров своим поведением и не перестаёт нести на весь мир эту чушь. В. Борисов. Это мама. Нина Хаген взорвет бункер.

В связи с этим возможно говорить, на наш взгляд, о парадигмальной соотносительности/несоотносительности видовых форм, которая проявляется в составе парадигмы глаголов определенной лексико-семантической группы. Хотя в системе языка, по утверждению А. В. Бондарко, в большей степени проявляется полная семантическая соотносительность членов видовых пар. В подтверждение этому он приводит данные исследования, проведенного А. Н. Тихоновым, где, например, значения видовой пары *ставить – поставить* (их насчитывается 21) полностью совпадают, а также совпадают оттенки этих значений (в 37 случаях), и из 1260 рассматриваемых видовых пар частичное нарушение семантической соотносительности наблюдается лишь в 180 случаях, что составляет всего 5.5 % от общего количества [Бондарко 1967: 38].

В современной аспектологии одним из важнейших является вопрос, связанный с выяснением семантики совершенного и несовершенного вида. По этому вопросу среди ученых тоже нет единого мнения. Прежде всего дискутируется вопрос об инвариантном (специфическом, общем) значении видовых форм. Так, некоторые ученые (В. В. Виноградов, Ю. С. Маслов, И. П. Мучник, Г. К. Ульянов, А. А. Шахматов и др.) определяют специфическое значение видов на основе понятия длительности. Как говорит Ю. С. Маслов, «несовершенный вид – действие, которое имеет признаки длительности, не ограниченной какими-либо пределами. А совершенный вид – мгновенности действия или ограниченной известными (большими или меньшими) пределами длительности его протекания. Например, *Римская империя просуществовала пятьсот лет*» [Маслов

1948: 303]. Перекликается с этим мнением и высказывание И. П. Мучника, который пишет, что «совершенный вид наделяется признаками результативности и недлительности» [Мучник 1961: 11]. По мнению других ученых (Л. А. Быкова, С. Карцевский, С. В. Смирницкий и др.), совершенный вид определяется на основании понятия результативности, достижения действием результата и цели. Близко к этому определение совершенного вида, основанное на понятии законченности, завершенности действия. Это определение, восходящее к Ф. Миклошичу, в последнее время встречается и у других ученых, например, у Л. А. Быковой в ее работе «*Несоотносительные глаголы несовершенного вида в современном русском языке*» [Быкова 1958]. Но, как показывает анализ литературы по данной проблеме, для многих ученых наиболее предпочтительным представляется понятие совершенного вида как неделимого целого, то есть обозначения такого действия, которое не может делиться на фазы. Как говорит А. Х. Востоков, «совершенный вид показывает действие с означением, что оно начато или кончено, тогда как несовершенный вид показывает действие без означения начала и конца оному» [Цит. по: Якобсон 1985: 210-221]. Такая точка зрения отражена в ряде работ по аспектологии. Например, у А. В. Бондарко: «совершенный вид обозначает действие как *неделимое целое (целостность)*, а несовершенный вид не содержит в своей семантике указания на *целостность действия (процессность)*» [Бондарко 1987: 30-31]. Приведенное замечание А. В. Бондарко о семантике видовых форм отражает весьма распространенное представление о противопоставленности видовых значений, которая строится на указании «либо о “целостном” действии либо о действии, достигшего своего “внутреннего предела”». Причем именно таким образом характеризуются глаголы СВ, глаголы НСВ лишены положительной содержательной

характеристики» [Белошакова 2011: 541]. Подчеркивая семантическую противопоставленность видовых форм, А. В. Бондарко в более поздних работах говорит, что «форма СВ является семантически маркированным членом оппозиции по отношению к несовершенному (НСВ) как форме немаркированной» [Цит. по: Храковский 2014: 4]. При этом ученые отмечают, что «оппозиция этих значений является базовой оппозицией глаголов НСВ и СВ во всех славянских языках. Назначение этой оппозиции состоит в том, чтобы отразить смысловую специфику глаголов, входящих в акциональные классы действий и процессов» [Там же: 6].

Однако, говоря о семантике вида, нельзя забывать о том, что, помимо общего значения, у глаголов СВ или НСВ имеется множество частных значений и разнообразных оттенков, которые проявляются в процессе функционирования видовых форм в речи. Об этом говорят многие исследователи: В. А. Белошапкина, А. В. Бондарко, А. Н. Гвоздев, А. Н. Тихонов, В. С. Храковский и др. При этом они подчеркивают, что особую роль в формировании всевозможных семантических приращений (имеются в виду прежде всего формы СВ) играют приставки. Так, по мнению Ю.С. Маслова и его учеников, «любая глагольная приставка приносит в глагол нечто больше, чем указание на *целостность* действия» [Цит. по: Белошапкина 2011: 545].

В связи с этим в последнее время ученые все чаще обращают внимание на те изменения, которые происходят в основе глагола под влиянием присоединения префикса. О характере этих изменений речь пойдет в следующем разделе.

1.3.3. Модификация и мутация в процессе префиксального глагольного словообразования

В современной словообразовательной теории одной из самых актуальных задач является определение типов отношений между производящей и производной основами в соответствии с характером словообразовательных значений. Причем особое внимание этой проблеме отводится, когда речь заходит о глагольном словообразовании, о чем говорят исследования многих ученых (Ю. Д. Апресян, Н. С. Авилова, Л. А. Вараксин, С. Карцевский, Е. В. Петрухина, М. А. Шелякин и др.).

Первоначальным звеном в создании любой классификации словообразовательных отношений является учет частеречной соотносительности между производящим и производным, т.е. учет того, относится ли производное слово к той же части речи, что и производящее, или переходит в иную часть речи. С этой точки зрения выделяют два направления в процессе словообразования: транспозиционное и нетранспозиционное. Те производные, которые изменяют грамматическую семантику по сравнению с производящими, относятся к транспозиционному словообразованию, а те производные, которые не изменяют грамматической семантики, – к нетранспозиционному. На этом основании некоторые ученые разграничивают *«внутреннее»* (внутри данной части речи) словообразование (внутриглагольное, внутрисубстантивное и т.п.) и *внешнее* – с переходом производного слова в часть речи, отличную от части речи производящего» [Моисеев 1985: 79]. Наша работа связана с исследованием нетранспозиционного словообразования («внутреннего» – внутриглагольного), так как формирование префиксальной парадигмы дериватов не изменяет частеречную принадлежность их по сравнению с производящим.

Разграничение транспозиционного и нетранспозиционного словообразования ни у кого не вызывает особого возражения, так как основывается на вполне определенном критерии: принадлежности или непринадлежности производных и производящих к одной и той же части речи. Более того, вполне обосновано выделение разных типов словообразования внутри каждого из этих направлений.

Значительно более сложной является задача сделать разграничение в характере словопроизводственного процесса на основе более глубоких изменений в содержательной структуре слов, затрагивающих типы деривационных отношений между производящим и производным, которые в научной литературе получило название *модификация и мутация*.

Решение этой задачи многие годы строилось на основе характерных деривационных отношений для существительных и прилагательных. Именно на этом материале выделяются довольно четко типы модификационных и мутационных значений. В результате, в РГ-80 представлены 7 групп существительных с модификационным значением и 4 группы прилагательных с модификационным значением [РГ-80: 200-219, 332]. При этом в научной литературе сложилось устойчивое представление о том, что модификационные и мутационные значения различаются «по направленности трансформации лексического значения исходной единицы» [Резанова 1996: 15]. Исходя из этого, модификационное значение трактуется как значение, которое формируется на базе производящего путем его видоизменений различного рода, а мутация направлена на коренное изменение его внутренней структуры.

Что касается глагольного словообразования, характерного для русской языковой системы, то оно изучено в этом плане еще мало, хотя

необходимость решения этой проблемы ощущается все острее, о чем свидетельствуют высказывания многих ученых. Например, Ю. В. Королёва пишет: «Разграничение глагольных деривационных значений модификационного и мутационного типа считается одной из важнейших задач в исследовании глагольной производной номинации и глагольного словообразования» [Королёва 2006: 267]. Следует отметить, что речь идёт прежде всего о префиксально-глагольном словообразовании, поскольку оно лидирует среди других способов глагольного словообразования, и при изучении семантических закономерностей префиксально-глагольной деривации приобретает важное значение вопрос о том, к какому типу словообразовательных значений оно относится – модификационному или мутационному. К тому же префиксальное глагольное словообразование является, по словам М. В. Черепанова, «по преимуществу семантическим», что создает дополнительную базу для исследований. Проблема разграничения модификационных и мутационных значений у префиксально-глагольных дериватов неоднократно поднималась в научной литературе (А. В. Бондарко 1976, Л. А. Варакин 1996, Г. А. Золотова 1973, Е. В. Петрухина 1996, Т. В. Попова 1997, З. И. Резанова 1996, П. А. Соболева 1980, И. С. Улуханов 1977, М. Н. Янценецкая 1978 и др.). При этом затрагивались различные вопросы: критерии разграничения мутационных и модификационных дериватов; отношение дериватов к способам глагольного действия; взаимосвязь семантики глагольно-префиксального деривата с категорией вида; характер синтаксической сочетаемости производящих и производных глаголов и др. Однако, несмотря на бурные дискуссии по этому поводу, до сих пор нет единой точки зрения на существующую проблему.

Основные положения разграничения модификационных и мутационных глагольных словообразовательных типов были разработаны чешскими и польскими учеными. Однако в настоящее время не все ученые соглашаются с некоторыми из этих положений. Так, например, подвергается критике тезис М. Докулила о том, что внутриглагольное словообразование почти полностью находится в рамках модификации [М. Докулил 1961]. Он, рассматривая внутриглагольное словообразование, относит все префиксальные дериваты к модификационному словообразованию. В связи с этим он отмечает, что «для категории действия особенно важны различные его модификации: пространственные, временные, фазовые». [Цит. по: Королева 2006: 276]. Эту точку зрения поддерживают и некоторые российские ученые, например, В. В. Лопатин, И. С. Улуханов, М. Н. Янценецкая и др., которые вообще отрицают наличие мутационных значений у префиксально-производных глаголов и относят подобные дериваты к области модификации. Так, В.В. Лопатин в своей статье пишет, что во внутренних приставочных глаголах «выражается пространственная модификация процессуального признака» [Лопатин 1087:48]. Этому мнению придерживается и И. Г. Милославский, отмечая, что «префиксальные глаголы с пространственными значениями не являются мутационными производными» [Милославский 1987: 114]. Более категоричное заявление по этому поводу находим у М. Н. Янценецкой: «Мотивация существительных существительными может сопровождаться возникновением как модификационных, так и мутационных значений, а мотивация прилагательных и глаголов словами той же части речи вызывает семантические преобразования лишь модификационного порядка» [Янценецкая 1978: 47].

Однако исследования ученых в этой области в последние десятилетия убедительно доказывают, что для префиксально-глагольных образований мутация так же характерна, как и модификация (М. А. Шелякин, Л. А. Вараксин, Э. Секанинова и др.). Как говорит Л. А. Вараксин, «исследование всей совокупности приставочных глаголов доказывает наличие в системе префиксального глагольного словообразования двух типов производных – с *мутационным и модификационным* значениями» [Вараксин 1996: 163]. Но, как отмечают С. Карцевский и Е.В. Петрухина, в рамках префиксального глагольного словообразования мутации менее продуктивны, чем модификации [Карцевский 1962, Петрухина 2000].

В связи с этим актуальным становится вопрос о критериях разграничения модификационных и мутационных значений, возникающих в процессе внутриглагольного словообразования, прежде всего – префиксально-глагольного словообразования. В научной литературе при исследовании глагольного словообразования неоднократно поднимался вопрос о таких критериях (С. Карцевский 1962, Ю. Д. Апресян 1974, Н. С. Авилова 1976, Н. Д. Арутюнова 1992, Л. А. Вараксин 1996, Е. В. Петрухина 1998, 2000, Н. Б. Лебедева 1999, Ю. В. Королева 2006, и др.). Одним из основополагающих критериев, на которые указывают многие ученые, является наличие в модификационных глагольных значениях уточнения количественно-временной характеристики или уточнения достижения, результата действия, выраженного исходным глаголом. И наличие этих оттенков в значениях производных глаголов, в свою очередь, является для них основанием для формирования особых семантических группировок глаголов (с модификационным значением), получавших название *способы глагольного действия* [А. В. Бондарко, Б. Н. Головин, Т. В. Попова, О. М. Соколов, М. А. Шелякин и др.]. Таким

образом, понятие модификационного значения соотносится с понятием способа глагольного действия, так как способы действия – «это семантические разряды глаголов, которые выделяются на основе сходства в типах протекания и распределения во времени глагольного действия» [Маслов 1959: 158-160]. О таком соотношении говорится и в РГ-79: «Модификационные словообразовательные значения присущи семантико-словообразовательным группировкам глаголов, представляющим собой способы глагольного действия» [РГ-79: 558]. Такое же мнение находим и у Л. А. Вараксина: «если те или иные глаголы входят в группировки с начинательным, ограничительным, финитивным, однократным, дистрибутивным и т.д. значением, то они являются результатом модификационного преобразования исходной основы» [Вараксин 1996: 42]. Подобные семантические разряды среди производных глаголов с мутационным значением отсутствуют.

Таким образом, модификационное значение у префиксальных дериватов связано с уточнением количественно-временных характеристик и уточнением специфических характеристик достижения результата действия, обозначенного исходным глаголом, к которому присоединяются приставки – модификаторы. По мнению Н.С. Авиловой, «в современном русском языке все способы действия объединяются в большие группы, каждой из которых свойствен определенный характер модификации значения исходных глаголов. Генерализация способов действия в соответствии с наиболее общим характером сдвига в семантике глаголов, в отвлечении от их многообразных частных значений, позволила исследователям выявить группу временных способов действия, группу количественных способов действия и группу результативных способов действия» [Авилова 1967: 259-309].

Средством выражения мутационных словообразовательных значений являются приставки-квалификаторы. Это собственно лексические приставки, потому что результатом мутационного преобразования исходной основы является порождение глаголов со значением нового типа действия: «производные становятся носителями нового предметно–понятийного содержания» [Вараксин 1996: 41]. Как отмечается в РГ-79, при мутации «значения производной основы нередко существенным образом изменяется. Результат же, являющийся следствием семантического сдвига, не предопределяется значением производящей основы» [РГ -79: 243]. Это приводит к тому, что мутация «знаменует возникновение совершенно нового лексического значения на базе старого» [Кубрякова 1981: 147]. По словам Ю. С. Азарха, «при мутации в лексическом значении производного обычно находят выражение наиболее типичные, социально значимые связи между референтом производящего и производного» [Азарх 1984: 67]. Таким образом, данное понимание мутации говорит о том, что словообразовательный элемент меняет лексико-семантическую структуру исходной основы и в результате данного изменения приводит к появлению в нем нового компонента семантики. Как отмечает Ю. В. Королева, «при мутации именно на приставке лежит нагрузка выражения действия, а мотивирующая основа выполняет при ней роль определения» [Королева 2006: 276]. При этом в подобных глаголах значение исходного глагола входит в значение производного «в качестве одного из смысловых компонентов, указывающих на новую структуру действия, то есть на новое действие по сравнению с действием исходного глагола» [Шелякин 1983: 168]. Н. Д. Голев, поддерживая эту точку зрения, отмечает, что внутриглагольное словообразование характеризуется большим диапазоном на шкале мутационности: от незначительного расхождения с

семантической структурой производящего до полного разрыва с ней [Голев 1984: 23].

Однако следует учесть, что одна и та же приставка может участвовать как в формировании мутационного, так и модификационного значения даже в условиях присоединения к одной и той же глагольной основе, ср.: **говорить-отговорить** в значении «Перестать говорить» и **говорить-отговорить** в значении «Убедить не делать чего-либо.». В таком случае для разграничения мутационного и модификационного значения в префиксальном деривате большую роль будет играть контекстное окружение.

Таким образом, результатом мутационного преобразования исходной основы является порождение глаголов со значением нового типа действия при помощи приставок – квалификаторов.

Модификационные или мутационные изменения смысловой структуры исходного глагола нередко влияют и на характер грамматических особенностей слов, участвующих в деривационном процессе, что для некоторых ученых также служит основанием для проведения границы между глаголами с мутационным и модификационным значениями. При этом отмечается, что в случае внутриглагольного словообразования (а мы ведём речь о префиксально-глагольном словообразовании) изменений в общекатегориальном значении, естественно, не происходит, то есть, категориально-грамматическая сема не изменяется. Но изменения могут затрагивать специфические грамматические категории глагола. Особенно это касается грамматической категории вида. Это проявляется прежде всего в том, что все глаголы с мутационным значением, как правило, образуют видовую пару с одной и той же приставкой, т.е. имеются соотносительные формы совершенного и несовершенного вида. А глаголы, относящихся к

модификационному типу, в большинстве случаев лишены вторичного имперфектива, т.е. являются морфологически *дефектными*, например, ср.: **писать-написать и писать-списать/списывать**. Однако и здесь не все так однозначно. Дело в том, что некоторые из этих глаголов все же могут иметь соотносительный по виду глагол, т.е. глаголы с модификационным значением по наличию или отсутствию видовой пары можно разделить на две группы: глаголы, имеющие видовую пару, и глаголы, не имеющие префиксального видового коррелята. В таком случае они соотносятся по виду с производящим глаголом. Например, префиксальный дериват **отговорить** в значении «Кончить говорить» относится к модификационному типу. Он остается семантически и грамматически соотнесенным с исходным беспривставочным глаголом несовершенного вида (говорить), то есть, относится к числу модификационных глаголов и свою собственную видовую пару не образует. Хотя с другим значением (мутационным): «убедить не делать чего-л.», этот же глагол образует видовую пару: **отговорить - отговаривать**. Другой префиксальный дериват **договорить**, образованный от этого же глагола, тоже относится к модификационному типу и имеет практически такое же значение: «Окончить говорить; довести до конца свою речь, ответ и т.п., высказать что-л. до конца». И этот глагол (с модификационным значением) образует видовую пару: **договорить-договаривать**.

Таким образом, наличие/отсутствие видовой пары у глагола не может быть основополагающим критерием в разграничении модификационных и мутационных значений.

В последнее десятилетие в связи с формированием когнитивного подхода к явлениям словообразования разграничение модификационных и мутационных значений глагола все чаще рассматривается на основе анализа денотативной глагольной семантики, которая «может быть

представлена в виде своеобразной семантической подсистемы особого когнитивно-коммуникативного плана, образуемой в результате отражения в мыслительной сфере человека динамического фрагмента мира. Этот фрагмент мира воспринимается языковым сознанием как полиситуативная, полисобытийная, полипропозициональная структура открытого типа, расширяющаяся или сужающаяся в зависимости от коммуникативных условий» [Лебедева 1999: 241].

При этом анализ полиситуативной семантики глагола проводится с разных позиций. Одни ученые рассматривают модификационные и мутационные глагольные значения на основе сопоставления семантики производящего и производного глаголов с учетом семантических валентностей (на сигнификтивном уровне) и логических валентностей (на денотативном уровне), которые вместе с целевой перспективой действия составляют ядро семантической структуры глагола. И если внутриглагольное словообразование связано с изменением этого ядра у производного глагола (изменение валентности на общих уровнях и изменение перспективы действия), то, как считает Е. В. Петрухина, образуется в производном глаголе мутационное значение. При этом называется не только новая ситуация, но и выражается связь между ней и исходным глаголом. Если же изменения связаны лишь с количественно-временными характеристиками действия, а в остальном структура исходного глагола остается без изменения, то в этом случае мы наблюдаем модификационное значение производного глагола [Петрухина 1996: 40-40; 2000: 118-119].

Другие ученые, рассматривая полиситуативную семантику глагола в плане разграничения мутационных и модификационных значений в процессе внутриглагольной деривации, делают акцент на количестве ситуаций, лёгших в основу формирования семантической структуры

производного глагола, и предполагают, что глаголы, образованные на базе двух ситуаций и более (на денотативном уровне), приобретают мутационное значение [Лебедева 1979].

Таким образом и в аспекте когнитивного словообразования тоже пока нет единого критерия в разграничении модификационных и мутационных значений в глагольной деривации.

В итоге можно сделать вывод, что в современной лингвистике пока не найден единый, универсальный критерий, который мог бы быть использован для довольно четкого разграничения между модификационным и мутационным значениями в префиксально-глагольных образованиях. В связи с этим для более убедительного разграничения модификационных и мутационных значений в префиксально-производных глагольных образованиях следует использовать, на наш взгляд, комплекс критериев, который может формироваться в зависимости от объекта и цели исследования.

В этом отношении, бесспорно, большую помощь может оказать семный анализ производящего и префиксально-производного глаголов. Несмотря на неоднозначное отношение к анализу лексического значения слова на основе выделения в нем семного состава, многие ученые активно используют этот метод в своих исследованиях для выявления разнообразных связей между лексемами (Л. М. Васильев 1976, 1981; Ю. Н. Караулов 1976, 1981; Э. В. Кузнецова 1975; О. Н. Селиверстова 1975 и др.). При этом они опираются на словарные дефиниции, хотя и признают, что словарные определения, представленные в толковых словарях, могут быть не всегда достаточными и объективными. Но при этом, как отмечает Ю. В. Казарин, «словарная дефиниция в абсолютном большинстве случаев содержит денотативный и сигнификативный аспекты лексического значения слова, представляя необходимый минимум как информации, так

и обязательный набор грамматических и лексических характеристик значений слова, необходимый состав лексических позиций (субъекта, объекта, локальности, инструментальности и др.), оформляя тем самым относительную лексикографическую достаточность определения значения слова» [Казарин 1997: 81].

Мы в своей работе тоже используем семный анализ лексического значения глаголов характеризованной речевой деятельности и их префиксальных дериватов для установления характера отношений между производящим и производным глаголами, а также для определения семантического расстояния между производящим глаголом и его дериватом, которое связано прежде всего с установлением изменений, касающихся категориально-лексической семы. И в этом случае мы тоже используем словарные определения, которые представлены в толковых словарях.

Выводы по первой главе

1. Словообразовательная парадигма играет структурирующую роль в словообразовательном гнезде и словообразовательной системе в целом. Количество СП в гнезде и их содержательное наполнение зависит в конечном счете от лексических характеристик исходного слова гнезда, в том числе и от принадлежности его к определенной лексико-семантической группировке слов.

2. Компоненты словообразовательной парадигмы имеют семантическую общность: их лексические значения вытекают из лексической семантики производящего, что помогает выделить дополнительные аспекты исследования парадигмы: рассмотрение характера словообразовательных значений каждого члена парадигмы на основе его семантической связи с производящим.

3. Структура словообразовательной парадигмы обычно состоит из словообразовательных блоков, которые выделяются на основе принадлежности производных слов к части речи. Однако в каждом словообразовательном блоке может быть выделена более мелкая структурная парадигматическая единица: словообразовательный микроблок, который выделяется на основе единого способа образования производных слов, входящих в тот или иной словообразовательный блок.

4. Глагольное словообразование в русском языке представлено прежде всего префиксальным способом. Глагольные приставки имеют довольно емкую самостоятельную семантику, которая позволяет по-разному трансформировать семантику производящего глагола и выражать семантическое своеобразие производного глагола. Русские глагольные приставки выполняет две основные функции: словообразующую и формообразующую. В некоторых случаях совмещаются обе функции в процессе префиксальной деривации.

5. Префиксальная глагольная деривация порождает два типа словообразовательных значений в производных словах: модификационное и мутационное. При этом модификационное значение связано с незначительным изменением, не затрагивающим суть смысловой структуры исходного глагола, а мутационное значение связано с коренным изменением смысловой структуры исходного глагола.

Глава 2. Типы модификационного значения префиксальных глаголов характеризованной речевой деятельности

2.1. Взаимосвязь модификации и способа глагольного действия

Модификационное значение глагола, как было сказано ранее, связано со способами глагольного действия, т.е. семантико-словообразовательными группировками глаголов.

Изучение способа глагольного действия в русском языке имеет длительную научную традицию. В языкознании теория способа действия рассматривалась многими учеными (А. Х. Востоков, Г. П. Павский, Н. П. Некрасов, А. А. Потебня, Г. К. Ульянов, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов и др.), которые первоначально связывали степени действия, то есть способы глагольного действия, с категорией вида. Разграничение вида и способа действия получает значительное развитие в трудах Ю. С. Маслова. Он считает, что вид – это грамматическая категория, и рассматривает ее как категорию морфологии и синтаксиса. «Сущность категории вида полнее всего раскрывается в процессе его синтаксического анализа, анализа употребления его форм. Взятая же в морфологическом разрезе, категория совершенного/несовершенного (перфективного/ имперфективного) вида представляет собой категорию не *классификационного* (как категория рода в имени существительном), а *словоизменительного* типа: видовое противопоставление может осуществляться и на деле часто осуществляется в рамках одного и того же лексического значения...» [Маслов 1963: 3]. А способы действия он относит к лексико-грамматическим категориям, считая, что они создают семантико-словообразовательные группировки глаголов, так как в пределах отдельных способов действия производные глаголы составляют

группы в зависимости от формальных средств для выражения модификации значений бесприставочных глаголов.

Об отличии способов глагольного действия от морфологической категории вида говорит и Г. А. Анисимов, отмечая, что «в области способов действия мы не находим структуры, присущей морфологическим категориям. Здесь нет рядов грамматических форм, нет грамматического противопоставления таких рядов по своей природе – это подклассы глагольной лексики, лексико-грамматические разряды» [Анисимов 1974: 90-91]. Вследствие этого вид и способы действия различаются как два самостоятельных понятия. Подчеркивая важность семантического компонента в формировании способа глагольного действия, Ю.С. Маслов пишет, что способы действия – «это семантические разряды глаголов, которые выделяются на основе сходства в типах протекания и распределения во времени глагольного действия» [Маслов 1959: 158-160]. Они могут быть морфемно выраженными. Этой точки зрения придерживаются А. В. Бондарко, М. А. Шелякин и многие их последователи. А. В. Бондарко в книге «Русский глагол» дает такое определение: «Способы действия – это семантические (отчасти словообразовательные) группировки глаголов, выделяемые на основании общности типа протекания действия. [Бондарко, Буланин 1987: 11].

Свое понимание способа глагольного действия находим в работе А. В. Исаченко. Он считает, что все способы глагольного действия можно разделить на 2 типа: первый тип автор связывает с понятием «совершаемость» действия, а второй тип с понятием «характера глагольного действия» [Исаченко 1960: 209-334]. Однако эта точка зрения не является распространённой.

Существует еще одна точка зрения в понимании способа глагольного действия, которая учитывает формально выраженные

характеристики глагольного действия со значениями начинательности, ограничительности, многократности и т.д., то есть представляет собой учение о структурно-семантических типах глаголов, выражающих модификацию действия, названного исходным глаголом [Авилова 1976: 264]. Исходя из этого, по мнению некоторых ученых (Н. С. Авилова, Г. А. Анисимов, Г. Г. Кухтенкова, и др.), способы глагольного действия выражают модификацию значения действия и к этой модификации обязательно присоединяется формальный показатель, то есть морфологический показатель (аффиксы). При этом модификация семантики производящего глагола связана с тем, что она передает количественно-временные уточнения и специфицирует характеристику результативности действия.

Полное и четкое представление о способах глагольного действия, на наш взгляд, дается в работах А.В. Бондарко [Бондарко 1967: 2003], она же представлена в Академической грамматике-80: «Способы глагольного действия – это такие семантико-словообразовательные группировки глаголов, в основе которых лежат формально выраженные модификации (изменения) значений беспрефиксных глаголов с точки зрения временных, количественных и специально результативных характеристик» [РГ-80: 596].

Эта точка зрения в настоящее время является наиболее распространённой, о чем может свидетельствовать и ее представленность в ЛЭС, где находим: «Способы глагольного действия это – лексико-грамматические разряды глаголов, обозначающих различные временные, количественно-временные и результативные модификации действия, выраженные с помощью словообразовательных формантов (приставок, суффиксов и постфикс» [ЛЭС 1999]. А. В. Бондарко рассматривает способы глагольного действия в соотношении с такими

категориями, как предельность и неопредельность. Однако для понимания предельности и неопредельности важно уточнить понимание *предела*, так как *предел* – это понятие универсальное, которое применяется в различных сферах жизни и деятельности. В лингвистике нет общепризнанного и однозначного толкования понятия *предел*. Наиболее четкое представление о пределе как лингвистическом понятии дает С. И. Холод, рассматривая предел как «некую критическую точку, связанную с качественным изменением в протекании действия, такой точкой может быть 1) начало действия, 2) конец действия, 3) достижение цели, 4) переход в новое качественное состояние субъекта/объекта действия» [Холод 2004: 20]. Как отмечает Е. А. Реферовская, предельность/неопредельность глагола играет доминирующую роль в аспектуальной характеристике действия, какой бы глагольной формой она не выражалась [Реферовская 1984: 91-109]. Н. Ю. Шведова считает важным фактором, определяющим сложность и семантическую глубину глагола, то, что «средствами своей видовой системы глагол представляет действие или процессуальное состояние как предельное или неопредельное, причём характер такой предельности или неопредельности обозначается глаголом дифференцированно и с большой точностью» [Шведова 2007: XXI]. Таким образом, современное учение о способах действия выявляет в этой области две *высшие абстракции*: «**Предельность** это – входящее в семантику глагола указание на внутренний, самой природой данного действия предусмотренный предел. **Неопредельность** – отсутствие внутреннего предела, ограничивающего течение действия хотя бы в перспективе» [Бондарко 2002: 186]. При этом А. В. Бондарко также обращает внимание на то, что эти категории взаимосвязаны с категорией вида, так как «Предельность охватывает все способы действия, выступающие в обоих видах или только совершенном... Неопредельность –

это общее свойство ряда способов действия, связанных лишь с несовершенным видом» [Бондарко 1967: 28-29]. Учет этих категорий (предельность – непредельность) помогает раскрытию внутреннего механизма формирования того или иного способа действия.

В русском языке ученые выделяют разные способы действия. Например, Т. В. Попова выделяет более 30 способов глагольного действия русских глаголов, и некоторые из них характерны для исследуемых нами глаголов характеризованной речевой деятельности, имеющих модификационный характер семантики.

2.2. Префиксальные дериваты, образованные от глаголов характеризованной речевой деятельности, со значением начинательного способа действия

Глаголы со значением начинательности занимают значительное место среди глагольных лексем в современном русском языке. Как отмечает А. Н. Тихонов, в русском языке насчитывается около двух тысяч начинательных глаголов [Тихонов 1965: 45]. Глаголы со значением начинательности отражают «момент возникновения действия, первый временной момент его бытия» [Шелякин 1975: 63].

Специализированными морфологическими показателями значения начинательности служат глагольные приставки **за-, по-, вз-, воз-, раз-**. Среди этих префиксов с начинательным значением приставка **за-** играет лидирующую роль в деривационном процессе. На это указывали многие ученые (В.В. Виноградов, А. В. Исаченко, А. А. Зализняк, Е.А. Земская, Ю. С. Маслов, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, А. Д. Шмелев и др.). Как известно, приставка **за-** может придавать глаголам и другие значения, например, значение «достижение результата действия, состояния»

(*крепить-закрепить, гримировать-загримировать*), значение «попутность действия» (*бежать-забежать, нести-занести*), «направленность действия, движения за предмет» (*бежать-забежать за дерево, плыть-заплыть за ограждение*) и др. Однако именно значение начинательности прежде всего характерно для глаголов с приставкой **за-**. О преобладании глаголов именно с приставкой **за-** (среди начинательных глаголов) говорит Р. Г. Карунц, приводя данные о количестве глаголов с приставкой **за-** в разных словарях: в словаре Даля – более 900, в словаре Ожегова – 140, в словаре Ушакова – более 400, в МАС также более 400 и в БАС – более 800 [Карунц 1985: 178]. На наш взгляд, причину такого большого количества начинательных глаголов с приставкой **за-** можно объяснить следующим образом. Во-первых, глаголы с начинательным значением характерны для многих лексико-семантических групп глаголов: глаголов звучания (*журчать-зажурчать, шуршать-зашуршать, булькать-забулькать*), глаголов речи (*говорить-заговорить*, и др.), глаголов движения (*спешить-заспешить, шагать-зашагать* и др.) и т.д. Во-вторых, глаголы с приставкой **за-**, относящиеся к начинательному способу действия, имеют неоднородную семантическую структуру, включающую в себя разнообразные вариации и оттенки. На это неоднократно указывали некоторые ученые. Например, А. Н. Тихонов отмечает, что «глагол со значением начинательности отражает *известную* тенденцию к большому обобщению. Это обобщение тех многочисленных частных значений и оттенков, которые объединяются под общим знаком начинательности» [Тихонов 1959: 44]. Возможность передавать разнообразные спецификации значений и их оттенки, на наш взгляд, как раз и поддерживает продуктивность словообразовательного типа с приставкой **за-** среди глаголов с начинательным значением. Однако следует иметь в виду, что эти частные значения и оттенки обусловлены и характером

семантики производящей основы глагола, которая взаимосвязана и с грамматической категорией вида. Так, по справедливому замечанию Л. П. Демиденко, начинательные глаголы образуются от неопредельных производящих основ, потому что «Предельность глагольной основы препятствует возникновению такого значения, так как значение направленности действия на конечный предел вступает в противоречие с начинательным значением» [Демиденко 1953: 86]. «Большинство начинательных глаголов с приставкой **за-** выступает только в совершенном виде. Несвершенный вид возможен в немногих случаях, например: *заговаривать* ‘начинать говорить’ и др.» [Бондарко, Буланин 1967: 15].

Немаловажным факторами является и то, что производные глаголы с приставкой **за-** в большинстве случаев способны реализовать все или большинство значений, оттенков и специфических употреблений своих производящих, хотя словари не всегда полностью отмечают соотносительность значений бесприставочных производящих и производных глаголов. Например, начинательные глаголы одновременно могут обозначать оттенок внезапности или неконтролируемости действия. Значения данных глаголов реализуются в контекстах, в которых есть семантическая поддержка такого оттенка при помощи наречий: *внезапно, вдруг, сразу, опять и др.* Например: **Заахать** – [Чува] *внезапно приложила ладони к вискам и заахала.* – *Ах, ах, не знаю!...Что у нас делается.* Гончаров. Воспоминания. Глагол **забасить** – *забасил вдруг старший нищий, озираясь на стороны мутными глазами.* Д. В. Григорович. Переселенцы. **Залопотать** – *Или для нее эта история и впрямь сразу кончилась, как только Вечеровский бесследно исчез из своей квартиры – то ли действительно уехал на Памир, как собирался, то ли нет – и Бобка*

после трехдневных невыносимых мук, трех дней ада кромешного сразу вновь залопотал? Вячеслав Рыбаков. Трудно стать Богом.

Глаголы с начинательным значением неоднократно были предметом исследования в работах разных ученых (Н. С. Авиловой, В. В. Виноградова Б. Н. Головина, Л. П. Демиденко, Р. Г. Карунц, В. Н. Сидоровой, А. Н. Тихонова и др.), но эти исследования были связаны, как правило, с каким-либо одним аспектом рассмотрения этих глаголов. Так, например, в исследованиях В. В. Виноградова, Е. А. Земской, Л. А. Быковой рассматриваются лишь словообразовательные типы глаголов и возможности их видовых корреляций; А. А. Шахматов, В. Н. Сидорова, П. С. Кузнецов рассматривали формально выраженные характеристики глагольного действия *со значением начинательности*. Однако глаголы с начинательным значением, входящие в группу характеризованной речевой деятельности, не подвергались специальному анализу с точки зрения соотношения семантики производящего и производного глагола с целью установления характера модификации префиксального деривата. Решению именно этой задачи посвящен данный раздел работы.

От глаголов характеризованной речевой деятельности, которые представлены в Толковом словаре русских глаголов, образовано 26 префиксальных глаголов с начинательным значением, и большинство из них образованы при помощи приставки **за-**. Только один глагол образован при помощи приставки **воз-** (роптать-возроптать). Глаголы с другими приставками в этой группе нами не обнаружены.

На основе анализа семантики начинательных глаголов мы выделили среди них два типа модификаций. К первому относятся глаголы, чья модификация связана лишь с выражением начала действия, которое обозначено производящим глаголом. Второй тип – более сложный, когда

модификация связана не только с обозначением начала действия, но и с дополнительными характеристиками этого действия.

Рассмотрим каждый тип

I тип: начинательные глаголы обозначают начало действия, обозначенное производящим глаголом. Эти глаголы обычно в толковых словарях имеют очень краткую дефиницию, построенную по модели: начать + название действия, выраженное инфинитивом. Например:

Ахать – «Разг. Произносить (произнести) громко “ах” (одни или несколько раз), выражая разные чувства: удивление, испуг, печаль, сожаление и т.п.». *Молчание. Наверное, Лялька ужасалась и ахала.* И. Муравьева. Мещанин во дворянстве. **Заахать** – «Разг. Начать ахать». *Да, па? – Отлично! – заахала продавщица. – Вылитый папа! Словно сговорились все!* Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда».

Басить – «Разг. Говорить, петь басом». – *Такая была бы жизнь, – кивнул Гуденброк. – Уж это будьте уверены, – басил Ватагин. На ладони у него почему-то было яйцо* (Д. Быков. Орфография). **Забасить** – «Разг. Начать басить». – *Не слышны в саду даже шорохи! – нещадно фальшивя, забасил вдруг Астахов.* Семен Данилюк. Рублевая зона.

Бормотать – «Говорить тихо и невнятно». *То он бормотал: "Они хотят меня убить", – и глядел затравленно, исподлобья, весь жалкий да несчастный, то жалобно доносил кому-то вслух: "Они реального участия в общественной жизни не принимают!* О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней. **Забормотать** – «Начать бормотать». *Ну тише, тише, голубчик, нас же слышат... – забормотал Институт.* О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней.

Галдеть – «Прост. Громко, беспорядочно говорить всем вместе, шуметь, кричать». – *Будто дети малые, – посетовал Фархадов. – Не*

остановишь, так и будут галдеть. Ну, довольно пустых слов. Семен Данилюк. Бизнес-класс. **Загалдеть** – «Прост. Начать галдеть». *Зал, в который набралось уже десятка четыре гостей, перемещающихся группами и заглядывающих в окна, вдруг трянуло и накренило – все бросились в прихожую, загалдели, заговорили отрывисто, завскрикивали восхищенно, но, перебивая этот горячий голосовой клубок, раздался твёрдый мужской речитатив, провозглашающий здравицу при встрече новобрачных.* В. Г. Распутин. Новая профессия.

Дребезжать – «Звучать прерывисто, надтреснуто (о голосе, звуке чего-л.)». *[Ярша] услышал твердый, сильно дребезжащий в мембране [телефона] голос.* Бубенн. Белая береза. **Задрезжать** – «Начать дребезжать». *Старик опять задрезжал своим ласковым и в то же время непрерывно раздражающим голосом.* Гл. Усп.

Твердить – «1. Постоянно говорить, повторять одно и то же». *Уж сколько раз твердили миру, Что лесть гнусна, вредна* (И. Крылов, Ворона и Лисица). **Затвердить**² – «Начать твердить». – *Прошу тебя, перестань! Затвердил: везет, везет! Ничего этого я не чувствую.* Лазарь Карелин. Головокружение.

Шамкать – «Разг. Произносить что-л. непонятно, неотчетливо, как будто проглатывая некоторые звуки и даже слоги, обычно из-за отсутствия зубов». *Зубы отец снял еще в «скорой», поэтому немилосердно шамкал, а тут еще ничего не слышал и не понимал.* В. Шаров. Воскрешение Лазаря. **Зашамкать** – «Разг. Начать шамкать». – *Слух был, врут ли, нет ли, —зашамкал беззубый семидесятилетний солдат Васька, – будто бы царь-государь Петр Федорыч показал себя на Руси, в Полтавщине, что ли.* В. Я. Шишков. Книга первая.

Шепелявить – «Произносить свистящие звуки как шипящие». – *А, это вы. – Он слегка шепелявил. – Я вас вызвал, чтобы услышать ваши*

показания по делу контрреволюционной квадриги. Семен Липкин. Записки жильца). **Зашепелявить** – «Разг. Начать шепелявить». – *Не сердись, – вдруг быстро зашепелявил он, точно испугавшись чего-то.* Г. В. Иванов. Третий Рим.

Роптать – «1. Высказывать недовольство кем-либо или чем-либо, обиду на кого-либо или на что-либо». *Бабушка иногда жалуется, что не управиться с гостями, ропщет на Веру за дикость, за то, что не хочет помочь.* И Гончаров, Обрыв. **Возроптать** – «Книжн. Начать роптать». *Приход женщин в деловой мир потребовал разделения домашнего труда, необходимости нагрузить мужчину несвойственными ему обязанностями. И он немедленно возроптал.* Зоя Богуславская. Возвращение к себе.

В приведенных примерах практически весь объем семантики производящей глагольной основы (со всеми характеристиками речевого процесса) входит в семантику префиксального деривата, а модификация семантики производного связана лишь с указанием на начальную фазу совершения действия. Поэтому в лексикографических источниках у глаголов подобного рода находим такую лаконичную дефиницию, где отсутствует содержательный план названного действия, чтобы сделать акцент именно на начальном этапе его совершения. К тому же часто в словарной статье таких глаголов отсутствует даже иллюстративный материал. Вероятно, имеется в виду, что для носителей русского языка приведенной информации вполне достаточно для адекватного восприятия семантического наполнения подобных глаголов. Хотя, с точки зрения человека, для которого русский язык не является родным, такая информация нередко бывает недостаточна.

В некоторых случаях в дефинициях производных глаголов имеются наречия и различные словосочетания, дающие добавочную характеристику действия. Например:

Болтать – «Разг. 1. Вести легкий, непринуждённый разговор, разговаривать». *В то утро мы с матерью, Петькой и Сашей сидели в гостиной и болтали на разные темы.* В. Белоусова. Второй выстрел.

Заболтать – «Разг. 1. Начать болтать, говорить что либо незначительное, пустое». *[Анюта:] Плач, горести и стон, несчастье и беда. В объятиях милого забыты иногда. [Вздорова:] Ты романтически, Анюта, заболтала, Я никогда таких супружеств не видел.* Клушин. Смех и горе.

Бредить – «1. Говорить бессвязно и невнятно, находясь в бессознательном состоянии или во сне». *Пустая камера оглашалась по временам невнятным говором больного ---. Он бредил, переживая недавнее прошлое.* Короленко, В ночь под светлый праздник. **Забредить** – «Начать бредить, говорить бессвязно, бестолково». – *Мама! – забредил молодой человек несвязною, горячею речью. – Ты напиши ему: сын мой упал!* А. И. Левитов. Говорящая обезьяна.

Бурчать – «Разг. 1. Невнятно говорить; бормотать, ворчать». *Тимофей Ильич то бурчал, то тяжело вздыхал.* Бабаевский, Свет над землей. **Забурчать** – «Прост. 1. Начать бурчать, невнятно, глухо говорить; заворчать». *Кандыбин-отец, плотно притворив дверь в горницу, попросил хозяйку пойти проветриться. Хозяйка забурчав, накинула шаль, вышла* Первенц. Кочубей.

Брюзжать – «Надоедливо порицать, выражать недовольство; ворчать». *Он ужасно разозлился на меня за этот Интернет — все брюзжал и брюзжал и шуришал страницами, а потом вдруг спросил с любопытством: – Котенок из сердолика? Такого рыжеватоого, желтого оттенка? – Ну, да. Неужели? Мода на невинность: Татьяна Тренина.*

Забрюзжать – «Разг. Начать брюзжать, недовольно ворчать». *Марко Данилыч опять забрюзжал: зачем молодёжь так бестолково тратит деньги.* П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая.

Кричать – «1. Издавать крик (в 1 знач.)» *А он не понимал, за что его бьют, и очень громко кричал.* Андрей Геласимов. Жанна. **Закричать** – «1. Начать кричать, издавать крик». *И если в эту минуту явится он, вы крикните от радости, вскочите и.. броситесь к нему.* Гонч. Обрыв.

Мямлить – «Разг. 1. Медленно, невнятно и вяло говорить». – *Да говорите короче, Аркадий Дмитрич, а то вы всегда удивительно мямлите.* Станюкович. Беспокойный адмирал. **Замямлить** – «Начать мямлить, медленно, вяло и невнятно говорить». – *Я призываю вас... – тихо замямлил председатель, не отрываясь от бумаги, которую он читал. – Итак, что вы предлагаете? – повторил он свой вопрос.* [http://www.litmir.net].

Однако и в этих глаголах, как видно из примеров, распространённость дефиниции не свидетельствует о каком-либо значительном семантическом «приросте» деривата, так как в большинстве случаев находим или почти буквальное совпадение лексических распространителей в дефинициях производящего и производного глагола или близких по смыслу (см., например, приведенные выше глаголы *мямлить-замямлить*), или их замену синонимическими вариантами в префиксальном деривате (см., например, глаголы *брюзжать-забрюзжать*), а иногда то и другое.

Таким образом, глаголы с начинательным значением, относящиеся к I типу обычно не имеют дополнительных лексических показателей ни в дефиниции, ни в тексте. Отсутствие их как раз и подчеркивает чаще всего именно «чистое начало действия».

Следует отметить, что глагол **говорить** (сказать, произносить-произнести) выступающий в качестве базового глагола в данной лексико-семантической группе (глаголы характеризованной речевой деятельности), образует производный глагол **заговорить** со значением «начать говорить», который довольно часто выступает в дефинициях производных глаголов с начинательным значением вместо словосочетания *начать говорить*. При этом основную характеристику действия, заложенную в семантике производящего глагола, берет на себя, как правило, однокоренное с производящим глаголом наречие. Например, **Гнусить** – «Произносить звуки, говорить, петь с носовым призвуком». *Растирая слезы, гнусава до жалости. Алешка стал сказывать про беду.* А. Н. Толстой. Петр Первый. **Загнусить** – «Разг. заговорить гнусава». – *Обрадованно загнул, шамкал Остафий Долгополов и, юрко протянув руку к лежавшему на столе немецкому гаечному ключу, незаметно сунул его на ходу в карман свой.* В. Я. Шишков. Книга третья.

Картавить – «Произносить неправильно, нечисто звуки *р* или *л*». *Насколько «поэтическая манера чтения» лучше такого мастерства, хотя Светлов и картавил, и шепелявил, а у Багрицкого клокотало в горле и вообще переложено пафосу.* Юлий Даниэль. Письма из заключения. **Закартавить** – «Разг. Заговорить картаво». *А где же родитель мой? – закартавил наследник. – Что... что... с ним?* В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая.

Шептать – «1. Говорить, произносить, очень тихо, шепотом». *Но я не мог крикнуть; я только беззвучно шептал, пока доктор осматривал мою простреленную навывлет грудь.* Гаршин, Надежда Николаевна. **Зашептать** – «Разг. Заговорить шепотом». – *Мне нужна газета. Очень срочно! – лихорадочно зашептал я. – Моя куда-то подевалась.* В. Белоусова. Второй выстрел.

Частить – «Поспешно, торопливо говорить, произносить». – *Да вы знаете искусство-то? Понимаете что-нибудь в искусстве? – **частила** дама.* Лесков, Островитяне. **Зачастить** – «5. Заговорить или начать произносить что-либо быстро, учащено». [*Старуха*] *вынесла из сенок решето с крупной и тонким голосом **зачастила**: цыпы-цыпы-цыпы.* Вс. Иванов.

II тип: начинательные глаголы обозначают начало действия вместе с различными оттенками протекания действия, что отражено в дефинициях через толкования глаголов посредством синонимов, а также различных наречий и наречных сочетаний. Отличительной особенностью данного типа глаголов является также и то, что идентификатором в дефинициях этих глаголов почти всегда выступает глагол **заговорить**, выражающий, как мы уже отмечали выше, значение начала названного действия, связанного с речевой деятельностью. Такая имплицитность начинательности в толковании производных глаголов, на наш взгляд, в таких случаях, дает возможность в большей степени акцентировать внимание на характеристике определенного речевого действия, что и отличает их от первого типа начинательных глаголов, где акцент сделан на начале действия. В эту группу входят глаголы, например:

Бубнить – «Разг. Монотонно повторять, твердить». *Не отпуская нагретой трубки телефона, адъютант все время **бубнил** на своем условном языке: Мама слушает...мам слушает...*(Фадеев Молодая гвардия). **Забубнить** – «1. Простореч. Заговорить невнятно». – *Это не глупости, а правда жизни, – недовольно **забубнил** Арсений Никитич.* Т. Тренина. Русалка для интимных встреч.

Ворчать – «2. Разг. Сердито бормотать, выражая неудовольствие; брюзжать». *Майор, пыхтя и отдуваясь, **ворчал** и сердился на всех за то, -- что его толкают.* Л. Толстой, Война и мир. **Заворчать** – «Разг.

Заговорить негромко и неотчетливо, выражая недовольство; забрюзжать». *[Крутицкий]: Ты вот все болтаешь, сама не знаешь что; потому что разума у тебя нет... Малость дай! Все дай, все дай; а мне кто даст? [Мигачева:] Ну, заворчала грыжа старая!* А. Остр. Не было ни гроша.

Важно отметить, что глаголы со значением начинательности, относящиеся к II типу, имеют более сложный вариант модификации, связанный с тем, что у производящего глагола имеется несколько оттенков в значении, а у производного глагола эти оттенки совмещаются в одном значении. Например: **Лепетать** – «1. Говорить неправильно, несвязно, неясно произнося слова (о детях)». *За стеной звонко лепечет четырехлетний ребенок.* Ажаев, Далеко от Москвы.

А также в МАС указан оттенок этого значения: «Говорить невнятно, невразумительно». *И я шепчу безумные желанья. И лепечу безумные слова.* Фет, Вчера я шел по зале освещённой. **Залепетать** – «Разг. Заговорить невнятно, неотчетливо». – *Ах, нет, нет... Вы не так меня поняли, – залепетал переконфуженный Свежевский.* Купр. Молох.

В этом случае глагол **залепетать** совмещает семантику двух производящих глагольных значений (неотчетливо = неясно, невнятно), а также могут быть более сложные соотношения в семантике производящего и производного глаголов. Например:

Шипеть – «2. Разг. Говорить шепотом или сдавленным голосом. *Осталось немало людей, которые до сих пор не могут примириться с фактом революции. Они злобствуют и шипят втихомолку.* Нов. – Прибой. Ухабы.

А также в МАС указан оттенок этого значения: «Ворча, выражать свое недовольствие кем-, чем-л.» – *Поедем со мной в город с визитами. -- Да уж и к бесстыжней надо заехать, к Полине Карповне, чтобы не шипела!* И. Гончаров, Обрыв. А префиксальный дериват имеет только

одно значение, совмещающее в себе в определённой степени оба значения производящего. **Зашипеть** – «Перен. Разг. Заговорить вполголоса, зло, сердито произнося слова». *Старая хрычовка так и зашипела.* – *Вот вздумали чем удивить: нужны нам очень ваши деньги!* Тургенев. П. П. Каратаев.

Лопотать – «Разг. 1. Говорить несвязно, неясно произнося слова (о детях); лепетать». [*Девчонка*], *не переставая, что-то лопотала своим милым детским голосом.* Л. Толстой. Воскресение.

В МАС даётся ещё 2 оттенка: «Говорить невнятно, бормотать». *Парнишка дрожал и лопотал что-то неразборчивое.* Вирта. Одиночество и «Говорить на незнакомом, непонятном для других языке». *А черноватый --- что-то начал часто-часто по-своему лопотать.* Л. Толстой, Кавказский пленник. **Залопотать** – «Прост. 1. Заговорить невнятно, на непонятном для окружающих языке». *Старик быстро, с присвистом, залопотал что-то на своем языке и все показывал обкуренным пальцем на ближний косогор.* Седых, Даурия.

«2. Заговорить бессвязно, бестолково, сбивчиво». *Вчера еще с утра был на ногах [Инсаров], вечером только пить просил, наша хозяйка ему и воду носила, а ночью залопотал, нам-то слышно, ..а сегодня уже и без языка лежит, как пласт.* Тургенев. Накануне.

В последнем примере мы видим, что три значения производящего глагола, относящиеся к глаголам характеризованной речевой деятельности, соотносительны с двумя значениями префиксального деривата с приставкой **за-**.

Однако следует отметить, что второй тип глаголов с начинательным значением в группе характеризованной речевой деятельности встречается реже, потому что значение производящей глагольной основы, которое практически полностью входит в семантику префиксального деривата,

уже содержит достаточный объем семантики, передающей специфический характер речевой деятельности, поэтому чаще всего подобный дериват (с префиксом **за-**) передает лишь начальную фазу действия, обозначенного производящим глаголом, без дополнительных оттенков.

2.3. Префиксальные дериваты, образованные от глаголов характеризованной речевой деятельности, со значением ограничительного способа действия

Ограничительный способ действия характерен для глаголов со значением «действие, названное мотивирующим глаголом, совершаемое в течение некоторого времени (чаще недолго)» [ЛЭС: 1990]. Близкое к этому определение находим и у А. А. Зализняка и А. Д. Шмелева: «Глаголы данного класса описывают *некоторую порцию* действия, оцениваемую как небольшую и ограниченную временем, в течение которого данное действие производилось» [Зализняк, Шмелев 2000: 111].

По мнению многих аспектологов (А. В. Бондарко, А. А. Зализняк, Ю. С. Маслов, А. Д. Шмелев, и др.) считается, что в русском языке формальным показателем ограничительного способа действия является приставка **по-**. Следует отметить, что при определении ограничительного значения глаголов важно учитывать контекст, поскольку формальных признаков часто бывает недостаточно, что связано с наличием омонимичных значений у приставки **по-**, так как приставка **по-** может служить, по словам некоторых ученых, «для образования других способов действия, например, инхоативного (умирать-поумирать)» [Горбова, Маслов 2003: 11]. В современном русском языке глаголы с приставкой **по-** выражают различные значения. Так, например, в МАС отмечено 6 явно выраженных значений, которые формирует приставка **по-** после

присоединения к производящему глаголу, например: «неопределённую длительность и повторяемость действия или состояния, протекающего с перерывами, время от времени»; «осуществление действия в несколько ослабленной степени»; «усиление действием какого-л. признака, качества, состояния»; «распространение действия на все или многие объекты, везде или во многие местах» и др. [МАС: 150]. И это несмотря на то, что «приставка **по-** в ходе исторического развития потеряла изначальные пространственные значения, а в некоторых семантических группах глаголов она лишилась количественно-временных семантических значений, она стала ещё самой распространённой и чистовидовой морфемой среди приставок. По словам А. Н. Тихонова, в современном русском языке префикс **по-** образует форму совершенного вида более 300 глаголов [Тихонов 1998: 36].

Однако некоторые ученые указывают на более сложную семантику глаголов, относящиеся к ограничительному способу действия. Как отмечают А. В. Бондарко и Л. Л. Буланин, приставка **по-** передает не только значение ограниченного во времени действия, но и одновременно значение ограниченной полноты его проявления (иногда лишь в каком-либо одном отношении) [Бондарко, Буланин 1967: 16]. Однако есть и другое мнение по этому поводу: когда речь не идет о результативности действия, обозначенного глаголом с приставкой **по-**, то, следовательно, нельзя говорить о его какой-либо полноте. Так, например, Е. В. Петрухина говорит: «Во всех славянских языках дериваты с приставкой **по-** выражают действие, ограниченное временными рамками, но не доведенное до конца, до результата (причем продолжительность действия часто оценивается как незначительная)» [Петрухина 2005: 225].

Как ни странно, но оба эти суждения, на наш взгляд, являются справедливыми. Дело в том, что бинарная семантическая структура

глаголов с ограничительным значением может проявляться не у всех глаголов, а лишь у глаголов, обозначающих такое действие, которое может длиться ограниченное время и в то же время проявляется в большей или меньшей степени. В таких случаях как в дефинициях, так и в контекстах находим лексические поддержки такой глагольной семантики в виде наречий: слегка, чуть-чуть, немного, и др. Например, **орать-поорать** – *А подорвался он во время разведывательно-поисковых действий, у него ногу оторвало. Ну поорал чуть-чуть, да и все. Тут же вкололи промедол, он даже прыгал назад на одной ноге.* Елена Яковлева. Притяжение войны. Глагол **брить-побрить** – *Прикусив кончик языка, он слегка побрил, слегка постриг высокую особу, припудрил оголенные щеки – Пугачёв значительно помолодел.* В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга вторая. Глагол **плакать-поплакать** – *И я подумала: "Ну да, конечно, а кто же ещё?". Но потом всё равно немного поплакала. А когда он уехал, совсем не ревела.* А. Герасимов. Чужая бабушка. А также: *глотать-поглотать, гладить-погладить, брызгать-побрызгать, брызгать-побрызгать* и др.

Как показывают наши наблюдения, целые лексико-семантические группы глаголов характеризуются тем, что большая часть глаголов с ограничительным значением имеют только бинарную или только моноструктурную (временную) семантику. Например, трудно себе представить бинарную семантику у большинства глаголов движения: *ходить-походить; бегать-побегать; летать-полетать; плавать-поплавать* и др. Здесь налицо лишь временное ограничение.

Среди глаголов речевой деятельности имеются лишь отдельные группы глаголов, которые могут образовывать префиксальные дериваты с бинарной семантической структурой. Например, глаголы речевого воздействия, которые могут обозначать действие, ограниченное во

времени и в то же время проявляющееся в большей или меньшей мере. Ср.: **ругать-поругать** – *Ворона подошла ко мне после урока и сказала: Я немного **поругала** тебя, когда приходила мама, но это только для твоей пользы.* Д. Донцова. Микстура от косоглазия. А также **бранить-побранить** (*некоторое время и слегка*), **воспитывать-повоспитывать** (*некоторое время и без больших усилий, не в полную меру*) и др.

Что касается глаголов характеризованной речевой деятельности, то они образуют префиксальные дериваты, у которых модификация значения исходного глагола связана, как правило, лишь с временным ограничением. Это можно объяснить тем, что глаголы характеризованной речевой деятельности соотносятся с идеей неопределенности. Вскрывая более глубокие процессы формирования значения ограничительности действия во времени, А. В. Бондарко пишет: «Наиболее ярко ограничительное значение выступает в тех случаях, когда приставка **по-** присоединяется к глаголу со значением неопределенности...отсюда яркость и чистота данного значения» [Бондарко 1967: 16]. В этом случае на семантику ограничительного глагольного способа действия накладывается видовое значение предела, прежде всего – завершенности действия, связанной с финальной фазой его протекания, что предполагает, в свою очередь, и наличие начальной фазы. А наличие двух фаз (начальной и финальной) устанавливает границы протекания действия, иными словами, свидетельствует об ограничении его длительности. Приставка в этом случае не изменяет сущности лексического значения исходной глагольной основы, а лишь модифицирует ее. При этом происходит изменение грамматической категории вида, т.е. изменение глагола несовершенного в глагол совершенного вида. Как отмечает А. Н. Тихонов, «префикс здесь является одновременно носителем двух типов значений – словообразовательного и грамматического» [Тихонов 1998: 3]. При этом

словообразовательное значение связывается именно с процессом модификации семантики исходного глагола. Это относится прежде всего к базовому глаголу данной лексико-семантической группы (говорить), ср.: **говорить** – «2. Выражать в устной речи какие-л. мысли, мнения, сообщать, факты и т.п.; произносить что-л.». **Поговорить** – «Говорить некоторое время» [БАС]. *[Дмитрий Пестов] увидал ее однажды на молотбе, поговорил с ней и страстно в нее влюбился.* Тургенев. Дворян. гнездо. Как видим, базовый глагол не выражает оттенок полноты действия, а только значение протекания действия во времени.

Среди префиксальных глаголов характеризованной речевой деятельности нами выявлено 20 глаголов, от которых образованы префиксальные дериваты с ограничительным значением. Большинство глаголов образовано при помощи приставки **по-**, и, как выше говорилось, только один глагол образован при помощи приставки **пере:** **перемолчать** – «2. Молча переждать некоторое время. *Перемолчал [Облонский] немного – и : – А жалко мне Зину. И опять после паузы: – Жалко.* Грибачев. Любовь моя шальная. Хотя от глагола **молчать** образуется и дериват со значением ограниченного во времени действия и с приставкой **по-** : **помолчать** – «Молчать некоторое время». *Яков помолчал несколько секунд; потом вдруг пальцы его завертелись с усиленной быстротой.* Л. Толстой. Детство.

Моноструктурная семантика префиксальных дериватов с ограниченным значением позволяет построение дефиниций по одной и той же модели: *инфинитив исходного глагола + некоторое время*, что подтверждается нашим материалом, приведенном ниже.

Бормотать – «Говорить тихо и невнятно». (Профессор) *вечно бормотал что-то про себя, но ни один человек не мог разобрать в этих речах ни слова. Они лились, точно журчание мутного ручейка.* Короленко,

В дурном обществе. **Побормотать** – «Бормотать некоторое время». *Он постоял на одном месте, побормотал что-то про себя и решительно не знал, что ему делать.* Д. Н. Мамин-Сибиряк. Три конца.

Бредить – «1. Говорить бессвязно и невнятно, находясь в бессознательном состоянии или во сне». – *Я не помню, чтобы я говорил об этом, мой господин, – сказал послушник, косясь на линейку аббата. – Я, наверное, бредил.* – *Допускаю, что ты бредил... Будешь ли ты говорить об этом снова?* Уолтер. Миллер. Страсти по Лейбовицу. **Побредить** – «Бредить некоторое время». *Больной побредил и перестал. Он изверился во всем, метался и бредил: "Боже мой, Боже мой, для чего ты оставил меня?" И ещё: "Пить".* Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей.

Брюзжать – «Надоедливо порицать, выражать недовольство; ворчать». *Он постоянно пил самогон, брюзжал, называл пасынка "лентяем" и грозился выгнать Серегу из дома.* Олег Гладов. Псина. **Побрюзжать** – «Брюзжать некоторое время». *Я же говорила тебе, я наставляла – будь осторожен и чуток! .. Петя побрюзжал, затаился, обиделся...* А. Азольский. Глаша.

Галдеть – «Прост. Громко, беспорядочно говорить всем вместе, шуметь, кричать». *Никитин галдел больше всех, а когда посылал за чем-нибудь, выхватывал деньги из кармана прямо комком и, не считая, выдирает оттуда и ронял кредитки.* А. Г. Малышкин. Люди из захолустья. **Погалдеть** – «Прост. Галдеть некоторое время. *Село отдыхало, и по вечерам на завалинках собирались почти все мужички погалдеть и посудачить.* Мамин-Сибиряк. Дружки.

Диктовать – «1. Медленно и отдельно произносить что-л. вслух с тем, чтобы слушающие записывали». Он диктовал готовый текст, который не надо было править. Даниил Гранин. Зубр. **Подиктовать** – «Разг.

Диктовать некоторое время». – *Я сяду, а вы мне подиктуйте.* А. Чехов, Письмо.

Роптать – «1. Высказывать недовольство кем-либо или чем-либо, обиду на кого-либо или на что-либо». *Может, тем и виноват, что не роптал на него в своем бессилии?* Ф, Искандер. На даче. **Пороптать** – «Разг. Роптать некоторое время». *И я подумал: «Если бы я не пороптал, Господь бы больше послал, но поскольку пороптал, Господь, конечно, монастырь не оставил без копейки — все, что я потратил, Господь вернул».* Вознесенская. Давидова пустынь. // «Журнал Московской патриархии», 2004. № 5.

Шамкать – «Разг. Произносить что-л. непонятно, неотчетливо, как будто проглатывая некоторые звуки и даже слоги, обычно из-за отсутствия зубов». *Мальчишки бросали в погонщика камнями, и он, похожий на Харона, шамкал беззубым ртом.* А. П. Ладинский. В дни Каракаллы. **Пошамкать** – «Разг. Шамкать некоторое время». *Викул пошамкал и добавил: – Восстановили, одним словом.* Б. Можяев. Пенсионеры.

Шептать – «1. Говорить, произносить, очень тихо, шепотом». *Кямал шептал Ирине в ухо такие вещи, о которых принято молчать.* Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир». **Пошептать** – «Разг. Некоторое время шептать (в 1 знач.)». *Хорунжий подошел, взял стакан и пошептал с дочерью.* Л. Толстой, Казаки.

Шипеть – «2. Разг. Говорить шепотом или сдавленным голосом. *Ночью, бывало, проснешься, с полатей вниз глянешь, а он весь белый перед образом и сквозь зубы шипом шипит: «Ты меня слышишь?»* Е. И. Замятин. Слово предоставляется товарищу Чурыгину. **Пошипеть** – «Разг. Шипеть некоторое время». *Моторы его работали натужно, с перебоями. Наконец остров пошипел и сказал: (Внимание точка авария*

точка заклинило механизмы поворота и обратного хода точка иду на рифы точка). Е. Чеповецкий. Непоседа, Мякиш и Нетак.

И префиксальный дериват образованный от других лексико-семантических вариантов производящего глагола **шипеть** имеет ту же семантическую и дефиниционную структуру. Ср.: **шипеть** – «Ворча, выражать свое неудовольствие кем-, чем-л.» – *И тут нужно сказать: вы поставили меня в идиотское положение, она шипела и брызгала на меня, а я молчал как дурак, ведь у нас в самом деле нет никакой попятной.* Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей. **Пошипеть** – «Разг. Шипеть некоторое время». *Наблюдали за киндером издалика, и даже особа, рыжая и нервная, немножко пошипела, издали опять же.* Б. Можяев. Пенсионеры.

Таковую же картину наблюдаем и с глаголом **кричать**, от которого образуются префиксальные дериваты с ограничительным значением от трёх его лексико-семантических вариантов: **кричать** – «2. Громко говорить, громко сообщать что-л.». *Сначала у себя в спальне, потом в столовой. Мама кричала как сумасшедшая. Может, они думают, что я глухой?* Андрей Герасимов. Нежный возраст. **Покричать** – «Некоторое время кричать». *Покричал-покричал начкар "шуре шаг!" – понял: не пойдут зэки быстрее.* А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича.

«4. Громко, резко говорить, браня, выговаривая и т.п.; орать». *[Параша] Порою с барином шалит, Порой на барина кричит.* Пушкин, Граф Нулин. **Покричать** – «Некоторое время кричать». *Еще на одной станции Засс покричал на зрителя за то, что он был пьян, говорил грубости и не хотел дать лошадей.* Н.А. Дурова. Кавалерист-девица.

«5. Разг. Много говорить, писать, о ком-, чем-л.; привлекать внимание к кому-, чему-л. путем широкого обсуждения». **Покричать** –

«Некоторое время кричать». [Тетерев]. **Покричат** люди, устанут, замолчат... *Отдохнут, – опять кричать будут.* М. Горький, Мещане.

В некоторых случаях можно обнаружить, что глаголы характеризованной речевой деятельности могут передавать и значение ограничения в полноте проявления действия, что отражается в определённых контекстах, например: **Ворчать** – «2. Разг. Сердито бормотать, выражая неудовольствие; брюзжать». **Поворчать** – «Ворчать некоторое время. *Жуковский, ожидавший на батарее, слегка поворчал на них за опоздание. Вера Степановна немножко поворчала на Сафрона, хотя я прекрасно понимал, что это ворчанье адресовано мне, работы-то прибавилось.* С. Ю. Бакатов. Записки ветеринарного врача. **Поболтать** – «Разг. Провести некоторое время в болтовне». *Они выпили чаю, поболтали немного, и Аксиция ушла домой – отсыпаться после дежурства.* Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона. *Валя попробовала шашлык из осетрины, немного поболтала с Линой, перекинулась парой дежурных фраз с Ильей, потом протанцевала еще один танец с Артуром.* Т. Тренина. Русалка для интимных встреч.

Хотя дефиниции префиксальных дериватов отражают лишь моноструктурность семантики данных глаголов (*инфинитив + некоторое время*), иногда в тексте можно наблюдать выражение неполноты действия, что подчеркивается специфическими лексическими средствами (*слегка, немножко, чуть-чуть и др.*).

2.4. Префиксальные дериваты, образованные от глаголов характеризованной речевой деятельности, со значением длительно-ограничительного способа протекания действия

Такие глаголы связаны с уточнением характера протекания действия во времени. Как отмечает М. А. Шелякин, этот способ глагольного действия «выражает проявление действия в сравнительно длительные и определенные отрезки времени» [Шелякин 2003: 79]. Иначе говоря, подобные глаголы называют действия, которые охватывают определенный промежуток времени, а, с точки зрения говорящего, этот промежуток времени представляется ему довольно длительным и одновременно ограничивает этот временной предел. По мнению А. В. Бондарко, выделяется 2 типа предела – внутренний и внешний. «В тех случаях, когда временная граница не зависит от характера самого действия и обуславливается внешними по отношению к нему факторами (такими, как указание на предельный срок, а также наступление другого действия), мы имеем дело с внешним пределом. Например, *Он находился там до трех часов; Буду спать, пока меня не разбудят*. Если же значение ограничения протекания действия во времени определяется характером самого действия, отраженным в значениях глагола (в частности, значениях вида и способа действия), то речь должна идти о внутреннем пределе» [Бондарко 2003: 46]. Специфика глаголов длительно-ограничительного способа действия состоит в том, что «в самом способе действия заключена связь с внешним пределом» [Там же]. Например, *пробыть* (два дня), *прочирикать* (весь день), *прочитать* (до трех часов ночи) и др. Поэтому глаголы длительно-ограничительного способа действия в тексте сочетаются с обстоятельствами типа: *две секунды, два часа, три недели, много лет* и др., т.е. обстоятельствами, выраженными чаще всего количественно-

именными словосочетаниями, имеющими временное значение. Подчеркивая функциональную роль подобных обстоятельств, Ю. С. Маслов ставит их в один ряд с грамматическими значениями вида, отмечая, что «средствами выражения количественной аспектуальности являются видовая оппозиция и обстоятельства» [Маслов 1980: 306].

Глаголы, выражающие значение длительно-ограничительного способа действия, образуются чаще всего при помощи приставки **про-** и обычно означают, что окончившееся действие охватывает значительный по длительности период времени. Как правило, в предложении это подчеркивается лексически при помощи определенных наречий и различных словосочетаний с временным значением (*долго, весь день, целый год* и т. п.). Однако, как отмечено в разных словарях, приставка **про-** имеет разные значения и оттенки. Значение длительно-ограничительное является одним из них. Например, в МАС находим: **Про...**, приставка – «б) Заполненность действием какого-л. времени, распространенность действия на какой-л. промежуток времени, например: *проболтать (семь часов), проспорить (весь вечер)*» [МАС]. Кроме приставки **про-**, длительно-ограничительный способ действия может быть представлен и глаголами с префиксом **пере-**: *перезимовать, переночевать, передневать*; и с префиксом **от-**: *отдежурить (ночь), отслужить (2 года)*. Однако, по мнению ученых, данные приставки (**от-** и **пере-**), участвуя иногда в формировании значения длительно-ограничительного протекания действия во времени, являются в современном русском языке малопродуктивными» [Исаченко 1960: 243]. Такое его мнение подтверждается и нашим материалом, так как среди глаголов характеризованной речевой деятельности только один глагол длительно-ограничительного способа действия образуется при помощи приставки **пере-**, а глаголы с приставкой **от-** отсутствуют вовсе.

Следует отметить, что глаголы с приставкой **про-**, помимо модификации лексического значения исходного глагола, изменяют и грамматическое значение исходного глагола, так как видовое значение, включаясь в семантику приставочного глагола, взаимодействует обычно только со значением совершенного вида, то есть данный способ глагольного действия «не поддается имперфективации в связи с тем, что характеризует действие не с точки зрения протекания в рамках ограниченного времени, а с точки зрения их временного количества, что сближает значение таких типов со своеобразной одноактностью (совершение действия как бы в один прием, а с другой стороны, с признаком суммарности)» [Шелякин 2003: 72]. Таким образом, многие ученые считают, что этот способ представлен несоотносительными глаголами несовершенного вида. Однако можно наблюдать и случаи видовой соотносительности. Например, *просидеть-просиживать*, *простоять-простаивать*. На наш взгляд, это объясняется характером семантики этих глаголов, в которых довольно явно совмещается значение «одноактности и суммарности», то есть действие, обозначенное глаголами *просидеть* и *простоять* (два часа в очереди), представленное как совершенное в один прием (одноактное), повторяется несколько раз, а повторение способствует образованию суммы действия, и эта «суммарность» заложена в семантике глаголов несовершенного вида *просиживать* и *простаивать* (каждый день по два часа). Но мы не встречаем подобные случаи среди префиксальных образований в лексико-семантической группе глаголов характеризованной речевой деятельности. Поэтому можно сказать, что почти все глаголы этой семантической группы не образуют вторичную имперфективацию, то есть не образуют форму совершенного вида с префиксом.

При анализе глаголов, относящихся к лексико-семантической группе глаголов характеризованной речевой деятельности, мы обнаружили 6 глаголов, от которых образованы префиксальные дериваты со значениями длительно-ограничительного способа протекания действия.

Эти глаголы обычно в толковых словарях имеют дефиницию, построенную по модели: название действия + *в течение какого-л. времени*. Под словом *какого-л.* скрывается сема 'определенное' время, выраженное конкретными количественно-именными словосочетаниями (три секунды, пять минут и др.), а также различными лексемами со значением времени.

Это относится прежде всего к префиксальному деривату, образованному от базового глагола данной лексико-семантической группы (говорить), ср.: **говорить - проговорить** – «2. Говорить в течение какого-л. времени». *Они проговорили до часу ночи, и она стала просить его уйти домой, но он не уходил.* Теодор Драйзер. Гений.

А также глаголы:

Болтать – «Разг. 1. Вести легкий, непринуждённый разговор, разговаривать». *Через секунду я уже была в тепле, уюте, рядом с симпатичным молодым мужчиной, а ещё через десять мы болтали и смеялись.* Ольга Зуева. Скажи что я тебе нужна... // «Даша». **Проболтать**² – «Разг. 1. Провести какое-л. время в болтовне». *Мы проболтали почти три часа и последние два говорили о чём угодно, но не о работе. Я желанна. Разве это стыдно?* // «Даша».

Бредить – «1. Говорить бессвязно и непонятно, находясь в бессознательном состоянии или во сне». *Ночью я спал плохо, бредил и вскакивал с постели.* Виталий Губарев. Трое на острове. **Пробредить** – «Бредить в течение какого-л. времени». *Он до утра пробредил* С. Я. Эфрон. Записки добровольца.

Ворчать – «2. Разг. Сердито бормотать, выражая неудовольствие; брюзжать». *Майор, пыхтя и отдуваясь, ворчал и сердился на всех за то, -- что его толкают.* Л. Толстой, *Война и мир*. **Проворчать** – «2. Ворчать в течение какого-л. времени». *Отец вспылил и целый обед проворчал.* Вяз. Стар. зап. книжка.

Кричать – «2. Громко говорить, громко сообщать что-л.». *Губы Андрея Николаевича шевелились, он кричал вместе со всеми и определял, откуда разноплеменно гомон разноязычных толп.* А. Азольский. *Лопушок*. **Прокричать** – «4. Кричать в течение какого-л. времени». [*Груша:*] *Девушки! Я нынче гулять хочу! Всю ночь проездим, песни прокричим.* А. Островский.

Молчать – «1. Ничего не говорить, не издавать звуков». *Ты куда? - спросил у него Медвежонок. Волк молчал.* С. Козлов. *Как Ёжик с Медвежонком спасли Волка*. **Промолчать** – «2. Молчать в течение какого-л. времени». *Федя покосился на часы, отметил, что промолчал немногим больше часа, и перевел взгляд на окно.* Ляшко. *Минучая смерть*.

Молчать – «1. Ничего не говорить, не издавать звуков». *Он только смотрел, как Серёжка с Толиком ползают на полу, и молчал.* Андрей Герасимов. *Жанна*. **Перемолчать** – «Разг. 1. Обойти молчанием что-л.». – *Он с секунду перемолчал, железное лицо окаменело, и закричал диким, непохожим голосом, и у всех захолонуло: – Колы вси как один ударимо, тоди дорога открыта до наших.* А. С. Серафимович. *Железный поток*.

Таким образом, префиксальные дериваты со значением длительно-ограничительного способа действия определяют характера протекания действия во времени с точки зрения его временного количества, что в текстах это подчеркивается лексически при помощи определенных наречий и различных словосочетаний с временным значением.

2.5. Префиксальные дериваты, образованные от глаголов характеризованной речевой деятельности, со значением общерезультативного способа действия

Одним из распространенных способов действия среди глаголов характеризованной речевой деятельности является общерезультативный способ действия. Этот способ находится в центре внимания многих ученых (А. А. Зализняк, Е. В. Падучева, Е. В. Терентьева, М. А. Шелякин, Л. А. Янда и др.). Но единого понимания этого способа нет. Одни ученые рассматривают общерезультативный способ действия как часть видового значения (Н. С. Авилова, В. В. Виноградов, Е. В. Падучева, Р. О. Якобсон и др.) в связи с тем, что, как мы отмечали выше, совершенный вид «наделается признаками результативности и недлительности» [Мучник 1961: 11]. Однако некоторые ученые считают, что понятие результативности гораздо шире и включает в себя более широкий спектр семантического наполнения, так как может сочетаться и «с характеристиками по количеству, фазисности и кратности, поскольку достижение результата может быть представлено и как единичный акт, и как серия результативных актов, то результативность не исключает ни однократности, ни многократности, достижение результата может совпасть (и, как правило, совпадает) с окончанием действия, однако достижение результата (тем более, если результативный акт идентифицируется с переходом субъекта или объекта в новое состояние) может означать и начальную фазу нового состояния» [Смирницкая 2000: 45]. В связи с этим ученые считают, что глаголы со значением результативности сопровождают разные способы глагольного действия: начинательный, ограничительный, финитивный и др. Но глаголы общерезультативного действия имеют свою специфику в передаче

результативности действия, которая связана с понятиями однократности (одноразовости) и одноактности. Разграничение этих понятий помогает не только раскрыть внутренний характер результативности, но и содержательную структуру общерезультативного способа действия. Остановимся коротко на этих понятиях.

Прежде всего отметим, что однократные и одноактные действия имеют однородную семантическую структуру, но «понятие однократности шире, потому что этот способ включает в себя различные типы кратных действий, в том числе и одноактных» [Семиколенова 2009: 35]. К тому же однократность (одноразовость) противопоставляется многократности, которая характерна для несовершенного вида. Так, например, С. О. Соколова отмечает, что «Однократное (одноразовое) проявление действия указывает на выполнение действия один раз в отличие от возможного повторения, которое передается глаголом НСВ» [Соколова 2003: 130]. М. А. Шелякин также указывает на то, что разница между одноразовым характером действия и одноактным способом действием состоит в том, что «последний специально модифицирует действие с точки зрения его одноактности в сопоставлении с многоактностью, обозначенной в форме несовершенного вида» [Шелякин 2003: 82]. Рассматривая видовые значения на основе понятия длительности и отмечая особенности каждого вида, Ю. С. Маслов говорит о том, что несовершенный вид обозначает «действие, которое имеет признаки длительности, не ограниченной какими-либо пределами. А совершенный вид – мгновенности действия или ограниченной известными (большими или меньшими) пределами длительности его протекания [Маслов 1948: 303]. При этом одноактность рассматривается учеными как разновидность однократности (одноразовости) действия «действия в один прием, без расчлененности на фазы [Шелякин 2003: 81-82], т.е., представляет собой,

по словам А. А. Зализняк, «*один квант деятельности*» [Зализняк 2000]. А. В. Бондарко говорит еще об одной особенности этих глаголов, отмечая, что они обозначают «обычно *мгновенное* (курсив наш) действие, выполняемое в один прием» [Бондарко 1967: 25]. Существенно дополняет представление об этом понятии В.В. Виноградов, отмечая, что «значение одноактности или мгновенности нередко поглощается общим значением совершенного вида, как бы распространяется в нем» [Виноградов 1986: 526].

Таким образом, характер семантики общерезультативного глагола, по словам Е. В. Терентьевой, формируется под влиянием трех факторов: «лексическое значение глагола, допускающее импликацию семантики результативности, лексико-грамматического значения общерезультативного способа глагольного действия и грамматического значения» [Терентьева 2008: 32]. При этом грамматическое значение связывается с видовым значением, которое обуславливается контекстуальным окружением. Поэтому нельзя не согласиться с мнением А. А. Зализняка, что только в контекстах может реализоваться семантическое соотношение производящей основы и префиксального глагола [Зализняк 2012: 49]. Безусловно, это касается и глаголов с общерезультативным значением.

Однако Важнейшем фактором формирования общерезультативного значения в деривате является приставка, на что указывают некоторые учёные: «Этот способ действия является характерным в тех случаях, когда он находит выражение в приставке, не имеющей какого-либо иного значения» [Бондарко, Буланин 1967: 22]. Иными словами, именно приставка вносит значение ‘совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом’, то есть только префиксальные дериваты реализуют значение общерезультативности глагольного действия. Эти действия обозначают лишь внутренний предел того

процесса, который выражают бесприставочные основы несовершенного вида, и указывают только на результат исходного действия.

Среди префиксальных глаголов характеризованной речевой деятельности мы выделили 36 глаголов, от которых образованы префиксальные дериваты с общерезультативным значением. Среди них на основе характера семантики можно выделить 2 типа.

Префиксальные глаголы, относящиеся к **I типу**, имеют значение ‘действие, совершаемое один раз, мгновенно’, т.е. эти глаголы обозначают одноактное действие, выполняемое в один прием. Для глаголов этого типа значение результативности действия, его совершенности, свойственное всем глаголам совершенного вида, связано с ограниченной степенью длительности его протекания, что характерно для одноактности. Это отражается на структуре построения текста: фразы, произнесенные субъектом речевой деятельности, обычно очень короткие. Например, **Пробрюзжать** – «1. Сказать брюзжа; проворчать». – *Никак не привыкну к компьютерам, – пробрюзжал адвокат.* В. Скворцов. Сингапурский квартет.

Пробубнить – «Разг. 1. Глухо, невнятно проговорить». – *Ны-никогда не открывайте ды-дверь не-незнакомым людям, – пробубнила голова ему вслед.* С. Осипов. Страсти по Фоме.

Пробурчать – «Разг. 1. Невнятно, недовольно проговорить». – *Ну вот, сестра, опять не так, – недовольно пробурчала тетка Анфиса.* Шолохов-Синявский, Волгины.

Продиктовать – «1. Произнести что-либо вслух с тем, чтобы слушающий или слушающие записали». — *Она продиктовала телефон, и он записал его в электронную записную книжку.* А. Берсенева. Полет над разлукой.

Продребезжать – «Проговорить с дребезжанием в голосе». – *А это вы!* – *продребезжал он, не спрашивая, а утверждая.* – Удивлены, что я еще жив? В. Войнович. Монументальная пропаганда.

Прокартавить – «Проговорить картаво». – *Сфотографируйте, – прокартавил Поляков, указывая на ноги Павловского, и, поднимаясь с корточек, пояснил: – Возможны упреки...* В. Богомолов. Момент истины.

Пролепетать – «Невнятно проговорить». – *Н-но... но ведь... убил-то кто-то один..., – растерянно пролепетал я.* В. Белоусова. Второй выстрел.

В некоторых случаях можно говорить и о признаках мгновенности. Применительно к речевой деятельности это можно соотнести с ситуацией, когда высказывание субъекта связано с максимально короткой (иногда далее неделимой) фразой. Например, **проворчать** – «Разг. 1. Ворчливо проговорить». *Как сговорились, честное слово. И проворчал сквозь зубы, сухо: – Гм...* М. А. Булгаков. Полотенце с петухом .

Прогнусавить – «Разг. Гнусаво проговорить». – *Ага-а, – прогнусавил Раевский, решив все-таки сперва закончить с шашлыком.* С. Каледин. Записки гробокопателя.

Промямлить – «Проговорить медленно, невнятно и вяло» – *Н-нет, – промямлил.* В. Белоусова. Второй выстрел.

Прошамкать – «Разг. Проговорить невнятно из-за отсутствия зубов». – *Азорка, Азорка! – прошамкал он дрожащим, старческим голосом.* Достоевский, Униженные и оскорбленные.

Прошептать – «Проговорить шепотом». – *Нелли, ты просишь милостью? – Да! – прошептала она и еще больше потупилась.* Достоевский, Униженные и оскорбленные.

Вскликнуть – «То же, что воскликнуть». **Воскликнуть** – «Громко, с чувством, с волнением произнести что-л.». *Запретим! – с болью в голосе воскликнул Абакумов, продолжая писать. – Это была наша ошибка, товарищ Сталин, простите!!* А. Солженицын. В круге первом.

Чаще всего глаголы I типа образуются при помощи приставки **про-**, (только один глагол образуется при помощи приставки **вс-**), которая в процессе своего исторического развития приобрела одно из значений, связанное именно с речевой деятельностью, что отмечено в МАС: «совершение действия, ограничивающееся конкретным результатом в процессе сообщения, исполнения». В связи с этим интересно отметить, что большинство дериватов с приставкой **про-** в словарях имеют дефиницию, которая практически полностью повторяет дефиницию производящего глагола, за исключением глагола-идентификатора, у которого тоже появляется приставка **про-**: (**говорить-проговорить**), что вполне объяснимо. Тем самым в большей степени подчеркивается значимость приставки в формировании семантики результативности, передаваемой префиксальным дериватом. Ср.: **Басить** – «Разг. Говорить, петь басом». **Пробасить** – «Разг. Проговорить или пропеть басом». Душица от него до земли пригнулась. - Шм-шм-шм, – **пробасил Шмель**, обращаясь к пчёлкам. - *Вы не возражаете, если я тут поработаю?* В. Колосов. Медовый луг.

Бормотать – «Говорить тихо и невнятно». **Пробормотать** – «Проговорить тихо, невнятно». – *Извините за беспокойство – откройте багажник*, – **пробормотал полицейский**, явно не веря в способность господина иностранца хоть что-то понять по-японски. М. Виноградов. Путин в пробке. Депутатам мешают кортежи президента и премьера .

Кричать – «2. Громко говорить, громко сообщать что-л.». **Прокричать** – «2. Проговорить что-л. громко». – *Таня, внизу сенсация! – прокричал Кянукук. – Знаю. В. Аксенов. Пора, мой друг, пора.*

Молчать – «1. Ничего не говорить, не издавать звуков». **Промолчать** – «1. Не ответить, ничего не сказать». *Я посмотрела и... промолчала, чтобы никого не огорчать. Коллективный. Адмирал.*

Шипеть – «2. Разг. Говорить шепотом или сдавленным голосом». **Прошипеть** – «3. Проговорить сдавленным голосом, шепотом». – *Ч-ч-черт! – прошипел он. – И крепка же окаянная! Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей.*

На это явление обращала внимание Л. А. Янда, выделяя среди глаголов совершенного вида четыре типа, она относит к естественным перфективам такие глаголы, «лексическое значение которых совпадает с лексическим значением приставочного глагола» [Янда 2012: 4].

Ко II типу мы относим глаголы характеризованной речевой деятельности, обозначающие тоже результативное действие, но результат в таком случае достигается одноразовым действием, т.е. действием, которое имеет большую длительность (даже повторяемость), по сравнению с одноактным действием, но оно предстает как единое целое и к тому же как действие совершенное. Причем оттенки такой интерпретации значения заключены в дефинициях многих глаголов. Например, **Вскричать** – «1. Громко, возбужденно сказать что-л.; воскликнуть». – *Понимаю, понимаю! – вскричала Вешнякова и, расцеловав Торопецкую, удалилась. М. А. Булгаков. Театральный роман.*

Покричать – «2. Разг. Вызвать кого-л. на какое-нибудь дело». – *Я покричал Марье Семеновне на кухню, чтоб она мне дала рюкзак побольше, сумку домашнюю, и объявил, что сейчас мы пойдём с Николаем Михайловичем покупать ему имущество для квартиры. В. Астафьев.*

Смолчать – «Разг. Промолчать». **Промолчать** – «2. Не ответить, уклониться от ответа». – *В голове, может быть, говорю, не того? – повторил он настойчиво. Я опять смолчал.* Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей.

Обращает на себя внимание и тот факт, что среди глаголов II типа почти нет дериватов с префиксом **про-**, характерным для глаголов I типа общерезультативного способа действия. А если они встречаются, то их семантика в большей степени зависит от контекста, как правило, они могут соотноситься как с первым типом глаголов, так и со вторым типом. Так, **проскандировать** – «Проговорить громко и отчетливо, разделяя слова на слоги». – *«Муся», проскандировал я мысленно, пока отец, подхватив меня под мышки, вытащил из возка.* Самуил Алешин. Встречи на грешной земле.

В данном случае мы наблюдаем одноактное действие, совершенное в один прием, не расчлененное на фазы и поэтому в тексте оно связано с очень короткой (однословной) фразой, произнесенной субъектом. И, следовательно, глагол можно отнести к I типу. Ср. другой пример: – *В ответ на его команду зал ожил и трижды проскандировал Спасибо.* Новости, 2003. Здесь уже текст свидетельствует о том, что действие имело три фазы, т.е. глагол соотносится со вторым типом модификации.

Большая часть глаголов II типа образуется при помощи других приставок, которые вносят свою лепту в формирование дополнительных оттенков в значениях этих глаголов. Так, приставка **до-** передает значение ‘дополнительно совершить действие, названное исходной основой’, например: **Болтать** – «Разг. 1. вести легкий, непринужденный разговор, разговаривать». **Доболтать** – «Прост. Договорить болтовню». – *Видимо, там, в полете, они доболтают то, что не успели договорить.* В. Розов. Удивление перед жизнью.

Приставки **за-** передает значение ‘интенсивно совершить действие, названное мотивирующим глаголом’. Например, **Твердить** – «Разг. Повторять много раз, чтобы заучить, запомнить». **Затвердить** – «Разг. Твердя, повторяя, запомнить; выучить наизусть». *Валько несколько раз вслух повторил адрес Олега, пока не затвердил.* Фадеев, Молодая гвардия.

Приставка **вы-** передает значение: ‘завершить, исчерпать что-либо, осуществляя действие, названное исходным глаголом’. Например: **Вытвердить** – «Разг. Неоднократно повторяя, выучить, запомнить». *Вытвердил он наизусть и правила.* Гаршин, Сигнал. А также: **Выкричать** – «Выразить криком какое-л. чувство, состояние». – *Наверное, я тогда весь голос выкричал, болел за своих.* А. И. Куприн. Закрытое письмо.

Приставка **на-** передает значение ‘совершение интенсивного действия’. Например, **Кричать** – «2. Громко говорить, громко сообщать что-л.». **Накричать** – «Наговорить чего-л. громким, повышенным голосом, выражая недовольство, гнев, досаду и т.п.». *Вы можете на него накричать, он не обидится (хотя в интересах дела может сделать вид, что обиделся), вы можете ему льстить, он не поверит.* В. Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру.

Однако, несмотря на дополнительные оттенки, вносимые приставками в семантику этих глаголов, общее значение результативности является ведущим, что и позволяет относить их к общерезультативному способу действия.

Выводы по второй главе

1. Модификационное значение префиксальных дериватов, образованных от глаголов характеризованной речевой деятельности,

связано со способами глагольного действия, т.е., семантико-словообразовательными группировками глаголов.

2. Префиксальные глаголы характеризованной речевой деятельности соотносятся с четырьмя способами глагольного действия: начинательным, ограничительным, длительно-ограничительным и общерезультативным способом действия.

3. Среди префиксальных глаголов со значением начинательности выделяются два типа модификаций: глаголы со значением «чистое начало действия» и глаголы, которые обозначают начало действия вместе с различными оттенками его протекания. Специализированным морфологическим показателем значения начинательности у глаголов характеризованной речевой деятельности служит глагольная приставка **за-**.

4. У глаголов характеризованной речевой деятельности с ограничительным способом действия модификация связана, как правило, с ограничением действия во времени. Формальным морфологическим показателем ограничительного способа действия является глагольная приставка **по-**.

5. Глаголы длительно-ограничительного способа действия уточняют характер протекания действия во времени с точки зрения его временного количества, что в предложениях подчеркивается лексически при помощи определенных наречий и различных словосочетаний с временным значением (*долго, весь день* и целый год т. п.). Глаголы, выражающие значение длительно-ограничительного способа действия, образуются чаще всего при помощи приставки **про-**.

6. Глаголы общерезультативного способа действия могут выражать 2 типа модификаций: 1) глаголы, имеющие значение совершенности действия в один прием, (глаголы этого типа образуются при помощи приставки **про-**), и 2) глаголы, обозначающие результативное

действие, которое имеет большую длительность. Основная часть глаголов этого типа образуется при помощи разных приставок (**вы-**, **до-**, **на-**), которые вносят свою лепту в формирование дополнительных оттенков в значениях этих глаголов.

ГЛАВА 3. Особенности мутационных изменений семантики глаголов, принадлежащих группе характеризованной речевой деятельности

3.1. Типы мутационных изменений глаголов характеризованной речевой деятельности

Как было отмечено в I главе, мутационное изменение в процессе префиксальной деривации связано со значительными сдвигами в семантической структуре производящего глагола, что приводит к переходу префиксального деривата из одного лексико-семантического разряда в другой. Ученые связывают это со сложностью глагольной семантики, отмечая, что в большинстве случаев глагольная семантика носит комплексный (сочлененный) характер и представляет собой «единство смысла, скрепляющего несколько значений в целое» [Шведова 2007: 26]. Именно глагол в этом плане является уникальной частью речи, так как, по словам Л. Г. Бабенко, его «денотат – ситуация, в состав которой входят субстанции с их признаками и процессы с их характеристиками» [Бабенко 1997: 30]. Об этом говорят и другие ученые: Л. М. Васильев, Р. М. Гайсина, В. Г. Гак, Е. С. Кубрякова, Э. В. Кузнецова, А. А. Уфимцева и др. Например, подчеркивая ситуативный характер денотата глагола, Д. Н. Шмелев отмечает, что глагол является «как бы концентрированным выражением целой ситуации» [Шмелев 1997: 10]. Такая особенность денотата предоставляет широкие возможности для формирования вторичных (неосновных) значений у глагола, иначе говоря, является основанием для развития многозначности глагола, так как «полисемия как производных, так и непроизводных слов может развиваться за счет семантической деривации – метафорических и метонимических переносов, происходящих в структуре одной и той же лексемы» [Попова 1997: 309]. Изучение этого процесса важно для

исследования смысловой структуры слова. Это явление, по словам Л. Г. Бабенко, является одной из причин пересекаемости классов слов, при этом «пересекаемость осуществляется на уровне сем разного ранга. Так, например, глаголы речевого воздействия типа *оскорбить*, *хвалить* и под., глаголы характеризованной речевой деятельности типа *пробурчать*, *ворковать* и др. можно одновременно отнести, и к глаголам речевой деятельности, и к глаголам выражения эмоционального состояния, и к глаголам эмоционального воздействия [Бабенко 1997: 32].

Говоря о характере подобных явлений, многие ученые (Ю. С. Азарх, Л. А. Вараксин, А. Н. Тихонов, И. Г. Милославский, М. Н. Янценецкая и др.) обычно рассматривают их безотносительно к определенному лексико-семантическому классу глаголов. Однако исследования мутационных изменений семантики глаголов, которые принадлежат к определенному лексико-семантическому множеству, позволяют выявить ряд особенностей, касающихся, с одной стороны, всех подобных лексико-семантических множеств (формально-организационный план), с другой стороны, – характерных для определенной классификационной группы глаголов (содержательный план). Остановимся на этом подробнее, используя результаты сопоставительного анализа семантики глаголов лексико-семантической группы характеризованной речевой деятельности, представленной в Толковом словаре русских глаголов и имеющих типовую семантику: «произносить (произнести) что-л. как-л., каким-л. образом, обнаруживая характерные артикуляционные особенности говорения или выражая при этом какие-л. внутренние эмоциональные состояния»; с базовыми глаголами: «говорить (сказать), произносить (произнести)», а также их префиксальных дериватов.

3.1.1. Трансмутация в процессе глагольного словообразования

Прежде всего следует отметить, что данная лексико-семантическая группа глаголов даже на уровне бесприставочных глаголов, которые чаще всего представляют собой непроеизводные лексемы, не является однородной в генно-информационном аспекте, так как одни из них (составляющие ядро группы) являются исконными для этой группы, то есть, можно сказать, что они “родились” в семантическом пространстве этой ЛСГ, и теперь их основное предназначение: выразить значение, связанное с типовой семантикой этой ЛСГ. В результате, их лексическое содержание представлено или единственным имеющимся у глагола значением, соотносительным с типовой семантикой данной ЛСГ, или же первым (главным – В. В. Виноградов) значением, если слово полисеманлично. При этом мы сопоставляем лексическое наполнение конкретного глагола в системе ЛСГ, используя ТСРГ, и в системе всего языка, используя с этой целью МАС. Например, глаголы, имеющие только одно значение (как в ТСРГ, так и в МАС), соотносительное с данной ЛСГ, то есть раскрывающее характер протекания речевого действия: **бормотать** со значением: «говорить тихо и невнятно»; **галдеть** со значением: «Громко, беспорядочно говорить всем вместе, шуметь, кричать»; **картавить** со значением: «Произносить неправильно, нечисто звуки *р* или *л*, грассировать»; **шамкать** со значением: «Произносить что-л. непонятно, неотчетливо, как будто проглатывая некоторые звуки и даже слоги, обычно из-за отсутствия зубов»; **бубнить** со значением: «Монотонно повторять, твердить». Сюда же относятся глаголы: *брюзжать, гаркать, картавить, басить, и др.*

К этим же глаголам, как мы уже сказали выше, примыкает ряд полисемантических глагольных лексем, у которых главное значение,

представленное в МАС под первым номером, обозначает характеризованную речевую деятельность и потому этот глагол тоже находится в парадигме глаголов данной ЛСГ, что и отражено в ТСРГ. Это такие глаголы, как, например, глагол **мямлить**, в МАС у него зафиксировано два значения, но только его первое значение соотносится с данной ЛСГ: «1. Медленно, невнятно и вяло говорить»; **лепетать**, в МАС зафиксировано два значения, но именно первое значение соотносится с данной ЛСГ: «1. Говорить неправильно, несвязно, неясно произнося слова (о детях)»; **бредить**, в МАС зафиксировано два значения, но только его первое значение соотносится с данной ЛСГ: «1. Говорить бессвязно и непонятно, находясь в бессознательном состоянии или во сне»; **шептать**, в МАС зафиксировано четыре значения, но только первое значение соотносится с данной ЛСГ: «1. Говорить очень тихо, шёпотом»; **диктовать** в МАС зафиксировано два значения, но только его первое значение соотносится с данной ЛСГ: «1. Произносить что-л. (обычно какой-л. законченный текст или фрагмент) вслух медленно и отдельно с тем, чтобы слушающие могли его записать». Сюда же относятся глаголы: *болтать, жаловаться, ворчать, твердить, ругаться, и др.*

Среди многозначных глаголов встречаются такие, у которых в МАС находим два и даже три значения, соотносительные с данной ЛСГ (правда, обычно они даны как оттенки первого значения, но имеющие соответствующие дефиниции), в таком случае в парадигме ЛСГ каждое из этих значений (даже оттеночное) представлено как самостоятельное слово, например, **лопотать** в МАС имеет два значения, но первое значение вместе с двумя оттенками соотносится с ЛСГ характеризованной речевой деятельности: «разг. 1. Говорить несвязно, неясно произнося слова (о детях); лепетать. ||Говорить невнятно, бормотать. ||Говорить на незнакомом, непонятном для других языке»; в ТСРГ находим три

самостоятельных глагола: **лопотать**: «Говорить несвязно, произнося слова неясно, невнятно (о детях)»; **лопотать**: «Говорить невнятно, обычно быстро, тихо проговаривая слова и пропуская буквы, слоги»; **лопотать**: «разг. Говорить быстро и уверенно на языке, незнакомом или непонятном для других, для окружающих».

В связи с приведенным случаем трудно согласиться с составителями ТСРГ в том, что глагол **болтать**, представлен только с одним значением, хотя в МАС отмечено 2 самостоятельных значения, оба из которых имеют отношение к данной ЛСГ, но в парадигме ЛСГ, представленной в ТСРГ, зафиксирован глагол только с первым значением, а второе значение, тоже характерное для глаголов характеризованной речевой деятельности, о чем говорит похожая, на наш взгляд, ниже приведенная дефиниция к глаголу **болтать**, почему-то не отражено в ТСРГ. Ср.: **болтать** – «1. Разг. Вести легкий, непринужденный разговор, разговаривать»; «2. Бегло говорить на каком-л. иностранном языке». А также глагол **шипеть**, у которого в МАС отмечено 2 самостоятельных значения с оттенками, оба из которых имеют отношение к данной ЛСГ, но в парадигме ЛСГ, представленной в ТСРГ, зафиксирован один глагол только со вторым значением, а значение под первым номером, прежде всего его оттенок, в ТСРГ не отражено. Ср.: «1. Произносить протяжно звук “ш”, успокаивая кого-л., призывая к тишине, молчанию»; «2. Разг. Говорить шепотом или сдавленным голосом».

Другие члены ЛСГ характеризованной речевой деятельности не являются исконными образованиями, так как первоначально их генно-информационная сущность была связана с другими лексико-семантическими классами глаголов (по основному значению). Безусловно, это касается полисемантических лексем. Например, глагол **долбить**, его значение в МАС под первым номером: «1. Пробивать отверстие, делать углубления в чём-либо путем последовательных частых ударов какими-л.

инструментами» соотносится с ЛСГ физического воздействия на объект. Однако третье значение: «3. Перен. Беспреданно напоминать о чем-л., повторяя одно и то же; твердить» соотносит этот глагол с характеризованной речевой деятельностью к тому же, как видим из дефиниции, этот глагол внесён в синонимический ряд вместе с глаголом *твердить*, который уже в первом значении имеет семантику, соотносительную с типовой семантикой глаголов характеризованной речевой деятельности, что было отмечено выше, и поэтому он представлен в ТСРГ в парадигме данной ЛСГ. Глагол **ломать** его значение в МАС под первым номером: «1. Сгибая или ударяя с силой, разделять на куски, части (твердые, крепкие предметы)» тоже соотносится с ЛСГ физического воздействия на объект. Однако его пятое значение: «5. Перен. Неправильно произносить, коверкать (слова, язык, речь и т.п.)» соотносит этот глагол с характеризованной речевой деятельностью, о чём свидетельствует употребление в деривации базового глагола данной ЛСГ в качестве идентификатора *произносить* и характеристики речевого действия, отвечающей на вопрос *как?* Поэтому он также представлен в парадигме глаголов характеризованной речевой деятельности. Глагол **нести**, его значение в МАС под первым номером: «1. Взяв в руки или нагрузив на себя, перемещать в определённом направлении, доставлять куда-либо» соотносится с ЛСГ однонаправленного перемещения, ориентированного относительно исходного и конечного пунктов. Однако седьмое значение: «Разг. Говорить что-л. вздорное, неразумное» тоже соотносит этот глагол с характеризованной речевой деятельностью, поэтому он также представлен в парадигме глаголов характеризованной речевой деятельности. А также глаголы: *бросать, брякать, молоть, цедить, сыпать* и др. Например, глагол **свистеть**, в МАС указано несколько его значений, не связанных с речевой деятельностью, хотя в

речи можно встретить этот глагол со значением «говорить неправду, лгать». *И как только у человека совести хватает так нагло свистеть о той войне, которую он не видел* [teenslang.su/id/15861]. А также глаголы, у которых в МАС отмечены значения, связанные с характеристикой речевого действия, но в ТСРГ они отсутствуют: *стонать, греметь, пищать, хрипеть, шушукаться, гомонить и др.*

Интересно отметить, что многие из этих глаголов относятся к числу тех, которые обозначают звуки, издаваемые представителями животного мира, например: *мычать, ворковать, тьякать, лаять, гавкать, и др.* При этом можно отметить, что в речи таких глаголов встречается гораздо больше, хотя не во всех словарях, в том числе и в ТСРГ, это находит отражение, хотя в некоторых случаях они указаны как оттенок значения. Например, глагол **чирикать**, в МАС указано только одно его значение: «издавать чириканье (обычно о птицах)», хотя в речи можно встретить этот глагол, передающий значение быстрой, прерывистой и звонкой речи. Например, *[Девочка] держала его за руку и, не умолкая, щебетала. Чирикает, словно воробышек, – умиленно думал. Василий, наслаждаясь самим звуком голоса дочки.* Николаева. Жатва. Глагол **кукарекать**, в МАС указано только одно его значение: «Издавать крик “кукареку” (о петухе)», хотя в речи можно встретить этот глагол, передающий значение речи, в которой встречаются звуки, выпадающие из общего потока речи звуки. Например, – *“Я хочу серьёзно с вами поговорить”. Сердце матери тревожно дрогнуло. “Дело в том, что ваша Саша на переменках громко кукарекает” Слово “кукарекает” она произнесла с каким-то особым нажимом.* Скорее всего. Лев Рубинштейн.

В этом случае уже можно говорить о мутации (внутрисловной мутации), или т р а н с м у т а ц и и, так как у приведенных глаголов первые (основные) значения связаны с другими лексико-семантическими

классами глаголов, а с лексико-семантической группой глаголов характеризованной речевой деятельности они соотносятся лишь через вторичные значения. Появление значений подобного рода у таких глаголов можно объяснить возникновением различных ассоциаций, которые помогают более полно и более точно раскрыть характер протекания речевого действия. Поэтому это явление весьма характерно именно для лексико-семантической группы глаголов характеризованной речевой деятельности, для которых характеристика действия составляет её суть, о чём говорит и её название.

Термин *трансмутация* впервые был употреблен в лингвистике Р. Якобсоном, который называл им один из видов перевода (межъсемиотический) [Jakobson 1992: 145], то есть речь шла о переносе явления из одной лингвистической системы в другую. Мы же используем этот термин для обозначения переноса слова из одного лексико-семантического пространства (исконного) в другое, изначально не характерное для этого слова. Такой процесс может происходить в любой ЛСГ глаголов, и объясняется это не только тем, что нет четкой границы между классификационными группами глаголов, на что неоднократно указывали исследователи (Л. Г. Бабенко, Р. М. Гайсина, Э. В. Кузнецова, Т. В. Попова, Т. В. Шмелева и др.), но и тем, что в многозначном слове неосновные (производные) значения, «инкорпорируя семантические составляющие контекста производящего (основного значения), всякий раз перестраивают семантику производящего» [Гинзбург 1970: 252]. Такие внутренние, смысловые, изменения в пределах одной лексемы некоторые ученые объясняют способностью корня слова к семантическим варьированиям, подчеркивая при этом, что особенно это характерно для глагольных корней, так как «русский глагол в целом склонен к развитию полисемии в большей степени, чем слова других частей речи, и корень,

передавая развитую систему значений непроизводного глагола, сам семантически варьируется в соответствии с ней. Пределы семантического *разброса* значений одного корня при подобном варьировании достаточно широки» [Попова 1997: 338-339]. Широко распространено среди ученых мнение о том, что наиболее подвержены изменениям в смысловой структуре исконно русские глаголы, входящие в основной словарный фонд русского языка, так как «семантическая структура таких корней наименее целостна и компактна, поскольку велики семантические различия между формирующими ее ЛСВ» [Там же].

Однако явление трансмутации, или внутрисловной мутации, лишь косвенно относится к нашему исследованию в связи с тем, что трансмутацию, мы наблюдаем прежде всего в производящих глаголах характеризованной речевой деятельности (исконных и неисконных). Однако трансмутация является начальным звеном более сложного семантического явления, так как, коснувшись одного из значений многозначного непроизводного глагола, она может отразиться и на некоторых его префиксальных дериватах (или их лексико-семантических вариантах). В таком случае мы говорим об *о т р а ж е н н о й м у т а ц и и*.

3.1.2. Отраженная мутация в процессе глагольного словообразования

Понятие *отраженной мутации* вполне соотносится с более известным и более широким понятием *отраженной полисемии*, так как по своей сущности может рассматриваться как частное проявление отраженной полисемии, которую Б. Н. Головин связывает с производящим семантическим полем, где совокупность всех лексических значений мотиватора имеет словообразовательное отражение в деривате [Головин

1976: 33]. Некоторые ученые (А. Н. Тихонов, О. Н. Киселева и др.) считают, что в дериватах далеко не всегда отражается вся система лексико-семантических вариантов производящего, то есть, производное слово может наследовать полностью или частично систему значений своего производящего, так как «деривационный аффикс последовательно присоединяется ко всем (или нескольким) значениям мотиватора» [Попова 1997: 310].

Таким образом, отраженная полисемия раскрывает общие процессы формирования семантики производного слова. Если же говорить об *отраженной мутации* (речь идет о глагольной мутации), то помимо формирования в деривате (лексическом или семантическом) нового значения, следует говорить и о переходе его в иной семантический разряд (поле, подполе, ЛСГ и др.), так как мутационные изменения связаны с изменением категориально-лексической семантики деривата, которая, выполняя «идентифицирующую функцию в составе лексических парадигм» [Бабенко 1997: 34], лежит в основе формирования ЛСГ. Поэтому процессы *отражённой мутации*, касающиеся определенной ЛСГ, следует рассматривать с двух сторон. Во-первых, в ЛСГ появляются мутированные (неисконные) глаголы, которые приобрели вторичные значения, соотносительные с типовой семантикой данной ЛСГ. Далее происходит то, что непосредственно характеризует процесс *отраженной мутации*: префиксальные дериваты этого глагола (обычно небольшая их часть) тоже могут принять эту категориально-лексическую сему (КЛС) и, следовательно, остаются в этой ЛСГ. Например, в ЛСГ характеризованной речевой деятельности появились глаголы, у которых исконные (первичные) значения вообще не имели отношения к речевой деятельности. Например, глагол **цедить** имеет первичное значение, зафиксированное в МАС: «1. Пропускать (жидкость) через что-л. для

очистки». Однако в МАС под четвёртым номером дано и такое значение, которое позволяет включить этот глагол в ЛСГ характеризованной речевой деятельности, что и отражено в ТСРГ: «4. говорить, произносить небрежно, сквозь зубы». Это же значение отразилось и в деривате **процедить**: «2. Проговорить медленно, неохотно или с пренебрежением» [МАС]. – *Только попробуй, – **процедил** он сквозь зубы и звонко хлопнул прутом по ладони.* Елена Самойлова. Любого мента поколотить могу! А также и в деривате **выцедить**: «Перен. Разг. Сказать что-л. очень медленно, неохотно». [МАС]. – *А ну, покричи у меня, сволочуга, – сквозь зубы **выцедил** усатый, взяв железными пальцами мальчика за ухо.* В. П. Катаев. Белеет парус одинокий.

Глагол **петь** имеет первичное значение: «1. Издавать голосом музыкальные звуки, исполнять голосом музыкальное произведение». Однако в МАС под четвёртым номером дано и такое значение, которое позволяет включить этот глагол в ЛСГ характеризованной речевой деятельности, что и отражено в ТСРГ: «4. Говорить протяжно, нараспев». Это же значение отразилось и в нескольких префиксальных дериватах, например, **пропеть**: «Произнести что-л. нараспев, протяжно, словно исполняя голосом музыкальную фразу». Ср.: “*Здравствуйте, Иммануил Абрамович!*” – успел **пропеть** смазливym голосом юноша. О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней. В деривате **подпеть** (подпевать), который получил значение: «сказать угодливо, с каким либо умыслом соглашаться с кем-либо, поддерживая кого-либо». Ср.: – *Нынешние люди как-то совсем на особицу пошли, – рассуждала Марья Степановна. – Ах, совсем дрянной народ, сосем дрянной!* – **подпевала** Хиония Алексеевна, как вторая скрипка в оркестре. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы. В деривате **напеть** со значением: «Прост. Наговорить много неприятного, обидного и т.п. или наговорить,

насплетничать на кого-л.». – [Пульхерия Андреевна:] *Ну ух---и **напела** же я им! Я, говорю, ваши речи слушала, теперь послушайте моих!* В. Островский. Старый друг лучше новых друг [МАС].

Глагол **нести** имеет первичное значение: «1. Взяв в руки или нагрузив на себя, перемещать в определённом направлении, доставлять куда-либо». Однако в МАС под седьмым номером дано и такое значение, которое позволяет включить этот глагол в ЛСГ характеризованной речевой деятельности, что и отражено в ТСРГ: – «7. Говорить что-л. вздорное, неразумное». Это же значение отразилось в префиксальном деривате **перенести** со значением: «Прост. Передать, пересказать кому-л. что-л. услышанное, узнанное». – [Таисья:] *Ты что скупно говоришь со мной? Боишься, что я твои речи игуменье **перенесу**?* М. Горький [МАС]. В деривате **разнести-разносить** со значением: «Перен. Разг. Сообщить, сделать известным всем, многим; разгласить». [Катя] *посмотрела в окно на улицу, но там уже не было половины девушек: побежали **разносить** по селу новость.* Авдеев. Гвардии сержант. В деривате **разнести-разносить** со значением: «Перен. Разг. Разругать, разбранить» [БАС]. *Она стала **разносить** негодницу за то, что не затопила печь, не подмела избы.* Леон. Дорога на океан. И в деривате **обнести** со значением: «Устар. Оговорить, оклеветать, опорочить перед кем-л.» [МАС]. *Я виноват; точно, виноват; но не так виноват; меня **обнесли** враги.* Гоголь. Мёртвые души.

Глагол **молоть** имеет первичное значение: «Дробить, размельчать зерно (превращая в муку, крупу и т.п.)». Однако в МАС под вторым номером дано и такое значение, которое позволяет включить этот глагол в ЛСГ характеризованной речевой деятельности, что и отражено в ТСРГ: «2. Прост. Говорить что-л. вздорное, болтать». Это же значение отразилось и в префиксальном деривате **смолоть**: «Перен. Прост. Сказать что-л. глупое, нелепое, неуместное» [МАС]. *Он обиделся глупым вопросом*

Шабалина, который всегда смелет что-нибудь самое несуразное. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Дикое счастье.

Глагол **бросать** имеет первичное значение: «1. Взмахом заставлять лететь, падать что-л., находящееся в руке (в руках)». Однако в МАС в первом значении зафиксирован оттенок, который позволяет включить этот глагол в ЛСГ характеризованной речевой деятельности, что и отражено в ТСРГ: «Перен. Быстро, небрежно произносить, обращаться к кому-л. (слова, замечания, реплики)» [МАС]. Это же значение отразилось и в префиксальном деривате **забросать-забрасывать**: «Перен. Обращаться к кому-либо со множеством вопросов, писем и т.п.» [БАС]. *Все же остальные, так же, как и все студенты, обступили Ивана Семеновича, чтобы наперебой забросать его вопросами: как понимать его последние слова?* В. П. Авенариус. Гоголь-студент.

Глагола **чесать** имеет первичное значение: «Скрести для облегчения зуда». Однако в МАС под четвёртым номером дано и такое значение, которое позволяет включить этот глагол в ЛСГ характеризованной речевой деятельности, что и отражено в ТСРГ: «Прост. Употребляется вместо того или иного глагола для обозначения действия, выполняемого с собой силой страстностью, азартностью и т.п. (с сохранением управления этого глагола)». *Мальчик читал на клиросе так громко да так быстро, что и привычные люди удивлялись. – Вот как чешет, сын.* Короленко. Судный день. Это же значение отразилось и в префиксальном деривате **отчесать** со значением: «Перен. Прост. Глубоко бесцеремонно ругать кого-либо». – *Ну, и отчесала же я их обоих: и артиллериста, и Глажку! Да разве эту подлюгу словам проймешь?* Станюк. Нянька.

Глагол **частить** имеет первичное значение: «Очень часто, быстро совершать какие-л. движения (ударять, бить, махать чем-л. и т. п.)».

Однако в МАС под вторым оттенком значения дано и такое значение, которое позволяет включить этот глагол в ЛСГ характеризованной речевой деятельности, что и отражено в ТСРГ: «Произносить что-л. торопливо, с большой поспешностью, обычно не делая при этом нужных пауз». *На консультации студентка **частила** вопросы один за другим, ни ожидая от преподавателя ответа.* Это же значение отразилось и в префиксальном деривате **зачастить** со значением: «заговорить или произносить что-л. быстро учащённо». — *Я тоже, тоже, — **зачастила** Нана, невольно трогая себя за грудь, за влажный лобок.* М. Гиголашвили. Чертово колесо.

Глагол **кричать** имеет первичное значение: «Издавать крик (в 1 знач.)» [МАС]. Однако в МАС под четвёртым номером дано и такое значение, которое позволяет включить этот глагол в ЛСГ характеризованной речевой деятельности, что и отражено в ТСРГ: «Громко, резко говорить, браня, выговаривая и т.п.; орать». Это же значение отразилось и в префиксальном деривате **накричать** со значением: «Крича выбрать кого-л., сделать кому-л. выговор резком тоне». *Я вообще очень нервная и позволяю себе лишнего, в чём и извиняюсь, что тогда на вас **накричала**.* И. Грекова. Перелом. И в деривате **раскричать** со значением: «Широко разгласить, объявить». *После того как газета **раскричала** одно не шибко удачное изобретение по автоблокировке, Алексей Никитич стал подозревать Пересыпкина в излишней склонности ко всякого рода сенсациям.* Леон. Дорога на океан.

Глагол **долбить** имеет первичное значение: «Пробивать отверстие, делать углубление в чём-л. путём последовательных частных ударов каким-л. инструментами». Однако в МАС под третьем номером дано и такое значение, которое позволяет включить этот глагол в ЛСГ характеризованной речевой деятельности, что и отражено в ТСРГ: «Прост.

Произносит одно и то же, беспрестанно повторяя что-л., напоминая о чём-л.» [ТСРГ]. Это же значение отразилось и в префиксальном деривате **выдолбить**: «Прост. Путем многократного повторения выучить наизусть, механически затвердить; вызубрить». *Выдолбить стихи*. И в деривате **вдолбить** со значением: «Прост. Многократным разъяснением и повторением заставить усвоить; втолковать». – *Соберут нас, скажем, тысячу человек, будут с нами биться, чтобы всю эту премудрость военную нам **вдолбить**, а к чему?* Сергеев-Ценский, Пушки выдвигают. В деривате со значением **задолбить**: «Заучить, затвердить наизусть без достаточного понимания смысла заучиваемого». *Не все еще я тогда смотрел на своими глазами, а как **задолбил***. Лесков. Фигура.

Глагол **лить** имеет первичное значение: «Заставлять течь, литься что-либо жидкое». Однако в МАС под знаком ◇ (фразеологизм) дано и такое значение, которое позволяет включить этот глагол в ЛСГ характеризованной речевой деятельности, что и отражено в ТСРГ ◇ **Лить воду**: «Говорить, долго, многословно и бессодержательно». Это же значение отразилось и в префиксальном деривате **излить-изливать** со значением: «Произносить (произнести) что-л. с большой искренностью, давая выход каким-л. напряженным, сокровенным мыслям, чувствам, настроениям, напоминая по интенсивности проявления бурные потоки воды». *В редкие встречи с отцом-дипломатом сын старался **излить** ему все свои неудачи и огорчения*. В деривате **вылить** со значением: «Дать выход какому-л. чувству; выразить, излить» [БТС]. *Вы вспылить можете в любой момент, и на меня это **вылить***.

М. Ахмедова, Петр Мамонов. Петеньке стыдно. И в деривате **перелить** со значением: «Передать кому-л. вселить в кого-л. (свои мысли чувства, силы, энергию и т.п.)». *Правда, что порою, обрадованная встречей с умным человеком, очарованная силой и блеском его ума, я была рада*

новому знакомству и случаю **перелить** свои идеи в его светлое воображение. Е. А. Ган. Суд света.

Глагол **читать** имеет первичное значение: «Воспринимать что-л. написанное или напечатанное буквами или другими письменными знаками, произнося вслух или воспроизводя про себя». Однако в МАС под четвертым номером дано и такое значение, которое позволяет включить этот глагол в ЛСГ характеризованной речевой деятельности, что и отражено в ТСРГ: «Произносить какое-л. текст наизусть». Это же значение отразилось и в префиксальном деривате **прочитать-прочитывать**: «Читая, воспринять что-л. написанное, напечатанное, произнося вслух или воспроизводя про себя» [МАС]. *На каждом практическом занятии по курсу русской литературы XIX века ведущий преподаватель заставлял студентов **прочитывать** наизусть стихи поэтов этого периода.*

В эту же группу входят некоторые префиксальные дериваты от этого же глагола.

Глагол **читать** в МАС под пятым номером дано и такое значение, которое позволяет включить этот глагол в ЛСГ характеризованной речевой деятельности, что и отражено в ТСРГ: «Произносить какой-л. текст наизусть, на память». Это же значение отразилось и в префиксальном деривате **прочитать**: «Изложить, передать устно слушателям (какие-л. сведения, содержания чего-л.)» [МАС]. *Ромашка посмотрел на меня с удовольствием – как будто он был доволен, что я собираюсь **прочитать** доклад в Географическом обществе, а не в Доме ученых. В. Каверин. Два капитана.*

Глагол **читать** в МАС под третьем номером дано и такое значение, которое позволяет включить этот глагол в ЛСГ характеризованной речевой деятельности, что и отражено в ТСРГ: «Перен. По каким-л.

внешним признакам распознавать, угадывать что-л. (чьи-л. внутренние переживания, мысли и т.п.)». Это же значение отразилось и в префиксальном деривате **прочитать** со значением: «По внешним признакам, проявлениям распознать, угадать и т.п. (чьи-л. переживания, мысли, желания и т.п.)» [МАС]. *В этом Лизавета была убеждена на сто процентов. Катерина будто прочитала ее мысли: – Ты и теперь думаешь, что это кто-то...* Е. Козырева. Дамская охота.

Глагол **читать** в МАС под первым оттенком первого значения дано и такое значение, которое тоже позволяет включить этот глагол в ЛСГ характеризованной речевой деятельности, что и отражено в ТСРГ: «Уметь воспринимать, понимать что-л. написанное». Это же значение отразилось и в префиксальном деривате **вычитать** со значением: «Читая, узнать что-л., приобрести какие-л. сведения» [МАС]. *Еще предстоит понять и оценить заботливую простоту, вычитать в случайно изданных книжицах главное.* М. Базанков. Покуда кто-то ждет меня..., или Диверсант космический.

Следует отметить, что пришедший из другого лексико-семантического множества глагол, безусловно, одновременно продолжает существовать, как правило, (при рассмотрении этого процесса с синхронной точки зрения) и в своем родном семантическом пространстве, в котором его держит главное его значение и, безусловно, ряд “родных” префиксальных дериватов.

Во-вторых, те глаголы, которые генетически связаны с данной ЛСГ, приобретают вторичные (неосновные) значения, изменив КЛС, и в результате, часть их префиксальных дериватов тоже приобретают эту категориально-лексическую сему, которая, естественно, «уводит» производящий глагол с этим значением из ЛСГ глаголов характеризованной речевой деятельности; и его дериваты, наследуя это

значение, тоже “уходят” в другие лексико-семантические группировки слов. Например, глагол **бурчать** имеет первичное значение, что зафиксировано как в МАС, так и в ТСРГ: «1. Говорить невнятно, монотонно, обычно ворчливо и недовольно». Однако в МАС этот глагол имеет вторичное значение с измененной категориально-лексической семьей: «2. Издавать бурлящие звуки; урчать». Это же значение отразилось и в деривате **пробурчать**: «2. Издать непродолжительные бурлящие звуки; проурчать». Ср.: *В животе пробурчало*.

Как видим, процессы *отраженной мутации* происходят с появлением вторичных значений, исследование которых «помогает пролить свет на суть первичных значений, а в целом вторичные значения оказываются не менее важными и для характеристики части речи вообще» [Кубрякова 1978: 115].

Отражённую мутацию тоже можно наблюдать во многих ЛСГ глаголов, однако, как и в случае с трансмутацией, специфика ее для каждой конкретной ЛСГ будет состоять в выявлении тех лексико-семантических пространств, откуда приходят новые члены в данную ЛСГ и куда уходят те члены, которые появились («родились») в пространстве данной ЛСГ. Для определения таких передвижений лексем необходимы дальнейшие исследования, которые важны не только для выявления специфики смысловой структуры отдельного слова, но и для деривационно-семантической организации конкретной ЛСГ, а также для выявления структурно-семантических отношений в лексике в целом.

Мы в своей работе на примере одной ЛСГ (глаголов характеризованной речевой деятельности) в соответствии с поставленными задачами рассмотрим этот процесс лишь с одной стороны: перехода членов данной группы в другие лексико-семантические множества под влиянием префиксальной деривации, учитывая при этом,

насколько далеки в семантическом плане оказываются префиксальные дериваты от своих производящих глаголов.

3.2. Семантическое расстояние между производящим и производным глаголами при мутационных изменениях в процессе префиксальной деривации

3.2.1. Основание для измерения семантического расстояния между производящим и производным глаголами в результате мутационных изменений

Переход префиксально-глагольных дериватов из одного лексико-семантического множества в другое не противоречит требованиям структурно-системной организации лексики, а является ее отражением, так как, по словам Ю. Н. Караулова, «Своеобразие лексической системы наиболее ярко проявляется в пересекаемости и подвижности, нежесткости ее отдельных структурно-семантических объединений» [Караулов 1976: 33].

На основе этого надо полагать, что «подвижность» элементов лексической системы еще более усиливается в результате деривационных процессов, происходящих с лексическими единицами, что порождает новые вопросы, связанные с этим обстоятельством. Так, в последние годы многие ученые в связи с разработкой и развитием теории семантической и семной структуры слова (Ю. Д. Апресян, Л. Г. Бабенко, Л. М. Васильев, Э. В. Кузнецова, Л. А. Новиков, Т. В. Попова, И. А. Стернин, Д. Н. Шмелёв, А. А. Уфимцева и др.) при описании лексико-деривационных процессов все чаще поднимают вопрос об измерении семантического расстояния между производящим и производным (И. В. Альтман, А. А. Васильев, А. А. Кретов, Н. Н. Соболева,

М. Ю. Федосюк, Л. И. Ширина и др.), подчёркивая, что решение этого вопроса необходимо для более углубленного изучения процессов формирования семантики производного слова, а также для выявления путей формирования новых ЛСВ в составе многозначного слова.

В современных семантико-деривационных исследованиях имеются различные подходы и пути решения этого вопроса, а также избираются и различные единицы измерения семантического расстояния. Так, например, некоторые ученые (И. К. Миронова, Т. В. Попова, Т. Н. Сивкова, Н. П. Соболева, и др.) используют для этих целей *коэффициент семантического расстояния*, который исчисляется в баллах. Количество баллов (от 1 до 4-х) оценивается «переход» глагола (ЛСВ) в другие классификационные разряды: другие ЛСГ, подполя и поля. Для вычисления коэффициента семантического расстояния суммируются все баллы, полученные каждым ЛСВ глагола, и сумма делится на число ЛСВ. Такой подход к определению семантического расстояния между ЛСВ одного глагола позволил авторам выявить семантическую целостность исходного глагола и на этой основе разделить все глаголы одной ЛСГ (ЛСГ восприятия) на три группы: *семантически целостные*, имеющие наименьшее количество баллов, *размытые*, имеющие наибольшее количество баллов, и *промежуточные* [Попова 1997: 348-356]. Несколько по-иному выстраиваются методики определения семантического расстояния внутри словообразовательной пары у других исследователей, затрагивающих эту проблему (Т. К. Аглаидзе, Г. В. Аликаева, И. Т. Вепрева, А. М. Зализняк, И. К. Миронова, Н. П. Потапова, Ю. И. Плотникова, Н. П. Соболева, и др.).

Однако в основе всех этих методик лежит анализ семного состава ЛСВ каждого члена словообразовательной пары, включающий в себя: выявление наличия и характера сем в каждой единице, перегруппировку

семантических компонентов в мотивате и определение мотивирующего компонента (компонентов) в каждом конкретном случае, а также учет особенностей процесса мотивированности производных слов и типа их мотивации: *формальная* (структурная, фонетическая), *словообразовательная* (формально-семантическая, морфологическая), *лексическая* (семантическая) [Левицкий 1994: 27]. Многие ученые отмечают, что анализ исходного глагола и производного «именно в этом аспекте позволит точно определить семантическое расстояние между производным и производящим и их принадлежность тому или иному лексико-семантическому классу слов» [Попова 1997: 329].

Мы в своей работе берём за основу вышеобозначенную методику, (имеется в виду анализ семного состава членов словообразовательной пары, включающей префиксальный дериват), но используем её для определения степени мутационного изменения исходного глагола характеризованной речевой деятельности в процессе префиксальной деривации, иначе: для определения степени семантической удалённости префиксального деривата от производящего глагола. Для анализа мы взяли лексико-семантическую группу глаголов характеризованной речевой деятельности, то есть те глаголы, которые являются исконными для лексико-семантического пространства этой группы, и, следовательно, они зафиксированы, как правило, в Толковом словаре русских глаголов, и в МАС это значение дано как первичное, то есть, под первым номером (иногда как оттенок первого значения).

В связи с этим мы выделяем три разновидности перехода (три степени семантической удалённости от исходного глагола) префиксально-глагольного деривата, мотивированного глаголом характеризованной речевой деятельности, в другие классификационные разряды глаголов, используя с этой целью систему таких разрядов, представленную в ТСРГ.

Рассмотрим каждую разновидность перехода в следующем разделе работы.

3.2.2. Степени семантической удалённости префиксальных дериватов, мотивированных глаголами характеризованной речевой деятельности, в результате мутационных изменений

Первая степень семантической удалённости от исходного глагола связана с наименьшим семантическим расстоянием, когда префиксальные дериваты входят в то же подполе речевой деятельности, что и производящий глагол, но внутри этого подполя они уходят в разные лексико-семантические группы. При этом в семной структуре глагола происходят некоторые изменения, связанные с категориально-лексической семьей (КЛС) и уточняющими её существенными семантическими признаками. Однако обнаружение этих изменений связано с определенными трудностями, потому что, по словам Э. В. Кузнецовой, «категориально-лексические семы, лежащие в основе лексико-семантических групп слов, нередко носят ненаблюдаемый, скрытый характер» [Кузнецова 1989: 20]. В связи с этим мы на основе анализа дефиниций исходного глагола и его деривата определяем глаголы-идентификаторы, которые являются базовыми глаголами для определенной ЛСГ и определяющими структурными элементами ее типовой семантики, смена глагола-идентификатора в производном глаголе дает нам сигнал о переходе деривата в другую лексико-семантическую группу глаголов.

В результате такого анализа нами было обнаружено, что некоторые префиксально-глагольные дериваты, мотивированные глаголами

характеризованной речевой деятельностью, оставаясь в подполе речевой деятельности, перешли в другие ЛСГ.

Так, в лексико-семантическую группу глаголов **речевого сообщения**, имеющую типовую семантику: *сообщать (сообщить) адресату что-л. (какие-л. сведения, известия и т.п.) о ком-, чём-л. и базовые глаголы: говорить (сказать), сообщить (сообщать)*, перешли следующие префиксальные дериваты.

Дериват **проболтать** со значением «Сообщить, рассказать то, что следовало хранить в тайне; выболтать». *Он должен всегда знать, где я. Слово дано. Да, он не проболтает!* Тургенев. Ночь [МАС]. С точки зрения формально-деривационной структуры дериват **проболтать** образован от глагола **болтать**. Сравним семантику деривата и исходного глагола **болтать**: «Говорить легко, непринужденно, а также говорить вздор, чепуху в течение какого-л. достаточно длительного периода времени» [ТСРГ]. Как видим из примера, в дефиниции производного глагола появляется новый глагол-идентификатор (сообщить), а также дополнительная дифференциальная сема *'то, что следовало хранить в тайне'*, всё это вместе и соотносится с типовой семантикой новой, выше названной группы.

В эту же ЛСГ входят и ещё префиксальные дериваты от этого же глагола: дериват **выболтать** со значением: «Сообщить, рассказать (о чем-то, о тайном)». *Пьяные придворные не выболтали ни одной важной тайны: они начали "песни вспевати и собаки звати, и всякие срамныя слова глаголати"*. В. Кобрин. Посмертная судьба Ивана Грозного. [МАС]. Как видим, в дефиниции производного глагола появляется также иной глагол-идентификатор (сообщить) и дополнительная дифференциальная сема *'о чем-то, о тайном'*.

И дериват **разболтать** со значением: «Разг. Рассказать, сделать известным кому-л. то, что скрывают, держать в тайне; разгласить». – *Тут я прикусила язык: обиженный, он едва не разболтал мою тайну.* Е. Лавра. Звезда [МАС].

Дериват **умолчать** со значением: «Умышленно не сказать о ком, чем., желая скрыть, утаить что-л.». – *Вы обманывали все время директора, умолчав о состоянии газопровода, а сегодня вы лгали всем.* В. Попов. Сталь и шлак. С точки зрения формально-деривационной структуры дериват **умолчать** образован от глагола **молчать**. Сравним семантику деривата и исходного глагола **молчать**: «Не говорить ничего, не издавать звуков голосом» [ТСРГ]. Как видим, в дефиниции производного глагола появляется новый глагол-идентификатор (сказать), который является базовым глаголом этой группы, а также дополнительная дифференциальная сема 'о ком, чем', 'желая скрыть', 'утаить что-л', всё это вместе и соотносится с типовой семантикой новой, выше названной группы.

Дериват **подтвердить** со значением: «Повторить снова (сообщит ещё раз – Х. Ч.) сделанное ранее заявление, распоряжение и т.п.» [МАС]. – *Хочу подтвердить, что мы сделаем всё, чтобы со стороны официальных властей Российской Федерации, со стороны Правительства России эти проекты были поддержаны.* В. В. Путин. Заявление для прессы по окончании российско-мексиканских переговоров // «Дипломатический вестник», 2004. С точки зрения формально-деривационной структуры дериват **подтвердить** образован от глагола **твердить**. Сравним семантику деривата и исходного глагола **твердить**: «Говорить о чём-л., постоянно повторяя одно и то же» [ТСРГ]. Как видим из примера, в дефиниции производного глагола появляется новый глагол-идентификатор (повторить = сообщить снова), и дополнительные дифференциальные

семы: 'сделанное ранее заявление, распоряжение', всё это вместе и соотносится с типовой семантикой названной группы.

Дериват **сбрредить** со значением: «Выдумать, соврать (с пренебрежительным оттенком)» [МАС]. – *Если тебе какие-нибудь глупые толки кузина там какая-нибудь **сбрредит**, и это страшно.* Крест, (псевд.). За стеною. С точки зрения формально-деривационной структуры дериват **сбрредить** образован от глагола **брредить**. Сравним семантику деривата и исходного глагола **брредить**: «Говорить бессвязно, бессмысленно, непонятного (обычно о больном или находящемся в бессознательном состоянии, во сне)». *Пустая камера оглашалась по временам невнятным говором больного ---. Он **брредил**, переживая недавнее прошлое.* Короленко, *В ночь под светлый праздник* [МАС]. Как видим, в дефиниции производного глагола появляется также иной глагол - идентификатор (выдумать), т.е. сообщить ложную информацию = соврать, и дополнительная дифференциальная сема 'с пренебрежительным оттенком', всё это в целом соотносится с типовой семантикой названной группы.

В лексико-семантическую группу глаголов **речевого воздействия**, имеющую типовую семантику: *произносить (произнести) что-л. каким-л. образом, выражая различные эмоции и тем самым воздействуя на собеседника, приводя его в определенное эмоциональное состояние, а также побуждая его к чему-л., к совершению какого-л. действия* и базовые глаголы: *говорить (сказать), произносить (произнести), сообщать (сообщить)*, перешли следующие префиксальные дериваты.

Дериват **наворчать** со значением: «Ворча, побранить кого-нибудь, выразить неудовольствие, досаду» [МАС]. *Отец **наворчал** на меня за вчерашнее, и я решил извиниться перед соседом.* С точки зрения формально-деривационной структуры дериват **наворчать** образован от

глагола **ворчать**. Сравним семантику деривата и исходного глагола **ворчать**: «Произносить сердитые, недовольные слова, бормоча что-л. про себя, тихо или под нос, выражая неудовольствие, недовольство чем-л.». [ТСРГ]. Как видим, в дефиниции производного глагола появляется иной глагол-идентификатор (побранить = сказать, выражая неудовольствие) и исчезает дифференциальная сема 'бормоча что-л. про себя', что позволяет в большей степени предполагать наличие лица, которое подвергается воздействию в результате действия, обозначенного префиксальным глаголом, чего нельзя с уверенностью сказать о действии, обозначенном производящим глаголом. Поэтому префиксальный дериват соотносится с типовой семантикой названной группы.

Дериват **отчитать** со значением: «Отругать, сделать кому-л. строгое замечание, выговор» [МАС]. *Я отчитал его, а он божился, что не виноват, плакал, все норовил чмокнуть меня в рукав, и я пригрозил отдать его в солдаты.* М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь. Мы рассматриваем этот глагол в качестве деривата от глагола **читать**, так как именно в этом деривационном статусе он представлен в Словообразовательном словаре А. Н. Тихонова. При этом в МАС указанное значение даётся как основное (первичное), а вторичное значение связывает тоже данный дериват с глаголом **читать**: «Закончить чтение чего-л., кончить читать». Как видим, в дефиниции производного глагола появляется новый глагол-идентификатор (отругать = сказать (высказать) в резких словах порицание, осуждение кому-л.) и дополнительные дифференциальные семы 'строгое замечание', 'выговор', что вместе и соотносится с типовой семантикой названной группы.

Дериват **нашептать** со значением: «Устар. Внушить тайным образом» [МАС]. [Шуйский]: *и перед ним я повторил нелепость, которую мне сам он нашептал.* Пушкин. Борис Годунов. С точки зрения

формально-деривационной структуры дериват **нашептать** образован от глагола **шептать**. Сравним семантику деривата и исходного глагола **шептать**: «Произносить что-л. очень тихо, почти беззвучно, без участия голосовых связок» [ТСРГ]. Как видим, в дефиниции производного глагола появляется новый глагол-идентификатор (внушить) и дополнительная дифференциальная сема *'тайным образом'*, что также предполагать наличие лица, на которое направлено действие, обозначенное префиксальным дериватом. Всё это и соотносится с типовой семантикой названной группы.

Дериват **пригаркнуть-пригаркивать** со значением: «Разг.- сниж. Сопровождать пение, разговор, выкрикивать» [Т.Ф. Ефремова]. *Стали говорить мужику, чтобы он унял своего сына. Мужик за это пригаркнул на сына и не велел ему выходить из избы.* С точки зрения формально-деривационной структуры дериват **пригаркнуть-пригаркивать** образован от глагола **гаркать-гаркнуть**. Сравним семантику деривата и исходного глагола **гаркать-гаркнуть**: «Прост. Произносить (произнести) что-л. громко, резко и отрывисто» [ТСРГ]. Как видим, в дефиниции производного глагола появляется новый глагол-идентификатор (сопровождать). Что касается изменения в дифференциальных семах, то оно имплицитно заложено в семантике деривата, так как подобное *сопровождение* речевой деятельности предполагает именно воздействие на своего собеседника с целью изменения сложившейся ситуации, причем подобное воздействие происходит далеко не в этикетной форме, что отражено в стилистической характеристике данного деривата, представленной в словаре (Разг.-сниж.), которая отсутствует у производящего глагола.

Дериват **надругаться** со значением: «Подвергнуть кого-, что-н. оскорбительному издевательству» – *Приедет урядник – тащит, приедет*

становой – тащит. Да ещё прежде, чем взять-то, над бабкой надругается: ты, говорят, ведьма, чертовка, каторжница. Куприн. Олеся. С точки зрения формально-derivационной структуры дериват **надругаться** образован от глагола **ругаться**. Сравним семантику деривата и исходного глагола **ругаться**: «Произносить грубые, оскорбительные, бранные слова, выражая недовольство, злость, раздражение и т.п.» [ТСРГ]. Как видим, в дефиниции производного глагола появляется новый глагол-идентификатор (подвернуть = произнести бранные слова, заставив испытать, перестать что-л.) и дополнительные дифференциальные семы 'кого-, что-н.', 'оскорбительному издевательству', что также подчеркивает наличие субъекта, на которой направлено действие в обозначенной ситуации. Всё это вместе и соотносится с типовой семантикой названной группы.

В лексико-семантическую группу **глаголов обращения**, имеющую типовую семантику: *обращаться (обратиться) со словами, устной речью к кому-л., называть (назвать) кого-, что-л. какими-л. именами* и базовые глаголы: *обращаться (обратиться), называть (назвать)*, перешли следующие префиксальные дериваты.

Дериват **нажаловаться** со значением «Обращаться к кому-л. с жалобами; пожаловаться». – *А что вам на меня по этому случаю нажаловались, - дело понятное: всякому своя рубашка к телу ближе.* Тургенев. *Однодворец Овсяников* [МАС]. С точки зрения формально-derivационной структуры дериват **нажаловаться** образован от глагола **жаловаться**. Сравним семантику деривата и исходного глагола **жаловаться**: «Произносить (произнести) сердитые слова, речь, выражая свою печаль или недовольствие кем-, чем-л., сожаление о чем-л.» [ТСРГ]. Как видим, в дефиниции производного глагола появляется новый глагол-идентификатор (обращаться), который является базовым глаголом для

этой группы, и происходит сокращение дифференциальных сем, что приводит к соотносительности с типовой семантикой названной группы. Аналогичную картину наблюдаем и у синонимичного префиксального деривата **пожаловаться**: со значением: «Обратиться с жалобой куда-л., к кому-л.». – *Если ты будешь мою мать бить, я **пожалуюсь** в суд* [МАС].

На примере анализа глагола **жаловаться** – (**нажаловаться, пожаловаться**) можно наблюдать, что несколько префиксальных дериватов (два-три), образованных от одного и того же глагола могут переходить в одну и ту же ЛСГ, хотя чаще разные префиксальные дериваты мутируют в разные лексико-семантические множества, в чём мы можем убедиться далее.

Вторая степень семантической удалённости префиксального деривата от исходного глагола наблюдается в том случае, когда префиксальные дериваты, мотивированные глаголами характеризованной речевой деятельности, остаются в семантическом поле «**ДЕЙСТВИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**», что и производящий глагол, но внутри этого поля префиксальные дериваты переходят в другие подполя, а в них и в разные ЛСГ, связанные с определённым подполем. В результате такого перехода происходит довольно явное изменение КЛС и набора дифференциальных сем, уточняющих семантику производных. Прежде всего следует отметить, что префиксальные дериваты в данном случае участвуют в обозначении такой ситуации, в которой уже отсутствует реципиент, что было еще характерно для префиксальных дериватов первой степени семантической удаленности от исходного глагола, а произведенное действие связано обычно с каким-л. объектом (не лицом), и оно как бы замыкается на самом субъекте. К тому же, как правило, отсутствует и "звуковое" сопровождение действия, то есть отсутствует ситуации речевой деятельности.

Так, в подполе **глаголов интеллектуальной деятельности** перешли некоторые префиксальные дериваты, мотивированных глаголами характеризованной речевой деятельности. Например, в лексико-семантическую группу **глаголов понимания**, имеющую типовую семантику: *понять что-л. (какие-л. процессы, события и и пр.), проникая в суть явлений на основе наблюдения и размышления, специальных логических умозаключений*, и базовые глаголы: *понимать (понять), постигать (постичь)*.

Дериват **подтвердить-подтверживать** со значением: «Прост. Подучить, подучивать» *Подтвердить* урок. [БАС]. С точки зрения формально-деривационной структуры дериват **подтвердить-подтверживать** образован от глагола **твердить**. Сравним семантику деривата и исходного глагола **твердить**: «Говорить о чём-л., постоянно повторяя одно и то же» [ТСРГ]. Как видим, в дефиниции производного глагола появляется новый глагол - идентификатор (подучить = лучше понять, усвоить), что вполне соотносится с типовой семантикой названной группы.

Некоторые префиксальные дериваты перешли в лексико-семантическую группу **глаголов проверки**, имеющую типовую семантику: *проверять кого-, что-л. каким-л. образом с целью обнаружить определённые физические качества, знания (о человеке)* и базовые глаголы: *проверять (проверить), испытывать (испытать)*. Например, префиксальный дериват от глагола **читать - считать** со значением: «Читая, сличать и проверить (какой-либо текст)» [БАС]. *Мы считали немножко его перевод, и я убедился, что это будет превосходная вещь, мастерская передача подлинника.* Страхов. Письмо Л.Н. Толстому. 13 Июля 1879. Как видим, в дефиниции производного глагола появляется новый глагол - идентификатор (проверить) и дополнительные

дифференциальные семы 'сличать', 'какой-либо текст', что и соотносится с типовой семантикой названной группы.

В эту же ЛСГ входит и ещё один префиксальный дериват от этого же глагола: **вычитать** со значением: «Читая, выправить, проверить текст (готовящийся к печати или напечатанный)» *Вычитать* гранки [МАС]. Как видим, в дефиниции производного глагола появляется новый глагол - идентификатор (проверить), что и соотносится с типовой семантикой названной группы.

Третья степень семантической удалённости префиксального деривата от исходного глагола наблюдается в том случае, когда префиксальные дериваты, мотивированные глаголами характеризованной речевой деятельности, входят в другие семантические поля: «**БЫТИЕ, СОСТОЯНИЕ, КАЧЕСТВО**» или «**ОТНОШЕНИЕ**». Внутри этих полей префиксальные дериваты находят себе место в разных семантических группировках (подполях, ЛСГ, подгруппах). В результате такого перехода происходит существенное изменение КЛС и появляются другие дифференциальные семы, уточняющие семантику производных.

В семантическое поле «**БЫТИЕ, СОСТОЯНИЕ, КАЧЕСТВО**» перешло два префиксальных деривата, мотивированных глаголами характеризованной речевой деятельности. Некоторые префиксальные дериваты перешли в лексико-семантическую группу **глаголов прекращения действия, бытия, состояния** (подполе глаголов бытия), имеющую типовую семантику: *прекратить что-л. (какое-л. действие, существование чего-л.), прекратиться, прийти к концу, прерваться в своем течении, ходе* и базовые глаголы: *прекратить, прекратиться*. Например, префиксальный дериват **замолчать** со значением: «Прекратить переписку, перестать писать куда-л., кому-л.» [МАС]. *Пишу опять к вам, хотя и предвижу, что без вашего одобрения скоро замолчу*. Тургенев.

Переписка. С точки зрения формально-derivационной структуры дериват **замолчать** образован от глагола **молчать**. Сравним семантику деривата и исходного глагола **молчать**: «Не говорить ничего, не издавать звуков голосом» [ТСРГ]. Как видим, в дефиниции производного глагола появляется новый глагол - идентификатор (прекратить) и дополнительные дифференциальные семы 'переписку', 'писать куда-л., кому-л.', всё это вместе и соотносится с типовой семантикой названной группы.

Другие дериваты перешли в лексико-семантическую группу глаголов **физиологического состояния** (подполе глаголов **качественного состояния**), имеющую типовую семантику: *о живом существе, человеке или животном: быть, находиться пребывать в каком-л. физиологическом состоянии, приводить человека или животное в какое-л. физиологическое состояние* и базовые глаголы: *быть в каком-л. состоянии, проходить, приводить в какое-л. состояние, выходить из какого-л. состояния*). Например, префиксальный дериват **заболтать** со значением: «2. Утомить пустым разговором» *Только я схожу с лестницы, Панкревич катит; заболтал*. Писем. Птенцы последн. слёта [БАС]. С точки зрения формально-derivационной структуры дериват **заболтать** образован от глагола **болтать**. Сравним семантику деривата и исходного глагола **болтать**: «Говорить легко, непринужденно, а также говорить вздор, чепуху в течение какого-л. достаточно длительного периода времени» [ТСРГ]. Как видим, в дефиниции производного глагола появляется новый глагол - идентификатор (утомить), который и свидетельствует о переходе субъекта в новое качественное состояние (в данном случае – худшее), что и соотносится с типовой семантикой названной группы.

Дериват **смолчать** со значением: «Воздержаться от возражения, от ответа на обиду, оскорбление и т.п.». – [Несчастливцев:] *Был один*

актер провинциальный, оскорбила его женщина, жена антрепренера ; он смолчал, но не забыл обиды. А. Островский. Лес. С точки зрения формально-деривационной структуры дериват **смолчать** образован от глагола **молчать**. Сравним семантику деривата и исходного глагола **молчать**. Как видим, в дефиниции производного глагола появляется новый глагол – идентификатор (воздержаться) и дополнительные дифференциальные семы ‘от возражения’, ‘от ответа на обиду’, ‘оскорбление’, всё это вместе и соотносится с типовой семантикой названной группы, так как дифференциальные семы передают семантику нового качественного состояния субъекта, с которым связано действие.

В эту же группу можно отнести и дериват **помалкивать** со значением: «Воздержаться или уклоняясь от разговоров, высказываний». — *Ты об этом помалкивай лучше, — сказала она.* В. Пелевин. S.N.U.F.F. Как видим, в дефиниции производного глагола появляется новый глагол – идентификатор (воздержаться) и дополнительные дифференциальные семы ‘от разговоров’, ‘высказываний’.

В семантическое поле «ОТНОШЕНИЕ» тоже перешло несколько префиксальных дериватов, мотивированных глаголами характеризованной речевой деятельности. Так, в лексико-семантическую группу **глаголов утраты объекта** (подполе **глаголов владения**), имеющую типовую семантику: *утрачивать (утратить) кого-л., что-л. (деньги, имущество и т.п.) по какой-л. причине, каким-л. образом* и базовые глаголы: *лишаться (лишиться), утрачивать (утратить)*, перешёл префиксальный дериват **проахать** со значением: «Перен. Потерять, лишиться чего-н., благодаря бездействию» [Ушаков]. *За одну неделю мы проахали все свои сбережения.* С точки зрения формально-деривационной структуры дериват **проахать** образован от глагола **ахать**. Сравним семантику деривата и исходного глагола **ахать**: «Произносить (произнести) громко

“ах” (одни или несколько раз), выражая разные чувства: удивление, испуг, печаль, сожаление и т.п.» [ТСРГ]. Как видим, в дефиниции производного глагола появляется новый глагол - идентификатор (потерять = лишиться) и другие дифференциальные семы, ‘*благодаря бездействию*’, всё это вместе и соотносится с типовой семантикой названной группы.

В лексико-семантическую группу **глаголов передачи объекта** (подполе **владения**), имеющую типовую семантику: *давать (дать) что-л. (деньги, средства, ценности) кому-л. в распоряжение, владение, временное пользование или с какой-л. другой целью* и базовый глагол: *давать*, перешёл префиксальный дериват **отблагодарить** со значением: «Вознаградить чем-л. за какую-л. услугу» [МАС]. *Хорошо же я его отблагодарю, если останусь за границей.* Муслим Магомаев. Любовь моя. С точки зрения формально-деривационной структуры дериват **отблагодарить** образован от глагола **благодарить**. Сравним семантику деривата и исходного глагола **благодарить**: «Выражать благодарность» [МАС]. Как видим, в дефиниции производного глагола появляется новый глагол - идентификатор (вознаградить), который соотносит дериват с типовой семантикой названной группы.

В лексико-семантическую группу **глаголов влияния**: в подгруппу **глаголов собственного влияния** (подполе **социальных отношений**), имеющую типовую семантику: *влиять, воздействовать на кого, что-л., добиваясь необходимого результата и побуждая к чему-л.*, и базовые глаголы: *влиять (повлиять), воздействовать*, перешли следующие префиксальные дериваты.

Дериват **нашептать** со значением: «Трад.-нар. Произнести наговор, наколдовать» [МАС]. *Нашептать на воду.* С точки зрения формально-деривационной структуры дериват **нашептать** образован от глагола

шептать. Сравним семантику деривата и исходного глагола **шептать**: «Произносить что-л. очень тихо, почти беззвучно, без участия голосовых связок» [ТСРГ]. Как видим, в дефиниции производного глагола появляется новый глагол - идентификатор (наколдовать) и дополнительная дифференциальная сема 'произнести наговор', всё это вместе и соотносится с типовой семантикой названной группы.

А также дериват **прочитать** со значением: «Произнести с целью поучения, наставления» [МАС]. *Если кто-нибудь дразнился, показывал язык, нарушал правила уличного движения, ездил на автомобиле не там, где надо, обливался водой, плевался или дразнил собак, то милиционер обязан был сделать виновному внушение и **прочитать** нотацию длиной от пяти до пятидесяти минут.* Н. Носов. Незнайка в Солнечном городе. С точки зрения формально-деривационной структуры дериват **прочитать** образован от глагола **читать**. Сравним семантику деривата и исходного глагола **читать**: «Произносить (произнести) какой-л. текст наизусть, на память» [ТСРГ]. Как видим, в дефиниции производного глагола, хотя и не произошло смены глагола - идентификатора (произносить / произнести), так как он входит в число базовых глаголов во многие ЛСГ, которые хоть каким-л. образом связаны с речевой деятельностью, но набор дифференциальных сем существенно отличается в дефинициях производящего и производного глаголов: у производящего глагола, так как он входит в ЛСГ характеризованной речевой деятельности, дифференциальные семы *характеризуют* речь, *раскрывают*, как протекают действие ('наизусть', 'на память'), а у деривата (**прочитать**), так как он входит в ЛСГ **глаголов влияния**, дифференциальные семы *раскрывают* целевую установку речевого действия ('с целью поучения', 'с целью наставления', 'собеседника, чтобы повлиять на него'). Такой набор дифференциальных сем позволяет отнести его к названной группе.

В лексико-семантическую группу **глаголов влияния**: в подгруппу **глаголов убеждения** (подполе **социальных отношений**), имеющую типовую семантику: *влиять, воздействовать на кого-, что-л., добиваясь необходимого результата и побуждая к чему-л.*, и базовые глаголы: *доказывать (доказать), убеждать (убедить)*, перешёл префиксальный дериват **натвердить-натверживать** со значением: «Внушить кому-нибудь (какую-либо мысль) частыми напоминаниями» [БАС]. – *Доктор говорит, что я нервная, что меня надо беречь, не раздражать, и слава Богу, что он натвердил это бабушке: меня оставляют в покое.* Гонч. Обрыв. С точки зрения формально-деривационной структуры дериват **натвердить-натверживать** образован от глагола **твердить**. Сравним семантику деривата и исходного глагола: «Говорить о чём-л., постоянно повторяя одно и то же» [ТСРГ]. Как видим, в дефиниции производного глагола появляется также иной глагол-идентификатор (внушить) и дополнительные дифференциальные семы ‘кому-нибудь’, ‘какую-либо мысль’, всё это вместе и соотносится с типовой семантикой названной группы.

В лексико-семантическую группу **глаголов эмоционально-оценочного отношения** (подполе **межличностных отношений**), имеющую типовую семантику: *относиться (отнестись) к кому-л. каким-л. образом, проявляя какие-л. чувства* и базовый глагол: *относиться (отнестись)* перешёл префиксальный дериват. Например, **наболтать** со значением: «Наклеветать, наговорить» [Ушакова]. Видно, Рена что-то **наболтала** им о странном типе, который в нее безумно и безответно влюблен. П. Си ркес. Труба исхода. С точки зрения формально-деривационной структуры дериват **наболтать** образован от глагола **болтать**. Сравним семантику деривата и исходного глагола **болтать**: «Говорить легко, непринужденно, а также говорить вздор, чепуху в течение какого-л. достаточно длительного периода времени» [ТСРГ]. Как видим, в дефиниции производного глагола появляется новый глагол-идентификатор (наклеветать), который и свидетельствует об отрицательном отношении говорящего к субъекту.

В некоторых случаях можно наблюдать, что в речи появляются новые лексико-семантические варианты у префиксально-глагольных дериватов, мотивированных глаголами характеризованной речевой деятельности.

Например, дериват **проахать** получил новое значение, которое ещё не зафиксировано ни в одном словаре: «Пройти (проехать) большое расстояние» (обычно о транспорте). Такое значение находим в следующем тексте: *Мы с товарищем купили примерно в одно и тоже время машины. Когда было 30 тыс. нужно было менять свечи, он их поменял, я нет. Когда мы **проахали** 60 тыс., ему сказали, что его свечи плохие, нужно их заново менять. А у меня родные еще нормальные.* [[http: // www. x-trail-club.com.ua](http://www.x-trail-club.com.ua)]. (25/01/11).

Выводы по третьей главе

1. С точки зрения генно-информационной сущности глаголы характеризованной речевой деятельности делятся на две группы: исконные и неисконные. Исконными мы называем такие глаголы в составе парадигмы характеризованной речевой деятельности, у которых имеется или только одно значение, и оно связано с данной ЛСГ, что отражено в МАС и в ТСРГ, или они имеют основные значения (если слово полисеманлично), соотносительные с типовой семантикой характеризованной речевой деятельности, которые в МАС зафиксированы под первым номером. Неисконными образованиями, мы называем такие глаголы, у которых их основные значения первоначально были связаны с другими лексико-семантическими классами глаголов, а в парадигму глаголов характеризованной речевой деятельности они входят на основе вторичных значений, которые соотносительны с типовой семантикой данной лексико-семантической данной ЛСГ.

2. На этом основании в результате анализа выявилось два типа мутационных изменений. Первый тип – *трансмутация* (или внутрисловная мутация). Она наблюдается в том случае, если у многозначного глагола, одно из вторичных значений позволяет включить этот глагол в ЛСГ характеризованной речевой деятельности, то есть, оно по происхождению не является исконным для данной группы.

3. Но это же значение может о т р а з и т ь с я и в префиксальном деривате, который в таком случае тоже остаётся в этой же ЛСГ. Такое явление мы в своей работе называем *отражённая мутация*. Она может проявляется и у исконных глаголов характеризованной речевой деятельности, если они приобретают вторичные значения, не соотносительные с типовой семантикой и которые тоже о т р а ж а ю т с я в их префиксальных дериватах.

4. В результате мутационных изменений семантики исходных глаголов можно наблюдать три типа перехода (три степени семантической удалённости от исходного глагола) префиксально-глагольного деривата, мотивированного глаголом характеризованной речевой деятельности, в другие классификационные разряды глаголов: первая степень семантической удалённости от исходного глагола связана с наименьшим семантическим расстоянием, когда префиксальные дериваты, мотивированные глаголами характеризованной речевой деятельности, входят в то же подполе речевой деятельности, что и производящий глагол, но внутри этого подполя они уходят в разные лексико-семантические группы; вторая степень семантической удалённости от исходного глагола наблюдается в том случае, когда префиксальные дериваты остаются в том же семантическом поле, что и производящий глагол, но внутри этого поля префиксальные дериваты переходят в другие подполя и разные ЛСГ, связанные с определённым подполем; третья степень семантической

удалённости от исходного глагола наблюдается в том случае, когда префиксальные дериваты входят в другие семантические поля по отношению к производящему глаголу.

5. Анализ показал, что большинство префиксальных дериватов, мотивированных глаголами характеризованной речевой деятельности, в результате мутационных изменений имеют семантическую удалённость первой степени. При этом наибольшее количество дериватов перешло в ЛСГ сообщения. Наименьшее количество дериватов имеет семантическую удалённость второй степени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На современном этапе развития лингвистической науки довольно значителен интерес к семантике языковых единиц разных уровней. На словообразовательном уровне в центре внимания в связи с этим оказывается семантика производного слова. Особого внимания заслуживают исследования, в которых семантика производного слова рассматривается не изолированно, а в структуре комплексных словообразовательных единиц: словообразовательном гнезде, словообразовательной цепочке, словообразовательной парадигме и др. Но, как отмечает А. Н. Тихонов, именно эти элементы гнезда изучены совершенно недостаточно.

Мы для исследования взяли словообразовательную парадигму, состоящую из префиксально-глагольных дериватов, мотивированных глаголами, принадлежащими одной лексико-семантической группе – глаголам характеризованной речевой деятельности. Мы выбрали эту группу глаголов, потому что она связана с повседневной обыденной жизнью русского человека и поэтому в большей степени отражает национальные особенности его речевой деятельности, которая является важным фрагментом языковой картины мира. Группа глаголов характеризованной речевой деятельности входит в обширный класс слов, объединяющий в себе все глаголы речи. В этом лексико-семантическом множестве глаголов речи многими учеными на разных основаниях выделяются различные группировки глаголов, которые неоднократно привлекали внимание исследователей. Однако нас привлекла классификация глаголов речи, представленная в Толковом словаре русских глаголов, где выделяются пять лексико-семантических групп глаголов речевой деятельности, каждая из которых имеет типовую

семантику и единую лексико-семантическую структуру, включающую общий базовый глагол (глаголы), манифестирующий категориально-лексическую сему, которая является концентрирующим семантическим элементом для глаголов всей ЛСГ, и типовой набор дифференциальных сем для каждой группы.

С учетом этих данных среди представленных в словаре пяти групп глаголов речевой деятельности, как выяснилось, лексико-семантическая группа глаголов характеризованной речевой деятельности выделяется своими особенностями, которые касаются прежде всего её лексико-семантической структуры. Это выражается в том, что, имея, как и все другие группы, свою типовую семантику («произносить / произнести что-л. как-л., каким-л. образом, обнаруживая характерные артикуляционные особенности говорения или выражая при этом какие-л. внутренние эмоциональные состояния»), это группа в качестве базовых глаголов (и глаголов - идентификаторов) имеет самые частотные глаголы речи (говорить/сказать, произнести/ произносить), которые к тому же являются и стилистические нейтральными. Однако для глаголов характеризованной речевой деятельности наличие упомянутых базовых глаголов не является определяющим в формировании семантики каждого глагола этой группы, они служат лишь для констатации факта речевой деятельности, что является общим признаком для всех глаголов речи. Для глаголов же характеризованной речевой деятельности более существенным элементом в формировании семантики является наличие определенных дифференциальных сем в каждом глаголе данной ЛСГ. Единственно, что объединяет эти дифференциальные семы, то это их функциональное назначение: все они дают какую-либо характеристику речевого действия, которая является специфической для каждого глагола данной группы. Это приводит к тому, что глаголы характеризованной речевой деятельности не

обладают функциональной эквивалентностью, что характеризует другие ЛСГ речевой деятельности.

В связи с этим представляется интересным проследить, насколько эти особенности семантики глаголов характеризованной речевой деятельности сохраняются в префиксальных дериватах и как влияют на характер их словообразовательной семантики. Поэтому целью нашей работы являлось выявление типологии словообразовательной семантики префиксальных дериватов, мотивированных глаголами характеризованной речевой деятельности, с учетом характера семантических изменений производящей основы.

Исследование содержательной стороны префиксальных глагольных дериватов, мотивированных глаголами характеризованной речевой деятельности, не только выявляет характер словообразовательной семантики префиксальных глаголов, но и помогает более глубоко раскрыть структуру деривационно-семантического пространства префиксальных глаголов, принадлежащих одной лексико-семантической группе.

В современной словообразовательной теории проблема разграничения типов деривационных отношений между производящим и производным является одной из самых сложных проблем. В научной литературе эти типы деривационных отношений получили название *модификация и мутация*.

При разграничении модификационных и мутационных семантических изменений исходного глагола характеризованной речевой деятельности в процессе префиксальной деривации мы опирались на семный состав лексико-семантических вариантов производящих и префиксально-производных глаголов, используя с этой целью толковые словари. К тому же толковые словари одновременно служили и для

выявления структурных особенностей дефиниций, характерных для глагольной семантики каждой группы префиксальных дериватов.

В результате анализа префиксальных дериватов, мотивированных глаголами характеризованной речевой деятельности, выяснилось, что из общего числа (960) лексико-семантических вариантов, которые имеют модификационный тип словообразовательного значения, большое количество ЛСВ (296) имеют значение общерезультативного способа глагольного действия, а наименьшее количество ЛСВ (18) имеют значение длительно-ограничительного способа глагольного действия. В состав дериватов с модификационным типом словообразовательного значения были отнесены префиксальные дериваты, мотивированные глаголами характеризованной речевой деятельности, не изменившие категориально-лексическую сему мотивирующего глагола. При этом префиксальные дериваты с модификационным значением оказались соотносительны с четырьмя способами глагольного действия: начинательным, ограничительным, длительно-ограничительным и общерезультативным способом действия. И каждый способ глагольного действия, помимо объединяющей семантики модификационного типа, имеет свои формальные показатели: набор приставок – модификаторов. Эти глаголы имеют в толковых словарях дефиницию, обычно построенную по определённой модели.

Префиксальные дериваты с модификационным значением имеют особенности и в грамматической характеристике: большинство глаголов с модификационным значением не имеют видовой пары, что соотносится с особенностями их грамматической семантики, так как наличие видовой пары характерно для глаголов с мутационным значением.

В состав дериватов с мутационным типом словообразовательного значения были отнесены префиксальные дериваты со значением нового

типа действия, то есть имеющие существенные изменения категориально-лексическую сему производящего глагола, что произошло в результате присоединения собственно лексических приставок – квалификаторов.

В результате исследований мутационных изменений глагольной семантики выяснилось, что данная ЛСГ неоднородна в плане генно-информационного содержания. Из общего количества исходных глаголов (76), которые принадлежат к лексико-семантической группе глаголов характеризованной речевой деятельности, 45 глаголов являются исконными для этой группы, то есть, их единственные или основные значения (если слово полисеманлично), зафиксированные в МАС под первым номером, соотносительны с типовой семантикой глаголов характеризованной речевой деятельности. Среди этих исконных глаголов 23 являются многозначными.

Другие члены в ЛСГ характеризованной речевой деятельности являются неисконными образованиями, то есть, это глаголы, у которых в МАС находим несколько значений, но их основные значения первоначально были связаны с другими лексико-семантическими классами глаголов, а одно из вторичных значений соотносит этот глагол с речевой деятельностью и поэтому он может быть включён в лексико-семантическую парадигму глаголов характеризованной речевой деятельности, которая представлена в ТСРГ. Всего таких глаголов оказалось 31 (из 76). В этом случае в настоящей работе речь идет о мутации (внутрисловной мутации), или т р а н с м у т а ц и и: перенос слова из одного лексико-семантического пространства (исконного) в другое, изначально не характерное для этого слова. В данном случае – в лексико-семантическое пространство глаголов характеризованной речевой деятельности. При этом префиксальные дериваты этих глаголов, как правило, (во всяком случае, большинство из

них) остаются в своём “родном” пространстве. Ср., например, глагол **нести** в значении «говорить чепуху» и префиксальные дериваты от этого глагола: унести, перенести, отнести, вынести, внести и др. Этот процесс требует специальных исследований, и это не входило в задачи нашей работы, поэтому в этом случае мы ограничились лишь отдельными примерами и замечаниями.

В соответствии с целью и объектом исследования нас больше интересовал процесс иного характера, но тоже связанный с мутацией. Речь идёт о том, что исконные глаголы, то есть, “рождённые” в составе лексико-семантической парадигмы глаголов характеризованной речевой деятельности, в процессе префиксальной деривации приобретают вторичные значения с изменённой категориально-лексической семы. При этом часть их префиксальных дериватов тоже приобретают эту категориально-лексическую сему, то есть в них отражается это вторичное значение. Следствием этого является то, что это значение «уводит» производящий глагол и эти дериваты в другие лексико-семантические группировки слов. Этот переход деривата в иные семантические группировки (поля, подполя, ЛСГ и др.) мы в своей работе называем **о т р а ж ё н н а я м у т а ц и я**.

Анализ показал, что большинство префиксальных дериватов, мотивированных глаголами характеризованной речевой деятельности, и имеющих мутационный тип словообразовательной семантики, связаны с отражённой мутацией – 154 ЛСВ.

В результате мутационных изменений глаголы характеризованной речевой деятельности пересекаются с разнообразными классификационными разрядами глаголов. В связи с этим мы выделили три разновидности перехода, или три степени семантической удалённости префиксальных глагольных дериватов от исходного глагола.

Первая степень семантической удалённости от исходного глагола связана с наименьшим семантическим расстоянием, когда префиксальные дериваты входят в то же подполе речевой деятельности, что и производящий глагол, но внутри этого подполя они уходят в 3 разных лексико-семантических группы (**ЛСГ глаголов речевого сообщения, ЛСГ глаголов речевого воздействия, ЛСГ глаголов обращения**). При этом большинство префиксальных дериватов, мотивированных глаголами характеризованной речевой деятельности, входят в **ЛСГ глаголов речевого сообщения**. Вторая степень семантической удалённости от исходного глагола наблюдается в том случае, когда префиксальные дериваты остаются в семантическое поле «**ДЕЙСТВИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**», что и производящий глагол, но внутри этого поля префиксальные дериваты переходят в другие подполя и разные ЛСГ, связанные с определёнными подполями. В результате такого перехода происходит довольно явное изменение категориально-лексической семы и набора дифференциальных сем, уточняющие семантику производных. В результате анализа выяснилось, что внутри этого поля префиксальные дериваты переходят в подполе **глаголов интеллектуальной деятельности**; в 2 ЛСГ: **ЛСГ глаголов понимания** и **ЛСГ глаголов проверки**.

Третья степень семантической удалённости от исходного глагола наблюдается в том случае, когда префиксальные дериваты входят в другие семантические поля по сравнению с производящим глаголом, а внутри этого поля префиксальные дериваты входят в разные ЛСГ, связанные с определёнными подполями. Такой переход становится возможным в результате существенного изменения категориально-лексической семы и появления других дифференциальных сем, уточняющих семантику производных.

Выяснилось, что семантическое поле «БЫТИЕ, СОСТОЯНИЕ, КАЧЕСТВО» входят дериваты в 2 ЛСГ (в подполе глаголов бытия: в лексико-семантическую группу глаголов прекращения действия, бытия, состояния, и в подполе глаголов качественного состояния: в лексико-семантическую группу глаголов функционального состояния).

В семантическое поле «ОТНОШЕНИЕ» входит тоже незначительное количество префиксальных дериватов, которые соотносятся с тремя подполями и 4 ЛСГ. Подполе глаголов владения: в лексико-семантическую группу глаголов утраты объекта; подполе глаголов владения: в лексико-семантическую группу глаголов передачи объекта; подполе социальных отношений: в лексико-семантическую группу глаголов влияния; подполе межличностных отношений: в лексико-семантическую группу глаголов эмоционально-оценочного отношения.

Таким образом, анализ показал, что большинство префиксальных дериватов, мотивированных глаголами характеризованной речевой деятельности, в результате мутационных изменений имеют семантическую удалённость первой степени. Наименьшее количество дериватов имеют семантическую удалённость второй степени.

В результате анализа префиксальной парадигмы дериватов, мотивированных глаголами характеризованной речевой деятельности, выяснилось, что число производных префиксальных глаголов составляют 745, которые в сумме имеют 1142 семемы. Из них 960 лексико-семантических вариантов имеют модификационный тип словообразовательного значения, а 182 лексико-семантических варианта имеют мутационный тип словообразовательного значения.

Проведенный анализ семантики префиксальных дериватов, мотивированных глаголами характеризованной речевой деятельности,

показал неоднородность их содержательной структуры и тем самым подтвердил точку зрения некоторых ученых о необходимости разграничивать модификационные и мутационные значения у префиксальных глагольных дериватов.

В перспективе интересно было бы рассмотреть с выделенных позиций префиксальные дериваты других глаголов, относящихся к лексико-семантическим группам речевой деятельности, а также определить степень семантической удалённости тех префиксальных глаголов, которые являются неисконными образованиями, в составе лексико-семантической группы глаголов характеризованной речевой деятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авилова Н. С. Способ глагольного действия, глагольная семантика и вид глагола / Н. С. Авилова // Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка. – М. : Наука, 1973. – С. 3-21.
2. Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова [Текст] / Н.С. Авилова. – М. : Наука, 1967. – 328 с.
3. Азарх Ю.С. О связи словообразования с морфологическими категориями / Ю. С. Азарх // Проблемы структурной лингвистики.– М. : Наука, 1984. – С. 35-49.
4. Алефиренко Н. Ф. Фразеологическое значение [Текст] / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых // Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М. : Эллис, 2008. – С. 444-451.
5. Алефиренко Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография [Текст] / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Наука, 2009. – 344 с.
6. Андреева В. К. Типы семантических составляющих и типы глагольных ЛСВ / В. К. Андреева // Семантико-системные отношения в лексике германских и романских языков. Волгоград: Изд-во. Волгоградского пед. ин-та, 1979.
7. Анисимов Г. А. О способах глагольного действия в русском языке / Г. А. Анисимов // Рус. яз. в shk. – 1974. – № 2. – С. 88-93.
8. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Высшая школа, 1995.– 408 с.
9. Апресян Ю. Д. Значение и оттенок значения / Ю. Д. Апресян // Современный русский язык. М. Изд-во АН СССР, 1974. – Т. 33. – № 4. С.320-330.

10. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В. Д. Аракин. – М. : Просвещение, – 1989. – 121 с.
11. Арутюнова Н. Д. О понятии системы словообразования / Н. Д. Арутюнова // Филологические науки. – 1960. – №2. – С. 6-9.
12. Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка: модели действия. Язык цели / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1992, – 162 с.
13. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. – М. : Наука, 1980. – С. 156-249.
14. Афанасьева Р. П. Процессы нейтрализации в семантико-грамматических классах глагола / Р. П. Афанасьева // Теория нейтрализации. – Тамбов, – 1980. – С. 46-53.
15. Афанасьева, Р. П. Семантико-грамматические классы русского глагола: к проблеме взаимодействия грамматики и семантики: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Р. П. Афанасьева. – Воронеж, 1978. – 22 с.
16. Бабенко Л. Г. Глаголы комплексной полипропозитивной семантики [Текст] / Л. Г. Бабенко // Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, – 1997, С. 30-45.
17. Бабенко Л. Г. Изучение лексики в пространственном измерении (вместо введения) / Л. Г. Бабенко // Русская глагольная лексика: денотативное пространство: монография; под ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 7-21.
18. Балли Ш. Французская стилистика [Текст] / Ш. Балли. – М. : Иностранная литература, 1961. – 200 с.
19. Батманов И. А. Грамматика киргизского языка /И. А. Батманов.– Казань: Фрунзе, – 1940. – 77 с.

20. Белошапкова В. А. Современный русский язык [Текст] / В. А. Белошапкова – М. : Высш. Школа, 1981. – 317. с.
21. Белошапкова В. А. Современный русский язык [Текст]: учеб. для филол. спец. высших учебных заведений / В. А. Белошапкова, В. Н. Белоусов, Е. А. Брызгунова и др. ; под ред. В. А. Белошапковой. – Изд. 4е, стер. – М. : Альянс, 2011. – 927 с.
22. Бондарко А. В. Русский / А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. – Л. : Просвещение, 1967. – 192 с.
23. Бондарко А. В. Виды глагола и способы действия в русском языке / А. В. Бондарко // РЯНШ.– Ленинград, 1971. – № 2. – С. 14.
24. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1983. – 208 с.
25. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / А. В. Бондарко – М. : УРСС, 2003. – 348 с.
26. Боровикова, Н. А. Регулярная многозначность в лексико-семантических группах русских глаголов: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Н. А. Боровикова. – Свердловск, 1985. – 23 с.
27. Боровикова Н. А. Явление регулярной многозначности в глаголах одной ЛСГ / Н. А. Боровикова // Лексико-семантические группы русских глаголов. – Иркутск, 1989. – С. 120-126.
28. Будагов Р. А. Оттенки значения слова в толковом словаре / Р. А. Будагов // Исследование по славянской филологии: Сборник, посвященный памяти акад. В. В. Виноградова. М. : Изд-во МГУ, 1974. – с.71-73.
29. Быкова Л. А. Несоотносительные глаголы несовершенного вида в современном русском языке / Л.А. Быкова // Труды филол. фак-та – Т.6. – Харьков : ХГУ, 1958.

30. Вараксин Л. А. Семантический аспект русской глагольной префиксации / Л. А. Вараксин. – Екатеринбург: Изд-во. Урал. ун-та, – 1996. – 177 с.

31. Васильев Л.М. Семантика русского глагола (Глаголы речи, звучания и поведения) / Л. М. Васильев. – Уфа: Изд-во. Баш. ун-та, – 1981, – 72 с.

32. Вепрева Т. В. Формально-семантические связи приставочных глаголов, образованных от семантически тождественных корней: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Т.В. Вепрева. – Томск, 1979. – 18 с.

33. Вепрева Т. В. Типы внутренней организации глагольных лексико-семантических групп / Т. В. Вепрева // Проблемы глагольной семантики. – Свердловск: УрГУ, 1984. С. 4-16.

34. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М. : Учпедгиз, 1947. – 784 с.

35. Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии / В. В. Виноградов // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. – М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1952. С. 99-152.

36. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография: избранные труды. – М. : Наука, 1977. – С. 162-189.

37. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1986. – 639 с.

38. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов – М. : Русский язык, 2001. – 718 с.

39. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию / Г.О. Винокур // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. – Т.V. Вып. 4. – М. : Изд-во. АН СССР, 1946. С. 419-442 с.

40. Власова Н. С. Пособие по видам глаголов / Н. С. Власова. – М. : Изд-во. Русский язык, 1980. – 120 с.
41. Волохина Е. А. Русские глагольные приставки : семантическое устройство, системные отношения / Е. А. Волохина, З. Д. Попова. – Воронеж: Изд-во. ВГУ, 1993. – 196 с.
42. Ганиев Ф. А. Татарский язык: проблемы и исследования / Ф. А. Ганиев. – Казань: Таткнигоиздат, 2000. – 432 с.
43. Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис / Е. Л. Гинзбург. – М. : Наука, 1979. – 264 с.
44. Гловинская М. Я. Теоритические проблемы видовременной семантики русского глагола: автореф. дис. ...канд. филол. наук / М. Я. Гловинская. – Н., 1986. – С. 336-340.
45. Гловинская М. Я. Многозначности синонимия в видовременной системе русского глагола / М.Я. Гловинская. – М. : Азбуковник, 2001. – 320 с.
46. Головин Б. Н. Замечания к теории словообразования / Б. Н. Головин // Уч. зап. Горьковского ун-та. Сер. Лингвистическая. Горький. 1967, вып. 76, С. 50-67.
47. Головин Б. Н. Приставочное внутриглагольное словообразование в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Б. Н. Головин. – М., 1966. – 19 с.
48. Горбачевский А. А. Введение языкознание: учебное пособие для вузов / А. А. Горбачевский – М. : Флинта, 1998. – 168 с.
49. Горбова Е. В. Общая аспектология Ю. С. Маслова: из истории отечественной лингвистики / Е. В. Горбова // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2010. – 11 с.

50. Горбова Е. В. Видообразование русского глагола: префиксация и/или суффиксация? /Е. В. Горбова // Вопросы языка знания – № 4. – М. : Наука, 2015. – С. 7-38.

51. Гридина Т. А. Современный русский язык. Словообразование: теория, алгоритмы анализа, тренинг: учеб. пособие / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. – М. : Флинта, 2007. – 160 с.

52. Денотативное пространство русского глагола: материалы IX Кузнецовских чтений. 5-7 февраля 1998., Екатеринбург: Тез. докл. [Текст] / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. – 175 с.

53. Добрушина С. Р. К проблеме семантической целостности русских глагольных приставок / С. Р. Добрушина // Вопросы языкознания.– № 5 . М. : Наука. – 2011. – С. 31-43.

54. Иванова И. П. Вид и время в современном английском языке / И. П. Иванова – Л. : ЛГУ, 1961. – 200 с.

55. Изучение лексики, грамматики, текста в аспекте концепции и языковой картины мира : тез. докл. и сообщ. науч. конф., 7 февр. 1994 г. / Урал. гос. ун-т ; редкол. : Л. Г. Бабенко, Н. М. Волчкова, М. Л. Кусова, А. П. Чудинов. – Екатеринбург : [б. и.], 1994. – 56 с.

56. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацкими, Морфология / Исаченко А. В., Иванова А. Ю. – Братислава: Изд-во Словацкой академии наук, 1960. – 580 с.

57. Зализняк А. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары / А. Зализняк, А. Д. Шмелев // Вопросы языка знания. – №:1. М. : Наука, – 2010. – С. 3-23.

58. Земская Е. А. Вопросы изучения приставочного словообразования глагола в современном русском языке : автореф. дис. ...канд. филол. наук / Е.А. Земская – М., 1952.

59. Земская Е. А. О парадигматических отношениях в словообразовании / Земская Е. А. // Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. Виноградовские чтения I-V III – М. : Наука, – 1978. – С. 63-77

60. Земская Е. А. Словообразование / Е. А. Земская // В кн.: Современ. рус. яз.; под. ред. В.А. Белошапковой – М. : Наука, 1981. – 276 с.

61. Земская Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская – М.: Наука, 1992. – 221 с.

62. Золотарёва Н. В. Глаголы характеризованной речевой деятельности в русском и английском языках / Н. В. Золотарёва // Уральские лингвистические чтения – 97 (№ 10): Актуальные проблемы лингвистики: Тезисы докл. и сообщ. – Екатеринбург, УГПГ, 1997. – С. 24.

63. Казарин Ю. В. Абстрактные, социально-обобщенные и конкретные глаголы и их место в системе лексико-семантических групп русских глаголов / Ю. В. . Казарин // Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой. Екатеринбург: Изд-во Уральск, гос. ун-та, 1997. С. 69-100.

64. Караванов А. А. Виды русского глагола: значение и употребление / А. А. Караванов. – М. : Русский язык, 2003. – 177 с.

65. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М. : Либроком, 2014. – 360 с.

66. Карунц Р. Г. Систематизация глаголов начинательного способа действия в толковых словарях русского языка / Р. Г. Карунц // Актуальные

проблемы русского словообразования. – Ташкент: Укитувчи, 1985. – С. 117-132.

67. Карцевский С. Вопросы глагольного вида / С. Карцевский // Система глагольного вида. – М. : Изд-во. АН ССР, 1962. – 480 с.

68. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. – М. : Наука, 1965. – 108 с.

69. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – М. : Наука, 1972. – 213 с.

70. Клеопатрова Л. Ф. Лексико-семантическая группа глаголов разъединения в современном русском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук /Л. Ф. Клеопатрова. – Воронеж, 1981. – 24 с.

71. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева– М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

72. Ковтун Л.С. О значении слова / Л.С. Ковтун //Вопросы языкознания – 1955. – №5 С. 65-77.

73. Комарова З. Н. Типы фразеологизмов в свете языковой и научной категоризации / З. Н. Комарова, Г. Н. Плотников // Фразеология и познание: Сборник докладов 2-й Международной научной конференции, Т.1. – Белгород, 2010. – С. 96-106.

74. Королева Ю. В. К вопросу о модификационной и мутационной ситуационной номинации (на материале русских многоприставочных глаголов) / Ю. В. Королева // Актуальные проблемы русского словообразования – Томск: Изд-во Том ун-та, 2006 – 458 с.

75. Копечный Ф. Основы чешского синтаксиса /Ф. Копечный.// Вопросы глагольного вида – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – С. 382-394.

76. Кронгауз М. А. Исследования в области глагольной префиксации: современное положение дел и перспективы /

М. А. Кронгауз // Глагольная префиксация в русском языке. – М. : Русские словари, 1997. – С. 4-29.

77. Кронгауз М. А. Семантика: Учебник для вузов / М. А. Кронгауз. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 339 с.

78. Кубрякова Е. С. Что такое словообразование / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1965. – 76 с.

79. Кубрякова Е. С. Об Основной единице словообразовательной системы языка / Е. С. Кубрякова // Актуальные проблемы русского словообразования – Ташкент: Укитувчи, 1978. – С. 36-39.

80. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова – М. : Наука, 1978. – 115 с.

81. Кубрякова Е. С. Смена парадигм знания в лингвистике XX века / Е. С. Кубрякова // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы Международной конференции. – Т.1. М. : МГУ, 1995. – С. 278-280.

82. Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка: к постановке проблемы / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – Т. 56. – 1997. – № 3. – С. 22-31.

83. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Кубрякова Е. С. – М. : Наука, 1981. – 200 с.

84. Кузнецов П. С. Современный русский язык. Морфология / П. С. Кузнецов – М. : Учпедгиз, 1952. – 184 с.

85. Кузнецова Э. В. Русская лексика как система / Э. В. Кузнецова. – Свердловск.: Уральский государственный университет, 1980. – 89 с.

86. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка / Э. В. Кузнецова. – М. : Высш. шк., 1989. – 152 с.

87. Кузнецова Ю. Л. Приставки в свете когнитивной лингвистики и типологии / Ю.Л. Кузнецова, Л.А. Янда // Вопросы языкознания – 2013 – № 4. – М. : Наука, – 2010. – С. 87-96.

88. Кузьмина Н. А. Современный русский язык. Лексикология: теория, тренинг, контроль. Учебное пособие / Н. А. Кузьмина. – М. : Флинта, 2011. – 169 с.

89. Лазарева Э. А. Существительные со значением «орудие воздействия на объект» и их связи с глаголами / Э. А. Лазарева. – Свердловск, 1982. – 131 с.

90. Лебедева Н. Б. Лексико-грамматическое исследование глагольной семантики (взаимодействие результативности и объектности): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Б. Лебедева. – Томск, 1979. – 18 с.

91. Лебедева Н. Б. Внутрикатегориальное словообразование глагола / Н. Б. Лебедева // Семантические вопросы словообразования: Производящее слово. – Томск, 1991. – С. 94-134.

92. Лебедева Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов) / Н. Б. Лебедева. – Томск : Изд-во Томск, ун-та, 1999. – 262 с.

93. Левковская К. А. Словообразование: материалы к курсам языкознания / К. А. Левковская. – М. : Изд-во МГУ, 1954. – С. 23-37.

94. Левицкий В. В. Фонетическая мотивированность слова / В. В. Левицкий // Вопросы языкознания, 1994. – №1. – С. 26 -37.

95. Лексическая семантика : сб. науч. тр. / Свердл. гос. пед. ин-т ; отв. ред. А. П. Чудинов. – Свердловск, 1991. – 120 с.

96. Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 483 с.

97. Ломов А. М. Категория глагольного вида и ее взаимоотношение с контекстом / А. М. Ломов // Вопросы языкознания. – 1975. – № 6.–

С. 55-64.

98. Лопатин В. В. К отношению единиц словообразования и морфонологии / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М. : Наука, 1969. – С. 119-132.

99. Лопатин В. В. Основные единицы сопоставительного описания словообразовательных систем славянских языков / Лопатин В. В. // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков – М.: Наука, 1987. С. 46-53.

100. Лопатин В. В. Современный русский язык: Теоретический курс / Лопатин В. В., И. Г. Милославский, М. А. Шелякин. – М. : Русский язык, 1989. – 261 С.

101. Лопатин В. В. Основные единицы сопоставительного описания словообразовательных систем славянских языков / Лопатин В. В. // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М.: Наука, 1987. – С. 46-53.

102. Ляшевская О. Н. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров, – М.: Азбуковник, 2009.

103. Морковкина В. В. Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь / Под ред. В. В. Морковкина. – М. : Русский язык, 1984. – 1168 с.

104. Манучарян Р. С. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках: Пособие для вузов / Р. С. Манучарян. – Ереван: Луйс, 1981. – 314 с.

105. Маслов Ю.С. Вопросы грамматики болгарского литературного языка / Ю. С. Маслов. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 440 с.

106. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке / Ю. С. Маслов // Вопросы грамматики болгарского литературного языка – М. : Изд-во СССР, 1959 – 160 с.

107. Маслов Ю. С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании / Маслов Ю. С. // Вопросы глагольного вида. – М. : Изд. иностр. лит., 1962. – С. 7-32.

108. Маслов Ю. С. Об основных понятиях аспектологии / Ю.С. Маслов. // Очерки по аспектологии. – Л.: Ленинград, 1984. – С. 5-47.

109. Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология / Ю. С. Маслов // Общее языкознание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 848.

110. Маслова В. А. Проблемы парадигмы в лингвистике / В. А. Маслова // Современные направления в лингвистике – М. : Академия, 2008. С. 272.

111. Милославский И. Г. К вопросу о морфеме как значимой единице языка / И. Г. Милославский // Науч. докл. высш. шк. Филол. Науки, 1969. – №2. – С. 74-82.

112. Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза / И. Г. Милославский – М. : Изд-во МГУ, 1980. – 296 с.

113. Милославский И. Г. Об идеографическом словаре русских словообразовательных морфем / И. Г. Милославский // Морфемика: принципы и методы системного описания – Ленинград: Изд-во МГУ – 1987. С. 97-196.

114. Милославский, И.Г. О семантическом содержании видовой характеристики русского глагола / И. Г. Милославский // Язык – система.

Язык – текст. Язык – способность. М.: Институт русского языка РАН, 1995. С. 101-111.

115. Михайлова О. А. Глаголы со специальными предметно-субъектными семами в современном русском языке / О. А. Михайлова. – Свердловск, 1985.

116. Моисеев А. И. Словообразование современного русского языка/ А. И. Моисеев. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985.

117. Мокиенко В. М. Глагол и глагольная фразеология / В. М. Мокиенко // Глагол в системе языка и речевой деятельности: материалы научной лингвистической конференции. – Свердловск: УрГУ, 1990. – С. 12-13.

118. Морозова Т. С. Структура словообразовательных парадигм русского глагола: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Т. С. Морозова. – М., 1980. – 19 с.

119. Мукарапова А. К. О категориях вида и способа действия в английском и тюркских языках / А. К. Мукарапова // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. – Бишкек: Вестник КРСУ, 2010. – Том 10. – № 3. – С. 17-21.

120. Мурзин Л. Н. Парадигмы и классы слов / Л. Н. Мурзин // Типы языковых парадигм: Сб. науч. тр. – Свердловск: УрГУ, 1990. – 138 с.

121. Мучник И. П. Двувидовые глаголы в русском языке / И. П. Мучник // Вопросы культуры речи. – Вып. 3. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 93-115.

122. Насилов В. М. К вопросу о грамматической категории вида в тюркских языках / В. М. Насилов // Труды Московск. ин-та востоковедения. – 1947. – № 4. – С. 38–48.

123. Немченко В. Н. Основные понятия словообразования в

терминах : краткий словарь-справочник / В. Н. Немченко. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 208 с.

124. Немченко В. Н. Современный русский язык. Морфемика и словообразование / В. Н. Немченко. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1994. – 296 с.

125. Немченко В. Н. Современный русский язык: Словообразование : учебное пособие для студентов филологических специальностей ун-тов / В. Н. Немченко. – М. : Высшая школа, 1984. – 134 с.

126. Новиков Л. А. Семантика русского языка : учеб. пособие для студ. филолог. специальностей ун-тов / Л. А. Новиков. – Москва: Высшая школа, 1982. – 272 с.

127. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка/ Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. — 4 -е изд., дополненное. — М. : А ТЕМП, 2009. – 944 с.

128. Павленко П. И. Приставки в толковых словарях в русском языке / П. И. Павленко // Советская лексикография. – М. : Русский язык, 1988. – С.137-149 .

129. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

130. Петрухина Е. В. Производная глагольная номинации: модификация и мутация (на материале русского и западнославянских языков) / Е. В. Петрухина // Вести. МГУ. Филология. – 1996. – № 6. С. 42-55.

131. Петрухина Е. В. Сопоставительная типология глагольного вида в современных славянских языках (на материале русского, западнославянских и болгарского языков) / Е. В. Петрухина // Типология

вида. Проблемы, поиски, решения. – М. : Языки русской культуры, 1998. С. 356-364.

132. Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками / Е. В. Петрухина. – М. : Либроком, 2000. – 256 с.

133. Петрухина Е. В. Соотношение глагольных и контекстных средств выражения аспектуальной семантики в русском и чешском языках / Э. В. Петрухина // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. – Санкт Петербург: Наука, 2005. – С. 219-232.

134. Плотникова Г. Н. Русские глаголы с включенной актантной рамкой: лексико-семантическое и денотативное пространство: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Г. Н. Плотникова. – Екатеринбург, 1997. – 21 с.

135. Плотникова Г. Н. Словообразовательные особенности глаголов различных ЛСГ / Г. Н. Плотникова // Лексико-семантические группы русских глаголов. [Под ред. Э.В. Кузнецовой]. – Иркутск : Изд-во Иркут. унта, 1989. – С. 61-83.

136. Плотникова А. М. Многозначность русского глагола: когнитивное моделирование (на материале глаголов социальных действий и отношений) / А. М. Плотникова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 225 с.

137. Плотникова Г. Н. Мотивационные связи однокоренных слов в лексикографическом аспекте / Г. Н. Плотникова // Актуальные проблемы современной лингвистики Тихоновские чтения: Материалы 62 Международной научной конференции, посвященной 75-летию профессора А.Н. Тихонова. – Том 1. — Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006.

138. Плотникова Г. Н. Русское словообразование : учеб-метод. Пособие для иностранных учащихся / Г. Н. Плотникова, Ю. И. Плотникова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. – 144 с.

139. Плотникова Г. Н. Словообразование как основа углубленного изучения русского языка в иностранной аудитории / Г. Н. Плотникова . – SLAVICA CANDENSIA, Ghent university, Бельгия 2000.

140. Плотникова Г. Н. Лингвометодические основы обучения русскому словообразованию / Г.Н. Плотникова. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011.– 146 с.

141. Плотникова Г. Н. Русское словообразование: учеб - метод. пособие для иностранных учащихся продвинутого этапа обучения / Г. Н. Плотникова, Ю. И. Плотникова. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2008. – 142 с.

142. Плотникова Г. Н. Многомерность взаимоотношений внутри видовой пары (лексикографический аспект) / Г. Н. Плотникова, Ю. И. Плотникова // Детская речь как лингвокреативная деятельность. Формы и механизмы лингвокреативной деятельности: Материалы Международной научной. – Екатеринбург, Урал. ун-та, 2008.

143. Плотникова Г. Н. Работа словообразовательными гнездами при обучении русскому языку иностранных студентов-филологов [Электронный ресурс] / Г. Н. Плотникова // Педагогическое образование в России. – Екатеринбург : ФГБОУ ВПО. – 2012. – № 2.

144. Плотникова Ю. И. Денотативное пространство глаголов «висеть», «лежать», «сидеть», «стоять» / Ю. И. Плотникова // Денотативное пространство русского глагола: материалы IX Кузнецовских чтений, 5-7 февраля 1998 г., Екатеринбург / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, Урал. лингвист. о-во, Проблемная группа “Русский глагол”; [отв. ред. Л. Г. Бабенко]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. – С. 130-133.

145. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира / В. А. Плунгян. – М. : РГГУ, 2011. – 672 с.

146. Попова Т. В. Русские непроизводные глаголы: морфемная структура и деривационные особенности: Учеб. Пособие / Т. В. Попова. – Екатеринбург : УрГУ, 1996. – 119 с.

147. Попова Т. В. Словообразование и полисемия русского производного глагола / Т. В. Попова // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм : Памяти Эры Васильевны Кузнецовой.– Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997 . С. 309-313.

148. Попова Т. В. Степень семантической целостности русских глагольных корней / Т. В. Попова // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. С. 336-356.

149. Попова Т. В. Способы глагольного действия и лексико-семантические группы глаголов / Т. В. Попова // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой.– Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. С.147-239.

150. Попова Т. В. Деривационные и лексические классы русских глаголов / Т. В. Попова // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. С. 281-287.

151. Попова Т. В. Деривационно-семантическое пространство русского глагола: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Т.В. Попова. – Екатеринбург, 1998. – 17 с.

152. Плунгян В. А. Проблемы грамматического значения в современных грамматических теориях / В. А. Плунгян // Семиотика и информатика. – Выпуск 36. – М. : Языки славянской культур, 1998. – С. 324-386.

153. Рацибурская Л. В. Словообразовательное гнездо и принципы его описания : учеб-метод. Пособие / Л. В. Рацибурская. – Н. Новгород: Нижегород. гос. пед. ун-т, 2002. – 50 с.

154. Резанова З. И. Вопрос о лексическом значении в современной лингвистике / З. И. Резанова // Семантические вопросы словообразования: Производящее слово. – Томск: Изд-во ТГУ, – 1991. – С. 20-27.

155. Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя / З. И. Резанова. – Томск: Изд-во ТГУ, 1996. – 218 с.

156. Реформатский А. А. Введение в языкознание: учебное пособие для пед. ин-тов / А. А. Реформатский. – М. : Учпедгиз, 1955. – 400 с.

157. Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм: Памяти Эры Васильевы Кузнецовой/ Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. – 520 с.

158. Русская грамматика: В Т. 1, Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – С. 540-547.

159. Сивкова Т. Н. Внутренняя и внешняя валентность глагола Крыть и его приставочных производных: автореф. дис. ...канд. филол. наук/ Т. Н. Сивкова. – Свердловск, 1986. – 19 с.

160. Серебренников Б. А. Проблема глагольного вида в тюркских / Б. А. Серебренников // Вопросы грамматики тюркских языков. – Алма-Ата, 1958.– С. 12–30.

161. Скорнякова М. Ф. О зависимости структуры словообразовательных гнезд от лексико-семантического своеобразия исходных глаголов / М. Ф. Скорнякова. – Ташкент: АПРС, 1982. – С.285-288.

162. Скоумалова З. Категория способов глагольного действия / З. Скоумалова // Русская Грамматика. Т.1. Praha, 1979. – С. 240-266.

163. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.: АН СССР. – 1950 -1965.

164. Слово в системных отношениях на разных уровнях языка : сб. науч. тр. / М-во просвещения РСФСР, Свердл. гос. пед. ин-т ; редкол. : К. И. Демидова (отв. ред.), Л. С. Евдокимова, А. П. Чудинов. – Свердловск : [б. и.], 1984. – 95 с.

165. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. В 4 т. – М.: Русский язык, 1984.

166. Словарь русского языка : Т. 1-4 / АН СССР, Ин-т рус. яз. – Изд. 3-е, стер. – М. : Русский язык, 1981-1984.

167. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова») / А. И. Смирницкий // Вопросы теории и истории языка – М., 1955.

168. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 260 с.

169. Смирницкий А. И. Морфология английского языка : [учеб. пособие для вузов] / А. И. Смирницкий ; ред. В. В. Пассек. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. – 440 с.

170. Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия / П. А. Соболева. – М. : Наука, 1980. – 294 с.

171. Соколов О. М. Некоторые вопросы морфолого-семантической дивергенции глагольных лексем / О. М. Соколов // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. – Вып. II. – Томск, 1971. – С. 138-154.

172. Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Ф. Соссюр. М. : Прогресс, 1977. – 128 с.

173. Стрелков П. Н. О причинах возникновения приставочных глаголов со связанными основами в русском языке / П. Н. Стрелков // Ученые записи Горьковского пединститута им. М. Горького. – вып. 62, – серия филологических наук, – 1967. – С. 70-77.

174. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

175. Тихонов А. Н. Способы выражения начинательного значения глаголов в русском языке / А. Н. Тихонов // Труды Узбекского гос. ун. им. Алишера Навои. Новая серия № 95. Самарканд, 1959. С. 43-75.

176. Тихонов А. Н. Проблемы составления гнездного словообразовательного словаря современного русского языка / А. Н. Тихонов. – Самарканд, 1971. – 385 с.

177. Тихонов А. Н. Лексико-семантические и грамматические проблемы изучения словообразовательного гнезда / А. Н. Тихонов // Вопросы русского и общего языкознания. Сборник научных трудов Ташкентского ун-та. – Ташкент: Укитувчи, 1978. – № 549. С. 3-13.

178. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. / А.Н. Тихонов. – М. : Рус. язык, 1985.

179. Тихонов А. Н. Основные понятия русского языка словообразования / А. Н. Тихонов // Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. – М. : Рус. яз., 1985. – Т. 1. – С. 18-52.

180. Тихонов А. Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографирования / А. Н. Тихонов. – М. : Academia, 1998. – 280 с.

181. Тихонов, А.Н. Состояние научной разработки гнезда и перспективы его исследования / А. Н. Тихонов // Актуальные проблемы русского словообразования: Материал VII междунар. науч. конф. – Елец, 2001. – С. 10-21.

182. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Ушакова. – М. : ГИС, 1935-1940.

183. Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой – М. : Азбуковник, 1997. – 353 с.

184. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ- ПРЕСС, 1999. – 704 с.

185. Федоров А. И. Сибирская диалектная фразеология / А. И. Федоров. – Новосибирск, 1980. – 192 с.

Холод С. И. Предельность /непределность глаголов движения в современном русском языке: Дис. ...канд. филол. наук / С. И. Холод. – Тюмень, 2004. – 178 с.

186. Харисов А. И. Категория глагольных видов в башкирском языке / А. И. Харисов – Уфа: Башгосиздат, 1944. – 92 с.

187. Харитонов Л. Н. Выступление на совещании по проблеме глагольного вида / Л. Н. Харитонов // Вопросы грамматики тюркских языков. – Алма-Ата, 1958. – С.56–63.

188. Храковский В. С. Если у несовершенного вида в русском языке повторительное (неограничительно-краткое/ многократное/ итеративное /узуальное/ хабитуальное) значение? / В. С. Храковский // Вопросы языкознания – М. : Наука, 2014 – № 4. С. 3-12.

189. Цыганенко Л. Н. Парадигмы и классы слов / Л. Н. Цыганенко– К. : Рад. Школа, 1978.– 152 с.

190. Цыганенко Г. П. Состав слова и словообразование в русском языке / Г. П. Цыганенко. Киев: Изд-во Радянська школа, 1978. – 152 с.

191. Частотный словарь русского языка/ Под ред. Л. Н. Засорина. – М.: Русский язык, 1977. – 936 с.

192. Черепанов М. В. Типология префиксальных и конфликсальных структур русского глагола: дис. ...д-ра филол. наук. Л., 1974 / М. В. Черепанов. – 18 с.

193. Черепанов М. В. Словообразовательный тип как фактор (модель) и результат (множество) / М. В. Черепанов // Актуальные

проблемы русского слоеобразования. Материалы VI республ. науч.-практ. конф. Самарканд, 1991. – Ч. 2. – 52-54 с.

194. Черепанов М. В. Формирование понятий русского словопроизводства / М. В. Черепанов // Учеб. пособие по спецкурсу. Саратов, СГПИ им. К.А. Федина, 1981. – 72 с.

195. Чудинов, А. П. Семантическое варьирование русского глагола/ А. П. Чудинов. – Свердловск: Изд-во Свердл. пед. ин-та, 1984.– 72 с.

196. Чудинов А. П. Речевое варьирование глагольной семантики и контекст / А. П. Чудинов // Классы слов в синтагматическом аспекте : сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т. – Свердловск, 1988. – С. 132 – 145.

197. Чудинов А. П. Семная структура лексического значения (на материале русских терминов родства) / А. П. Чудинов // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка / Свердл. гос. пед. ин-т.– Екатеринбург, 1991. – С. 29 – 36.

198. Чудинов А. П. Проблемы словесной семантики в свете антропологической лингвистики / А. П. Чудинов // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тез. Докл. Междунар. Науч. Конф. – Екатеринбург : Урал. гос. ун-т. 1995. – С.63-64

199. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М. : Просвещение, 1972. – 322 с.

200. Шведова Н. Ю. Глагол как доминанта русской лексики / Н. Ю. Шведова // Филологический сборник: К 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова – М. : ИРЯ РАН, 1995 – 414 с.

201. Шведова Н. Ю. Русский семантический словарь Т. 4: Глагол. Глаголы с ослабленной знаменательностью: глаголы-связки и полужнаменательные глаголы, глаголы фазовые, глаголы модальные, глаголы связей, отношений и именованя. Дейктические глаголы. Бытийные глаголы. Глаголы со значением собственно активного действия,

деятельности, деятельностного состояния / Н. Ю. Шведова. – М. : РАН ИРЯ, 2007. – 952 с.

202. Шелякин М. А. О причинах устойчивости двувидовых глаголов в современном русском языке. (Категория вида и ее функциональные связи) / М. А. Шелякин // Вопросы русской аспектологии. Учен. Зап. Тарт У. Вып. 482. – 1979. – №4. – С. 101-107.

203. Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского глагола: Теоритические основы / М. А. Шелякин. – Таллин : Валгус, 1983. – 216 с.

204. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1964. – 87 с.

205. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. / А. М. Щербак. – Л. : Наука, 1981. – 183 с.

206. Улуханов, И.С. О некоторых принципах толкования значений мотивированных слов в толковых словарях / И. С. Улуханов // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1975. – С. 497-502

207. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов. – М. : Наука, 1977. – С. 226.

208. Уфимцева А. А. Проблемы системной организации лексики: автореф. дис. докт. филол. наук. / А. А. Уфимцева. – М., 1970. – 30 с.

209. Юлдашев А. А. Категория глагольного вида в башкирском языке / А. А. Юлдашев // Вопросы грамматического строя. – М. : АН СССР. – 1955. – С. 362–386.

210. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М. : , 1972. – С. 95-113.

211. Якобсон Р. О. Избранные работы: Пер. с англ., нем., фр / Р. О. Якобсон. – М. : Прогресс, 1985. – 455 с.

212. Яковлюк А. Н. Лексико-семантический вариант как связующее звено между многозначным словом в языке и его реализацией в речи / А. Н. Яковлюк // Вестник Челябинского государственного университета – Челябинск – 2009. – № 34, С. 156 -162.

213. Янда Л. А. Русские приставки как система глагольных классификаторов / Л. А. Янда // Вопросы языкознания. – № 6. – 2012. – М. : Наука, – С. 3-47

214. Янценецкая М. Н. Заметки о суффиксальном значении: Глагольные суффиксы / М. Н. Янценецкая // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. – Вып. 2. – Томск, 1978. – С. 17-33.

215. Jakobson Roman. On Linguistic Aspects of Translation // Theories of Translation: An Anthology of Essays from Dryden to Derrida: Ed. by Rainer Schulte and John Biguenet. – The University of Chicago Press: Chicago and London, 1992. – P. 144-151.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- БАС – Словарь современного русского литературного языка
(Большой академический словарь)
- КЛС – категориально-лексическая сема
- ЛСВ – лексико-семантический вариант
- ЛСГ – лексико-семантическая группа
- МАС – Словарь русского языка (Малый академический словарь)
- НСВ – несовершенный вид
- ПСГБ – префиксальный словообразовательный гиперблок
- РГ-80 – Русская грамматика. 1980
- СБ – словообразовательный блок
- СВ – совершенный вид
- СГ – словообразовательное гнездо
- СГБ – словообразовательный гиперблок
- СМБ – словообразовательный микроблок
- СП – словообразовательная парадигма
- ТСРГ – Толковый словарь русских глаголов/ под ред. Л. Г. Бабенко.
- Х. М. – Хемсакун Чанунпорн

ПРИЛОЖЕНИЕ

Префиксальные дериваты, образованные от глаголов характеризованной речевой деятельности

Префиксальные глаголы, данные без цифры справа обозначают, что у них есть только одно значение. Цифра справа после обозначает номер значения, представленного в МАС. Знак – (0) обозначает отсутствие значения характеризованной речевой деятельности у производящего глагола, а есть только в дериватах. Знак – (◇) обозначает значение характеризованной речевой деятельности, отраженное во фразеологизме. Если значения, зафиксированы в других словарях, то указывается название словаря. Цифра сверху обозначает омоним префиксального деривата, у которого вторичное значение связано со значением речевой деятельности. Знак (||), обозначает оттенок значения. Знак + обозначает, что глагол имеет два или несколько значений с типовой семантикой характеризованной речевой деятельности.

I. Префиксальные дериваты с модификационным значением

ахать 1	поболтать – 1
заахать	поболтать – 2
поахать	бормотать
проахать	забормотать
басить	набормотать
забасить	побормотать
пробасить	пробормотать
болтать – 1	браниться – 1
доболтать	выбраниться
заболтать ² – 1	забраниться
наболтать – 1	набраниться

отбраниться	жаловаться – 1
побраниться	обжаловаться
разбраниться – 1	пережаловаться
бубнить	разжаловаться
забубнить	лопотать – 2
побубнить	залопотать
бредить – 1	полепетать
пробубнить	пролопотать
забредить	молчать – 1
набредить – 1	замолчать ¹ – 1
побредить	перемолчать – 1
пробредить	перемолчать – 2
сбредить – 1	помолчать
бурчать – 1	примолчать
забурчать	промолчать – 1
побурчать	промолчать – 2
пробурчать	смолчать – ()

накричать – 1	жаловаться – 1
откричать	обжаловаться
перекричать	пережаловаться
покричать – 1	разжаловаться
покричать – 2	лопотать – 2
прокричать – 1	залопотать
прокричать – 2	полепетать
скричать	пролопотать
галдеть	молчать – 1
загалдеть	замолчать ¹ – 1
погалдеть	перемолчать – 1
прогалдеть	перемолчать – 2
гнусавить	помолчать
загнусавить	примолчать
прогнусавить	промолчать – 1
диктовать – 1	промолчать – 2
продиктовать 1	смолчать – ()
подиктовать	

окать	злословить
заокать	позлословить
ойкать	картавить
заойкать	закартавить – 1
роптать – 1	закартавить – 2 [Ушаков]
возроптать	лепетать 1
зароптать	залепетать
пороптать	полепетать
ругаться – 1	пролепетать
заругаться	лопотать – 1
поругаться – 1	залопотать
поругаться – 2	полопотать
переругаться	пролопотать
разругаться	лопотать – 2
наругаться	залопотать
изругаться	полепетать
выругаться	пролопотать
доругаться –1	
доругаться –2	
разжаловаться	

шепелявить	мямлить – 1
зашепелявить	замямлить
прошепелявит	промямлить
дребезжать – 0	благодарить – 1
задрезжать	возблагодарить
подребезжать	отблагодарить – 1
продребезжать – 1	поблагодарить
продребезжать – 1 (ll)	шутиться
читать – 4	зашутиться
дочитать	нашутиться
начитать	перешучиваться
отчитать – 2	расшутиться-расшучиваться
почитать – 1	молчать – 1
перечитать – 1	замолкнуть – 1 [Ушаков]
перечитать – 2	шелестеть – 0
подчитать	зашелестеть
скандировать	пошелестеть
проскандировать + (ll)	прошелестеть – 1

твердить – 2

вытвердить

затвердить¹

затвердить²

натвердить

протвердить

говорить – 2

заговорить² – 1

заговорить² – 2

проговорить – 1

проговорить – 2

улюлюкать

заулюлюкать

цедить – 4

выцедить – 3

процедить – 2

молчать – 1

замолкнуть – 1 (||)

смолкнуть – 1

смолкнуть – 2

умолкнуть

шамкать

зашамкать

пошамкать

прошамкать

шептать – 1

вышептать

зашептать

прошептать

перешептать

пошептать

пришептать

шипеть – 2

пошипеть

зашипеть

прошипеть – 1

прошипеть – 2

прошипеть – 3

II. Префиксальные дериваты с мутационным значением

ахать – 1

проахать – 2

болтать – 1

выболтать

заболтать² – 2

проболтать² – 2

разболтать²

браниться – 1

разбраниться – 2

брредить – 1

набрредить – 2

сбрредить – 2

бросать – 1 (II)

забросать [БАС]

брюзжать – 0

набрюзжать

брякать – 3

отбрякать – 2

ворчать – 0

наворчать [Ушаков]

давить – 0

выдавить – 1 (II)

кричать – 2

накричать – 2

покричать

раскричать

палить – 0

выпалить – 2

давить – 0

выдавить – 1 (II)

палить – 0

выпалить – 2

рыться – (0)

взорваться – 2

вырываться – 2 (II)

толкать – (0)	перебить – 4
выталкивать – 4 [Т. Ф. Евфремова]	диктовать – 2
гаркнуть- гаркать	продиктовать 2
пригаркнуть-пригаркивать	долбить – 3
молчать – 1	выдолбить – 2
замолчать ¹ – 1 ()	задолбить – 6
замолчать ²	[Т. Ф. Евфремова]
смолчать	пинаться – 0
умолчать	запинаться – 2
нести – 7	Лить – ◇
занести – 7 [Ушаков]	излить – 2
перенести – 8 [БТС]	вылить – 3
разнести-разносить ² – 2	перелить – 1 ()
обнести – 5 [Ушаков]	жаловаться –1
шутиться	нажаловаться
отшутиться-отшучиваться	пожаловаться
бить – 0	ругаться – 1
побить – 7	надругаться

ломать – 5	высыпать ² – 1(II) [Ушаков]
уломать	пересыпаться
читать – 4	рассыпаться – 4 [Ушаков]
вычитать – 1	молчать – 1
вычитать – 2	замолкнуть – 2 [Ушаков]
отчитать – 1	замолкнуть – 3 [Ушаков]
почитать – 2	примолкнуть
прочитать – 1 + (II)	молоть – 2
прочитать – 2	намолоть – 2
прочитать – 3	смолоть – 2
прочитать – 4	благодарить – 1
прочитать – 5	отблагодарить – 2
считать 2	литься – 0
шелестеть – 0	залиться ² – 3 [Ожеков]
прошелестеть – 1 (II)	излиться – 2 [Ожеков]
сыпать – 4(II)	петь – 4
сыпать – 5 (II)	напеть – 5 [Ушаков]
всыпать – 2	подпеть – 2 [Ушаков]

пропеть – 1 (II)

[С. А. Кузнецов]

говорить

заговорить¹ – 1

заговорить¹ – 2

заговорить³ – 3

тянуть – 6 [Ожеков]

протянуть –протягивать – 7

растянуть – растягивать – 3 (II)

твердить

подтвердить

цедить – 4

зацедить – 2

частить – 1 (II)

зачастить – 3

шептать – 1

нашептать – 1

нашептать – 2

